РОДИТЕЛЯМ О ДЕТЯХ

Януш Корчак

ЛЮБОВЬ к ребенку

ПИТЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книги Януша Корчака давно стали классикой воспитания. О них не хочется много говорить, их хочется читать, читать и перечитывать тонкие и остроумные замечания, детали, внимательно подсмотренные умным взглядом великого мастера. Эти книги несут ту меру доброты и любви к детям, которая, медленно впитываясь, меняет каждого.

В книгу включен полный текст книги «Как любить ребенка».

- Януш Корчак
  - Ребенок в семье[1]
  - Интернат
  - Летние колонии
  - Дом Сирот
    -
    - Воспоминания
    - Доска объявлений
    - Почтовый ящик
    - Полка
    - Шкаф находок
    - Ларек
    - Вешалка для половых щеток
    - Опекунская комиссия
    - Общее собрание
    - Газета
    - Товарищеский суд
    - Неотзывчивость
    - Настольные игры
    - Молитва
    - Первый пробный год
    - Сейм дома сирот
    - Календарь
    - Памятные открытки
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36

Януш Корчак
Любовь к ребенку

Ребенок в семье [1]

Ведь родиться – не то, что воскреснуть: могила отдаст нас, но не взглянет на нас, как мать.

«Ангелли»[2]

Прошло пятнадцать лет, прибавилось много вопросов, предположений и сомнений, возросло недоверие к установленным истинам.

Истина воспитателя – это субъективная оценка опыта, один лишь, последний, момент размышлений и ощущений. Богатство воспитателя – число и вес тревожащих его проблем.

Вместо того чтобы исправлять и дополнять – правильнее будет обозначать (петитом) то, что изменилось вокруг меня и во мне.

1. Как, когда, сколько, почему?

Я предвижу много вопросов, которые ждут ответа, и сомнений, нуждающихся в разъяснении.

И отвечаю:

– Не знаю.

Всякий раз, когда, отложив книгу, ты начинаешь раздумывать, книга достигла цели. Если же, быстро листая страницы, ты станешь искать предписания и рецепты, досадуя, что их мало, знай: если и есть тут советы и указания, это вышло не помимо, а вопреки воле автора.

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю – «могут», «хотят», а не «обязаны».

В «не знаю» для науки – первозданный хаос, рождение новых мыслей, все более близких истине. В «не знаю» для ума, не искушенного в научном мышлении, – мучительная пустота.

Я хочу научить понимать и любить это дивное, полное жизни

и ярчайших неожиданностей творческое «не знаю» современной науки о ребенке.

Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственной зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Часто можно встретить мнение, что материнство облагораживает женщину, что лишь как мать она созревает духовно. Да, материнство ставит огненными буквами вопросы, охватывающие все стороны внешнего и внутреннего мира, но их можно и не заметить, трусливо отодвинуть в далекое будущее или возмущаться, что нельзя купить их решение.

Велеть кому-нибудь дать тебе готовые мысли – это поручить другой женщине родить твое дитя. Есть мысли, которые надо самому рожать в муках, и они-то самые ценные. Это они решают, дала ли ты, мать, грудь или вымя, воспитаешь как человек или как самка, станешь руководить или вовлечешь на ремне принуждения, или, пока ребенок мал, будешь играть им, находя в детских ласках дополнение к скупым или немилым ласкам супруга, а потом, чуть подрастет, бросишь без призора или захочешь переламывать.

2. Ты говоришь: «Мой ребенок».

Когда тебе и говорить это, как не во время беременности?

Биение крохотного, словно персиковая косточка, сердца – эхо твоего пульса. Твое дыхание несет кислород и ему. Одна кровь течет и в нем, и в тебе – и ни единая алая капля крови еще не знает, останется она твоей или его или прольется и умрет, как дань, взимаемая таинством зачатия и родов. Кусок хлеба, который ты жуешь, – материал ему на созидание ножек, на которые он встанет и побежит, кожицы, которая их покроет, глаз, которыми он будет смотреть, мозга, в котором вспыхнет мысль, ручонок, которыми он к тебе потянется и, улыбаясь, назовет: «мама».

Вместе вам переживать решающий момент; сообща станете испытывать общую боль. Но пробьет час – знак:

– Готов.

И одновременно он, ребенок, скажет: «Хочу жить своей жизнью», а ты, мать, скажешь: «Живи теперь своей жизнью».

Сильными спазмами ты станешь его выталкивать из своего чрева, не считаясь с его болью; мощно и решительно он станет пробиваться, не считаясь с твоей болью.

Зверский акт.

Нет – и ты, и он подвластны сотне тысяч неуловимых, легких

и дивно точных импульсов, дабы, забирая свою долю жизни, вы не взяли больше, чем принадлежит вам по праву, всеобщему и извечному.

«Мой ребенок».

Нет, даже в долгие месяцы тягости и часы родов ребенок не твой.

3. Ребенок, которого ты родила, весит десять фунтов.

В нем восемь фунтов воды и горсть углерода, кальция, азота, серы, фосфора, калия и железа. Ты родила восемь фунтов воды и два – земного праха. А каждая капля этого **твоего** ребенка была паром облака, кристаллом снега, мглой, росой, родником, мутью городского сточного канала. Каждый атом углерода или азота вступал в миллионы разных соединений.

Ты лишь собрала воедино то, что было…

Земля, повисшая в бесконечности.

Близкий друг земли – солнце – пятьдесят миллионов миль.

Диаметр нашей небольшой планеты – это только три тысячи миль огня в тонкой, остывшей на десять миль коре.

На тонкой, наполненной огнем коре, среди океанов – брошена пригоршня суши.

На суше меж кустов и деревьев, насекомых, птиц и зверей – роятся люди.

Среди миллионов людей ты родила еще одного, одну – что? – былинку, пылинку – ничто.

Уж так-то он хрупок, что его может убить бактерия, которая, и в тысячу раз увеличенная, в поле нашего зрения – только точка…

Но это **ничто** – кровный брат морской волне, вихрю, молнии, солнцу и млечному пути. Эта пылинка – сестра колосу, траве, дубу, пальме – птенцу, львенку и жеребенку, щенку.

В ней есть то, что чувствует и исследует, страдает и устремляется – радуется, любит, надеется, ненавидит – верит и сомневается, приемлет и отвергает.

Эта пылинка охватывает мыслью все: звезды и океаны, горы и пропасти. И чем является содержание нашей души, как не вселенной – только взятой без протяжений?

Вот противоречие в человеческом существе: прах земной стал обителью Бога.

4. ТЫ говоришь: «Мой ребенок».

Нет, это ребенок общей матери и отца, дедов и прадедов.

Чье-то отдаленное «я», спавшее в веренице предков, – голос истлевшей, давно забытой гробницы вдруг заговорил в твоем ребенке.

Три сотни лет тому назад, в военное или в мирное время, кто– то овладел кем-то (в калейдоскопе скрещивающихся рас, народов, классов) – с согласия или насильно, в минуту ужаса или любовной истомы – изменил или соблазнил. Никто не знает, кто и где, но Бог записал это в книгу судеб, а антрополог пытается разгадать по форме черепа и цвету волос.

Бывает, впечатлительный ребенок фантазирует, что он в доме родителей – подкидыш. Да: тот, кто породил его, умер столетия назад.

Ребенок – это пергамент, сплошь покрытый иероглифами, лишь часть которых ты сумеешь прочесть, а некоторые сможешь стереть или только перечеркнуть и вложить свое содержание.

Страшный закон? Нет, прекрасный. В каждом твоем ребенке он видит первое звено бессмертной цепи поколений. Поищи в своем чужом ребенке эту дремлющую свою частицу. Быть может, и разгадаешь, быть может, даже и разовьешь.

Ребенок и беспредельность.

Ребенок и вечность.

Ребенок – пылинка в пространстве.

Ребенок – момент во времени.

5. Ты говоришь: «Он должен… Я хочу, чтобы он…»

И выбираешь для него, кем должен быть – жизнь, какую желала бы.

Ничего, что кругом скудость и заурядность. Ничего, что кругом серость.

Люди суетятся, хлопочут, стараются – мелкие заботы, тусклые стремления, низменные цели…

Несбывшиеся надежды, мучительные сожаления, вечная тоска.

Всюду несправедливость.

Цепенеешь от бездушия, задыхаешься от лицемерия.

Имеющее клыки и когти нападает, тихое уходит в себя.

И не только страдают люди, а и марают душу…

Кем должен быть твой ребенок?

Борцом или только работником? Командующим или рядовым? Или только счастливым?

Где счастье, в чем счастье? Знаешь ли к нему путь? Да и есть

ли такие люди, которые знают?

Справишься ли?..

Как предвидеть, как оградить?

Мотылек над пенным потоком жизни… Как придать прочность крыльям, не снижая полета, закалять, но утомляя?

Собственным примером, помогая, советами, словом и делом?

А если отвергнет?

Лет через пятнадцать он обращен к будущему, ты – к прошлому. У тебя воспоминания и привычки, у него поиски нового и дерзновенная надежда. Ты сомневаешься, он ждет и верит, ты боишься, а он бесстрашен.

Юность, если она не издевается, не проклинает, не презирает, всегда стремится изменить ошибочное прошлое.

Так и должно быть. И все же…

Пусть ищет, лишь бы не заблуждался, пусть, взбирается, лишь бы не упал, пусть искореняет, лишь бы не разбил в кровь руки, пусть борется, только осторожно-осторожно.

Скажет:

– Я другого мнения. Довольно опеки.

– Значит, не нужна я тебе?

– Тяготит тебя моя любовь?

– Неосмотрительное мое детище, не знаешь ты жизни, бедное, неблагодарное!

6. Неблагодарное.

Благодарна ли земля солнышку, что ей светит? Дерево зерну, что из него выросло? Поет ли соловушка матери, что выгрела его грудью?

Отдаешь ли ребенку то, что взяла у родителей, или лишь одалживаешь, чтобы получить обратно, тщательно записывая и высчитывая проценты?

Заслуга ли любовь, что ты требуешь плату?

«Мать-ворона мечется, как безумная, почти садится на плечи парнишке, цепляется клювом за его палку и, повиснув над ним, точно молотом бьет головой по стволу, отгрызая небольшие веточки, и каркает хриплым, натужным, сухим голосом отчаяния. А когда мальчик сбросит птенца, она кидается наземь и, волоча крылья, раскрывает клюв, хочет закаркать – голоса нет – так она машет крыльями и скачет – смешная, ошалевшая – в ноги парнишке. Когда же перебьют всех ее детей, мать-ворона взлетает на дерево, забирается в пустое гнездо и, кружа но нему, все думает» (Жеромский)[3].

Материнская любовь – стихии. Люди ее переделали на свой лад. Весь цивилизованный мир, за исключением народных масс, которых не коснулось культура, занимается детоубийством. Супруги, у которых двое детей, хотя могло быть двенадцать, – убийцы десятерых неродившихся, а среди них был один, именно он – «их ребенок». Быть может, среди нерожденных они убили самого ценного.

Так что же делать?

Воспитывать не этих детей, которые не родились, а этих, которые рождаются и будут жить.

<…>

7. Здоров ли?

Еще так странно, что он уже больше не она сама. Еще недавно в их двойной жизни боязнь за ребенка была частицей боязни за саму себя.

Она так желала, чтобы это уже кончилось, так сильно хотела, чтобы эта минута уже была позади. Думала, будет свободна от забот и тревог.

А сейчас?

Странная вещь: раньше ребенок был ей ближе, более свой, в его безопасности она была больше уверена, лучше его понимала. Думала, что она знает, сумеет… С момента, когда забота о нем перешла в чужие руки, опытные, оплачиваемые и уверенные, мать – одинокая, отодвинутая на задний план – испытывает беспокойство.

Мир его уже у нее отнимает.

И в долгие часы вынужденного бездействия мать спрашивает себя: что я ему дала, чем наделила, чем наградила?

Здоровый? Так почему плачет?

Почему худенький, плохо сосет, не спит, спит так много, отчего у него такая большая головка, ножки скрючены, стиснуты кулачки, красная кожица, белые прыщики на носу, косят глазки, почему он икает, чихнул, давится, охрип?

Так и должно быть? А может, ее обманывают?

И она смотрит на это маленькое, беспомощное существо, не похожее ни на одно из точно таких же маленьких и беспомощных существ, которые она видела на улице или в парке.

Неужели и он через три-четыре месяца?..

А может, они ошибаются?

Может, проглядели?

Мать с недоверием слушает врача, изучая его взглядом: она

желает понять по глазам, пожатию плечами, поднятой брови, нахмуренному лбу: говорит ли он правду и достаточно ли сосредоточен.

8. «Красив ли? А мне все равно».

Так говорят неискренние матери, желая подчеркнуть свой серьезный взгляд на цели воспитания.

Красота, грация, внешность, приятный голос – капитал, переданный тобой ребенку; как ум и как здоровье, он облегчает жизненный путь. Но не следует переоценивать красоту: не подкрепленная другими достоинствами, она может принести вред. (И тем более требует зоркой мысли.)

Красивого ребенка надо воспитывать иначе, чем некрасивого. А раз воспитания без участия в нем самого ребенка не существует, не надо стыдливо утаивать от детей значение красоты, это-то и портит.

Это как бы презрение к человеческой красоте – пережиток средневековья. Человеку, чуткому к прелести цветка, бабочки, пейзажа, – как остаться равнодушным к красе человека?

Хочешь скрыть от ребенка, что он красив? Если ему про то не скажет никто из домашних, скажут чужие люди: на улице, в магазине, в парке, всюду – восклицанием, улыбкой, взглядом, взрослые ли, ровесники ли. Скажет злая доля детей некрасивых и безобразных. И ребенок поймет, что красота дает особые права, как понимает, что рука – это его рука, которой он пользуется.

Как слабый ребенок может развиваться благополучно, а здоровый – попасть в катастрофу, так и красивый – оказаться несчастным, а одетый в броню непривлекательности – невыделяемый, незамечаемый – жить счастливо. Ибо ты должен, обязан помнить, что жизнь, заметив каждое ценное качество, захочет купить его, выманить или украсть. Эта совокупность тысяч и тысяч отклонений рождает неожиданности, изумляющие воспитателя мучительными многократными «почему?».

– А мне все равно, красивый или некрасивый.

Ты начинаешь с ошибки и лицемерия.

9. Умен ли?

Вначале мать спрашивает с тревогой, вскоре она будет требовать.

Ешь, хотя и сыт, хотя бы с отвращением; ложись спать, хотя

бы со слезами, даже если заснешь лишь через час. Должен, требую, чтобы ты был здоров.

Не играй песком, не ходи растрепой: требую, чтобы ты был красив.

«Он еще не говорит… Он старше на… несмотря на это, еще… Он плохо учится…»

Вместо того чтобы наблюдать, изучать и знать, берется первый попавшийся «удачный» ребенок и предъявляется требование своему: вот на кого ты должен быть похож.

Нельзя, чтобы ребенок состоятельных родителей стал ремесленником. Пусть уж лучше будет человеком падшим и несчастным. Не любовь к ребенку, а родительский эгоизм, не благо личности, а тщеславие толпы, не поиски пути, а путы шаблона.

Ум бывает активный и пассивный, живой и вялый, настойчивый и безвольный, покладистый и своенравный, творческий и подражательный, показной и глубокий, конкретный и абстрактный, ум математика, естественника, писателя; блестящая и посредственная память; ловкая манипуляция случайными знаниями и честная нерешительность; врожденные деспотизм, вдумчивость, критицизм; преждевременное и запоздалое развитие; односторонность или разносторонность интересов.

Но кому какое до этого дело?

«Пусть хоть четыре класса окончит», – опускают руки родители.

Предчувствуя блистательный Ренессанс физического труда, я вижу кандидатов для него во всех классах общества. А до тех пор – борьба родителей и школы с каждым исключительным, нетипичным, слабым или неровным по своим способностям ребенком.

Не «умен ли вообще», а скорее «какого склада у него ум?».

Наивный призыв к семье добровольно принести тяжелую жертву. Пристальное изучение способностей ребенка обуздает эгоистичные амбиции родителей. Разумеется, это песнь отдаленного будущего.

10. Хороший ребенок.

Надо остерегаться смешивать «хороший» с «удобным».

Мало плачет, ночью нас не будит, доверчив, спокоен – хороший.

А плохой – капризен, кричит без явного к тому повода,

доставляет матери больше неприятных эмоций, чем приятных.

Ребенок может быть более или менее терпелив от рождения, независимо от самочувствия. Одному хватит единицы страдания, чтобы дать реакцию десяти единиц крика, а другой на десяток единиц недомогания реагирует одной единицей крика.

Один вял, движения ленивы, сосание замедленно, крик без острого напряжения, чуткой эмоции.

Другой легко возбудим, движения живы, сон чуток, сосание яростно, крик вплоть до синюхи.

Зайдется, задохнется, надо приводить в чувство, порой с трудом возвращается к жизни. Я знаю: это болезнь, мы лечим от нее рыбьим жиром, фосфором и безмолочной диетой. Но болезнь эта позволяет младенцу вырасти человеком могучей воли, стихийного натиска, гениального ума. Наполеон в детстве заходился плачем.

Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом, стремится усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований.

Вежлив, послушен, хорош, удобен, а и мысли нет о том, что будет внутренне безволен и жизненно немощен.

11. Крик ребенка – неприятный сюрприз для молодой матери.

Знала, дети плачут, но, думая о своем, проглядела: ждала одних пленительных улыбок.

Станет соблюдать все необходимое, воспитывать будет разумно, современно, под наблюдением опытного врача. Ее ребенок не должен плакать.

Но наступает ночь, когда она, ошеломленная (живы еще отзвуки тяжких часов, длившихся столетия), едва ощутив сладость усталости без забот, лени без самобичевания, отдыха после завершенной работы, отчаянного напряжения, первого в ее изнеженной жизни: едва уступив иллюзии, что все кончилось, ибо оно, дитя – этот другой – уж само дышит; умиленная, способная задавать лишь полные таинственных шепотов вопросы природе, не требуя даже ответа…

…Вдруг слышит…

Деспотичный крик ребенка, который чего-то требует, на что-то жалуется, домогается помощи, а она не понимает!

Бодрствуй!

«Да раз я не могу, не хочу, не знаю как!»

Этот первый крик при свете ночника – предвестник борьбы

сдвоенной жизни: одна, зрелая, которую заставляют уступать, отрекаться и жертвовать, защищается; другая, новая, молодая, завоевывает свои права.

Сегодня ты не винишь его; он не понимает, страдает. Но есть на циферблате времени час, когда скажешь: «И я чувствую, и я страдаю».

12. Бывают новорожденные и младенцы, которые мало плачут, – тем лучше.

Но есть и такие, у которых от крика взбухают на лбу вены, выпячивается темечко, багровая краска заливает личико и головку, губы синеют, беззубый ротик дрожит, животик вздувается, судорожно стискиваются кулачки, ножки колотят по воздуху. Вдруг он умолкает без сил, с выражением полной покорности глядит «с упреком» на мать, жмурит глаза, моля о сне, а после нескольких поспешных вдохов и выдохов опять подобный, а может, и еще сильнее приступ крика.

Неужто выдержат это маленькие легкие, крохотное сердце, юный мозг?

На помощь, врача!

Проходит вечность, прежде чем врач появляется и выслушивает со снисходительной улыбкой ее опасения, такой чужой, неприступный, профессионал, для него этот ребенок – один из тысячи. Появляется, чтобы через минуту уйти к другим страданиям, слушать иные жалобы, появляется сейчас, днем, когда на душе повеселело: солнце, на улице люди; появляется, когда ребенок как раз заснул, видно, изнуренный часами без сна, и еле заметны следы кошмарной ночи.

Мать слушает, иногда слушает невнимательно. Мечты о враче-друге, советчике, проводнике в тяжелом странствии развеялись безвозвратно.

Она вручает гонорар и опять остается одна в печальном убеждении, что доктор – безучастный чужой человек, который не поймет. Да он и сам колеблется, ничего не сказал определенно.

13. Знай она,

как важны эти первые дни и недели, и не столько для здоровья ребенка сейчас, сколько для будущности их обоих!

А уж как легко упустить!

Вместо того чтобы примириться с мыслью, что если врачу ее

ребенок интересен лишь тем, что приносит доход или льстит тщеславию, так и для мира он ничто, и дорог лишь ей…

Вместо того чтобы примириться с современным состоянием науки, которая догадывается, старается узнать, изучает и делает шаг вперед – знает, но не уверена, помогает, но не дает гарантий…

Вместо того чтобы мужественно установить: воспитание ребенка – это не милая забава, а дело, требующее капиталовложений – тяжких переживаний, забот, бессонных ночей и много, много мыслей…

Вместо того чтобы переплавить все это в огне чувств на честное знание без иллюзий, без детского фырканья и эгоистичной горечи, она способна перевести ребенка вместе с няней в дальнюю комнату, потому что «не может смотреть» на мучения крошки, «не может слышать» его жалобных призывов; способна опять и опять вызывать врачей, не приобретая никакого опыта, – прибитая, отупевшая, одуревшая.

Как наивна радость матери, что она поняла первую неясную речь ребенка, угадала путаные, недоговоренные слова!

Лишь сейчас?.. Лишь это?.. И не больше?..

А язык плача и смеха, язык взгляда и губ сковородочкой, язык движений и сосания?..

Не отрекайся от этих ночей! Они дают то, чего не дает книга и ничей совет. Ценность этих ночей не только в знании, но и в глубоком душевном перевороте, который не позволяет вернуться к бесплодным размышлениям: «Что могло бы быть, что должно бы быть, как было им хорошо, если бы…», а учит действовать в условиях, которые налицо.

В эти ночи может родиться дивный союзник, ангел-хранитель ребенка – интуиция материнского сердца, ясновидение, которое состоит из пытливой воли, зоркой мысли, неомраченных чувств.

14. Бывало и так:

вызывает меня мать.

– Ребенок здоров, с ним ничего нет. Но я хотела бы, чтобы вы его посмотрели.

Осматриваю, даю несколько указаний, отвечаю на вопросы. Да здоров же, милый, веселый!

– До свидания!

И в тот же вечер или на другой день:

– Доктор, у ребенка жар.

Мать заметила то, чего и врач не сумел прочесть при

поверхностном осмотре во время краткого визита.

Часами склоненная над малышом, не владея методом наблюдения, она не знает, что именно она заметила, и, не доверяя себе, не смеет признаться в сделанных ею тонких наблюдениях.

А она заметила, что у ребенка хрипоты нет, но голос глуховатый. Лепечет чуть меньше или тише. Раз вздрогнул во сне, несколько сильнее, чем обычно. Рассмеялся, когда проснулся, но потише. Сосал чуть медленнее, может быть, с более длительными передышками, как бы рассеянно. Улыбнувшись, скривился, а может, это только показалось? Любимую игрушку бросил в гневе – отчего?

Сотней симптомов, которые заметили ее глаз, ухо, сосок, сотней микрожалоб ребенок сказал: «Мне нездоровится. Нехорошо мне сегодня».

Мать не верила в то, что она заметила, потому что в книжке ни об одном таком симптоме не читала.

15. В бесплатную поликлинику мать-рабочая приносит двухмесячного младенца.

– Не сосет. Еле возьмет сосок, бросает. С ложечки пьет. Иной раз во сне, а то и не во сне как вскрикнет вдруг…

Осматриваю рот, горло – ничего не вижу.

– Дайте ему, пожалуйста, грудь.

Ребенок хватает сосок, сосать не хочет.

– Вот ведь какой стал!

Наконец ребенок берет грудь, быстро, как бы в отчаянии, делает несколько сосательных движении и с криком выпускает.

– Вы поглядите, у него что-то на десне.

Осматриваю во второй раз, покраснение, но странное: только на одной стороне.

– Вот тут что-то чернеется, зубик, что ли?

Вижу что-то твердое, желтоватое, овальное, с черным ободком. Приподнимаю, под ним – маленькое красненькое углубление с кровяным краем.

Наконец это «что-то» у меня в руках: конопляная шелуха!

Над люлькой висит клетка с канарейкой. Канарейка бросила шелуху, та упала на губу, проскользнула в рот и впилась в десну.

Ход моих мыслей: stomatitis catarrhalis, soor, stom. aphtosa, gingivitis, angina[4] и т. д.

А мать: больно, что-то во рту.

Я два раза производил осмотр… А она?

16. иногда врача удивляет точность и дотошность материнских наблюдений.

С другой стороны, он с равным удивлением устанавливает, что зачастую мать не умеет не то что понять, а даже заметить самый наипростейший симптом.

Ребенок от рождения плачет, мать ничего больше не увидела. Плачет и плачет…

Возникает ли плач внезапно, сразу достигая вершины, или жалобное хныканье постепенно переходит в крик? Быстро ли младенец успокаивается, сразу после выделения кала или мочи, или после того, как вырвало (или сам выплюнул)? Вдруг ли разревется во время купания, одевания, вставания или, словно жалуясь, плачет протяжно, без внезапных вспышек? Какие при этом делает движения? Трется головкой о подушку, чмокает губами? Успокаивается ли, если носить, а распеленаешь и положишь на животик, часто ли меняет положение? Засыпает после плача крепким сном и надолго или просыпается при любом шорохе? Плачет до или после сосания, больше утром, вечером или ночью?

Успокаивается ли во время сосания? Надолго? Или не хочет сосать? Как не хочет? Бросает сосок, чуть взял в рот, или при глотании? Сразу или спустя некоторое время? Решительно не желает или можно склонить на сосание? Как сосет? Отчего не сосет?

Если насморк, то как будет сосать? Жадно и сильно, потому что хочется пить, а потом частыми небольшими глотками и неровно, делая передышки, потому что не хватает дыхания? А если и дальше глотание болезненно, то что будет?

Плачут не только с голоду и от болей в «животике», но и когда болят губы, десны, язык, горло, нос, палец, ухо, кости; от боли в поцарапанном клизмой заднем проходе, при болезненном выделении мочи, при тошноте, жажде, перегревании, зуде кожи, на которой еще сыпи нет, но появится через месяц-другой; плачут из-за жесткой тесемки, складки на пеленке, ворсинки ваты, которая встала в горле, шелухи от семечка из канарейкиной клетки.

Вызови врача на десять минут, но и сама наблюдай все двадцать часов.

17. Из-за книг с их готовыми формулами притупилось зрение и обленилась мысль.

Живя чужим опытом, наблюдениями и взглядами, люди настолько утратили веру в себя, что не хотят смотреть своими глазами. Будто печатное слово – откровение, а не результат наблюдений – только чьих-то, а не моих, вчерашних, а не сегодняшних, над чьим-то, а не над моим ребенком.

А школа выработала трусость, страх выдать, что не знаю.

Сколько раз мать, записав па листке вопросы, которые хочет задать врачу, не решается их высказать. И как исключительно редко даст ему этот листок, потому что она там «написала глупости».

Сама скрывая, что она не знает, сколько раз она заставит и врача скрыть сомнения и колебания, ответить определенно! Как неохотно принимает широкая публика ответы условные, как не любит, когда врач размышляет вслух над колыбелью! Как часто врач, вынужденный быть пророком, становится шарлатаном!

Порой родители не хотят знать то, что они уже узнали, и видеть то, что они уже увидели.

Роды в кругах, где царит фанатизм удобств, являются чем-то столь редким и злостно-исключительным, что мать категорически требует от природы щедрой награды. Если мать согласилась на лишения, на неприятности, недомогания беременности и муку родов, ребенок должен быть таким, каким она его придумала.

Хуже того: привыкнув, что на деньги можно купить все, она не хочет смириться с фактом, что есть что-то, что может получить нищий и чего не подадут, как ни проси, магнату.

Сколько раз в поисках того, что снабжено на рынке общей этикеткой «здоровье», родители покупают фальсификаты, которые или не помогают, или приносят вред.

18. Младенцу – грудь матери.

Не имеет значения, родился он потому, что бог благословил супругов или девица потеряла стыд; шепчет мать: «Мое сокровище» – или вздыхает: «Как мне быть, горемыке»; почтительно поздравляют ее светлость или бросят деревенской девчине: «Тьфу, потаскуха».

Проституция, которая служит мужчине, находит свое социальное дополнение в институте кормилиц, который служит женщине.

Следует глубоко осознать: это освященное традицией кровавое злодеяние по отношению к ребенку бедняка даже не на благо ребенку богатых. Ведь кормилица могла бы кормить и двоих зараз: своего и чужого. Молочная железа даст столько

молока, сколько от нее потребуют. У кормилицы тогда пропадает молоко, когда ребенок выпивает молока меньше, чем дает грудь.

Формула: молочная грудь, слабый ребенок – молоко пропадает.

Странная вещь: в менее серьезных случаях мы склонны обращаться за советами ко многим врачам, а в столь важном: может ли мать сама кормить грудью – довольствуемся одним, подчас неискренним, подсказанным случайными людьми.

Каждая мать может кормить, у каждой достаточное количество молока; и только незнание техники кормления лишает ее этой врожденной способности.

Боли в груди, трещины на сосках являются некоторым препятствием. Но страдание окупается сознанием, что мать вынесла всю тягость, не переложив ничего на плечи купленной рабыне. Ибо кормление – это продолжение беременности, «только ребенок переместился наружу и, отрезанный от последа, взял грудь и пьет не красную, а белую кровь».

Пьет кровь? Да, материнскую – это закон природы, а не убиенного молочного брата – что узаконили люди.

Отголосок интенсивной борьбы за право ребенка на грудь. Сегодня во главе угла стоит жилищный вопрос. А что будет завтра? Таким образом, интересы автора определяются текущим моментом.

19. Может, и я сочинил бы медицинский «Египетский сонник» для матерей.

«Вес три с половиной кило при рождении означает здоровье, благополучие».

«Испражнения зеленые, слизистые: беспокойство, неприятное известие».

Может, и я составил бы «Любви зерцало», сборник советов и указаний.

Но я убедился, что нет предписания, которого не довела бы до абсурда некритичная крайность.

Старая система:

Грудь тридцать раз в сутки, попеременно с «касторочкой». Младенец переходит из рук в руки, его качают, «тетешкают» все перепростуженные тетки. Подносят к окну, к зеркалу, хлопают в ладоши, гремят погремушками, ноют песенки – ну просто ярмарка!

Новая система:

Каждые три часа грудь. Ребенок при виде приготовлений

проявляет нетерпение, сердится, плачет. Мать смотрит на часы: еще четыре минуты. Ребенок спит, мать его будит – пора кормить, голодного отнимает от груди – время истекло. Лежит – не надо трогать. Не приучать к ношению на руках. Выкупанный, сухой, сытый ребенок должен спать. Не спит. Надо ходить на цыпочках, завесить окна. Больничная палата, морг.

Не мысль работает, а предписание приказывает.

20. Не «Как часто кормить», а: «Сколько раз в сутки».

Такая постановка вопроса развязывает матери руки; пусть сама устанавливает часы, как лучше ей и ребенку.

Сколько раз в сутки должен сосать ребенок?

От четырех раз до пятнадцати.

Как долго держать у груди ребенка?

От четырех минут до сорока пяти и дольше.

Мы встречаем: грудь, легко и трудно отделяющую молоко, с обильным и скудным молоком, с хорошо выраженными сосками и невыраженными, с тугими и ранимыми. Мы встречаем детей сильно, неровно и лениво сосущих. Поэтому единого рецепта нет.

Сосок слабо выражен, но прочный; новорожденный активный; пусть он сосет часто и подолгу, чтобы «разработать» грудь.

Молочная мать, ребенок слабый. Может, лучше перед кормлением отцедить часть молока и заставить ребенка напрягаться? Не может справиться? Дать грудь, а оставшееся молоко отцедить.

Грудь туговата, ребенок вялый. Он начинает пить минут через десять.

На одно глотательное движение может приходиться от одного до пяти сосательных. Количество молока в одном глотке может быть больше или меньше.

Берет грудь, сосет, но не глотает; редко, часто глотает.

«По подбородку течет». Может, потому, что молока много, а может, и потому, что молока мало, ребенок изголодался, сильно втянул в себя и поперхнулся – но только первыми глотками.

Как можно, не зная ребенка и матери, давать предписания? «Кормить по десяти минут пять раз в сутки» – это схема.

21. Без весов нет техники кормления грудью.

Все, что мы не сделаем, будет игрой в жмурки!

Кроме взвешивания, нет иного способа узнать, высосал

ребенок три ложки молока или десять.

А от этого зависит, как часто он должен сосать, как долго, из обеих или из одной груди.

Весы могут быть непогрешимым советником, если видеть то, что есть на самом деле, и могут стать тираном, если мы захотим получить схему «нормального» роста ребенка. Как бы нам один предрассудок – о зеленых испражнениях – не сменить на другой – об идеальных кривых!

Как взвешивать?

Следует отметить, что бывают матери, которые убили много сотен часов на гаммы и этюды, а ознакомиться с весами им в тягость. Взвешивать до и после кормления? Такая возня! Бывают и другие, которые не отмахиваются от весов, а окружают их вниманием – этого любимого домашнего врача.

Дешевые весы для грудных детей, такое распространение весов, чтобы «забрели под соломенную стреху», – это социальный вопрос. Кто его поднимет?

22. Как это происходит?

Одно поколение детей выросло под лозунгом: молоко, яйца, мясо, а другое получает каши, овощи, фрукты?

Я мог бы ответить: прогресс химии, исследования в области обмена веществ.

Нет, суть изменения ищи глубже.

Новая диета является выражением доверия науки к живому организму, уважением к его воле.

Когда давались белки и жиры, хотели стимулировать развитие организма, специально подбирая диету, а сейчас мы даем все: пусть живой организм сам выбирает, что ему надо, что приносит пользу, пусть сам управляет своими силами, активом унаследованного здоровья и потенциальной энергией развития.

Не что мы даем ребенку, а что он усваивает. Каждое насилие и излишество – это балласт, каждая односторонность – возможная ошибка.

Даже будучи близки к истине, мы можем сделать ошибку, а повторяя ее последовательно из месяца в месяц, мы наносим вред организму или усложняем ему работу.

Когда, как и чем прикармливать?

Тогда, когда ребенку не хватает высосанного им литра молока; не сразу, а постепенно и всегда дождавшись реакции организма; прикармливать всем, в зависимости от ребенка, его ответа.

23. А кашки?

Следует отличать науку о здоровье от торговли здоровьем.

Жидкость для выращивания волос, эликсир для зубов, пудра, которая омолаживает кожу, кашки, облегчающие прорезывание зубов, – зачастую это позор для науки и никогда – ее гордость, взлет, достижение.

Фабрикант обеспечит кашками и нормальный стул, и эффектный вес, даст то, что мать тешит, а ребенку по вкусу. Но ребенок станет водянистым, рыхлым, раскормленным, может быть, вялым, может быть, с пониженной жизнеспособностью.

И всегда фабрикант дискредитирует грудь, правда, осторожно, пробуждая сомнения, потихоньку подкапываясь, искушая и потакая слабостям толпы.

Кто-нибудь скажет: ученые со всемирно известными именами выразили одобрение. Но и ученые – люди: и среди них есть более проницательные и менее проницательные, осмотрительные и легкомысленные, честные и фальсификаторы. Сколько их, генералов науки не силой гения, а оборотливостью или привилегией богатства и рождения! Наука нуждается в дорогостоящих лабораториях, а их дают не только за подлинные достоинства, но и за притворство, и за потворство, и за интриги.

Я присутствовал на заседании, где наглая самоуверенность присваивала плоды двенадцати лет добросовестного исследовательского труда. Я знаю открытие, сфабрикованное к известному международному съезду. Питательный препарат, значение которого подтвердило несколько десятков светил, оказался фальсификатом; был судебный процесс; скандал быстро замяли.

Не кто похвалил кашку, а кто не хотел ее хвалить, несмотря на все старания агентов и фабрикантов. А они-то уж умеют домогаться и добиваться. Предприятия-миллионеры обладают большим влиянием; это сила, перед которой не каждый устоит.

Многие моменты в этих разделах – отголоски моего бракоразводного процесса с медициной. Я видел и отсутствие опеки, и халтурность медицинской помощи. (Каменьского[5] недооценивали, Брудзиньский[6] первым сумел потребовать и добиться равноправия для педиатрии.) На нищете и запустении стала нахально наживаться иностранная промышленность медицинских препаратов. Сегодня у нас есть пункты опеки, фабричные ясли, летние колонии, детские здравницы, школьные медицинские пункты, больничные кассы. Еще беспорядок и нехватки, но мы дожили: видим начало. Теперь можно верить в кашки и лекарства: их задача не подменять гигиену и социальное

обеспечение, а помогать им.

24. У ребенка жар, насморк.

Ему ничто не угрожает? Когда он выздоровеет?

Наш ответ – равнодействующая ряда суждений на основе того, что мы знаем и сумели заметить.

А значит: сильный организм преодолеет слабую инфекцию в два-три дня. Если инфекция сильнее или ребенок слабее, недомогание продлится неделю. Посмотрим.

Либо: недомогание легкое, но ребенок очень мал. Катар у младенцев часто переходит со слизистой носа на гортань, трахею, бронхи. Увидим.

Наконец, из ста подобных случаев девяносто оканчиваются быстрым выздоровлением, в семи – болезненное состояние затягивается, в трех – развивается осложнение и может наступить смерть.

Примечание: а может, за легкой простудой скрывается другое заболевание?..

Но мать не хочет предполагать, она хочет иметь полную уверенность.

Можно диагноз уточнить, исследуя выделения носа, получить анализы мочи, крови, спинномозговой жидкости, можно сделать рентгеноскопию, вызвать специалистов. Возрастет процент безошибочности в диагностике, прогнозировании и даже лечении. Но уравновесит ли этот плюс вред многократных осмотров и присутствие большого числа докторов, каждый из которых может внести в волосах, складках одежды, при разговоре более опасную инфекцию?

Где ребенок мог простудиться?

Можно было этого избежать.

А не вырабатывает ли эта легкая инфекция иммунитет против более сильной, с которой ребенок столкнется через неделю, через месяц, и не совершенствует ли она защитный механизм: в термическом центре мозга, железах, составных частях крови? И можем ли мы изолировать ребенка от воздуха, которым он дышит, а один кубический сантиметр его содержит тысячи бактерий?..

Не явится ли это новое столкновение того, к чему мы стремимся, с тем, перед чем вынуждены отступить, еще одной попыткой вооружить мать не образованием, а разумом, без которого ей не воспитать правильно ребенка?

25. Пока смерть косила рожениц, не очень-то думали о новорожденном.

Его заметили, когда асептика и техника медицинской помощи научились сохранять жизнь матери. Пока смерть косила младенцев, все внимание науки должно было направляться на бутылочку и пеленку. Теперь, может быть, уже недолго – и наряду с вегетативным обликом ребенка мы четко разглядим психический склад, жизнь и развитие ребенка до года. То, что сделано до сих пор, даже еще не начало работы.

Бесконечный ряд психологических проблем и проблем на грани физиологии и психологии младенца.

Наполеон страдал родимчиком. Бисмарк был рахитиком, и уж бесспорно – каждый пророк и преступник, герой и предатель, большой и малый, атлет и замухрышка был младенцем, прежде чем стать взрослым человеком. Если мы хотим изучать амебы мыслей, чувств и стремлений до того, как они развились, дифференцировались и сложились, мы должны обратиться к младенцу.

Только безграничное невежество и поверхностность взгляда могут позволить недоглядеть, что младенец представляет собой некую строго определенную индивидуальность, состоящую из врожденного темперамента, силы интеллекта, самочувствия и жизненного опыта.

26. Сто младенцев.

Я склоняюсь над кроваткой каждого. Вот они, чья жизнь исчисляется неделями или месяцами, – разного веса и с разным прошлым своей кривой, больные, выздоравливающие, здоровые и с трудом цепляющиеся за жизнь.

Встречаю разные взгляды, от угасших, словно подернутых пеленой, без выражения, и от упорных, болезненно-сосредоточенных до оживленных, приветливых и даже задорных. И улыбка приветствия, внезапная, дружеская, или улыбка после внимательного наблюдения, лишь в ответ на мою улыбку и ласковое слово-поощрение.

Что сразу мне показалось случайностью, повторяется в течение многих дней. Я записываю, выделяя доверчивых и недоверчивых, спокойных и капризных, веселых и мрачных, неуверенных, боязливых и враждебных.

Всегда веселый: улыбается до и после кормления, разбуди его – сонный, разомкнет веки, улыбнется и уснет. Всегда мрачный: с

беспокойством встречает тебя, уже готовый заплакать, за три недели улыбнулся, и то мельком, лишь раз…

Осматриваю горло. Живой, бурный, страстный протест. Или лишь досадливо сморщится, нетерпеливо мотнет головой и уже добродушно улыбается. Или подозрительно насторожен при каждом движении чужой руки, впадает в гнев раньше, чем испытал боль…

Массовая прививка оспы: по пятидесяти детей в час. Это уже эксперимент. И опять – у одних немедленная и энергичная реакция, у других – постепенная и слабая, а у третьих – безразличие. Один младенец довольствуется удивлением, другой доходит до беспокойства, третий бьет тревогу; один быстро приходит в равновесие, другой долго помнит, не прощает…

Кто-нибудь скажет: возраст. Да, но только до известной степени. Быстрота ориентации. Память пережитого. О, мы знаем детей, которые приобрели горький опыт знакомства с хирургом; знаем, что есть дети, которые не хотят пить молоко, потому что им давали белую эмульсию с камфорой.

А разве психический облик зрелого человека складывается из чего-то другого?

27. Один младенец:

Родился, уже примеренный с холодом воздуха, жесткой пеленкой, беспокойством звуков, работой сосания. Сосет трудолюбиво, расчетливо и смело. Уже улыбается, уже агукает, уже владеет руками. Растет, совершенствуется, ползает, ходит, лепечет, говорит. Как и когда это произошло?

Спокойное, безоблачное развитие…

Второй младенец:

Прошла неделя, прежде чем научился сосать. Ряд тревожных ночей. Неделя без хлопот, однодневная буря. Развитие несколько вялое, прорезывание зубов тяжелое. В общем, бывало по-разному, но теперь уже все в порядке: спокойный, милый, потешный.

Быть может, прирожденный флегматик и недостаточно продуманная опека, недостаточно хорошая грудь, развитие благополучное.

Третий младенец:

Стремительный. Весел, легко возбудим, испытывая неприятные впечатления, начало которых в его организме или вне организма, борется отчаянно, не щадя сил. Живые движения, неожиданные смены, сегодняшний день не похож на вчерашний. Усваивает и забывает попеременно. Развитие скачкообразное, с

резкими подъемами и падениями. Неожиданности от самых приятных до мнимо грозных. Невозможно определить.

Наконец: легко возбудим, раздражителен, сила, но капризная; может быть, представляет собой большую ценность…

Четвертый младенец:

Если сосчитать солнечные и дождливые дни, первых окажется немного. Недовольство как основной тон. Нет болей, так есть неприятные ощущения; не ворчит, так куксится. Было бы хорошо, да… Никогда безоговорочно.

Это ребенок с предрасположенностью к некоторым заболеваниям, неразумно воспитываемый…

Температура комнаты, сто граммов молока лишних, сто граммов питьевой воды недостает – все это оказывает влияние не только гигиеническое, но и воспитательное. У младенца, которому предстоит столько всего изучить, додумать, узнать, освоить, полюбить и возненавидеть, разумно защищать и завоевывать, – должно быть хорошее самочувствие независимо от врожденного темперамента и быстрого или вялого ума.

Вместо нанизанного неологизма: «osesek» (польск. малыш) я употребляю старое выражение: «infans» (лат. дитя, младенец, ребенок). Греки говорили: «не́пиос», римляне: «infans». Если таково было желание польского языка, к чему вам переводить некрасивое немецкое «Säugling»? Нельзя произвольно хозяйничать в словаре старых и важных слов.

28. Зрение.

Свет и тьма, ночь и день. Во сне мало что происходит, наяву больше; случается что-то хорошее (грудь) или плохое (боль). Новорожденный смотрит на лампочку. И не смотрит: глазные яблоки то сходятся, то расходятся. Позже, водя взглядом за медленно передвигаемым предметом, поминутно улавливает его и теряет из виду.

Контуры тени, первые наметки линии, и все это без перспективы. Мать на расстоянии одного метра – уже другая тень, чем когда склоняется над ним вблизи. Сбоку ее лицо – словно серп месяца, и только подбородок и губы – если смотреть снизу, лежа у матери на коленях; то же лицо – с глазами, и еще по-другому – с волосами, когда сильнее нагнется. А слух и обоняние говорят, что все это одно и то же.

Грудь – это светлое облако, вкус, запах, теплота, доброта. Младенец выпускает грудь и смотрит, изучая взглядом то удивительное что-то, которое появляется над грудью и откуда

плывут звуки и веет теплом дыхания. Младенец не знает, что грудь, лицо, руки составляют единое целое – мать.

Кто-то чужой протягивает руки. Обманутый знакомым движением, знакомой картиной, ребенок переходит в эти руки. И тут только замечает ошибку. На этот раз руки отдаляют его от знакомой тени, приближая к чему-то чужому, вселяющему страх. Внезапным движением ребенок поворачивается к матери и, уже в безопасности, смотрит и удивляется или, чтобы избежать опасности, уткнется матери в грудь.

Наконец лицо матери перестает быть тенью, оно изучено руками. Младенец многократно хватал мать за нос, трогал удивительный глаз, который попеременно то блестит, то, матовый, прикрыт веком, и изучал волосы. А кто из нас не видал, как он отгибает губу, осматривает зубы, заглядывает в рот, сосредоточенный, суровый, важный! Только ему мешают пустая болтовня, поцелуи и шутки – то, что у нас называется «забавлять» ребенка. Это мы забавляемся, он изучает. У него уже есть очевидные для него истины, предположения и вопросы в стадии исследования.

29. Слух.

Все, начиная с далеких отголосков – уличного шума за окном, тиканья часов, разговоров и стука – и кончая обращенным непосредственно к ребенку шепотом и словами вслух, – все это создает хаос раздражении, которые он должен классифицировать и понять.

Сюда следует добавить звуки, которые издает сам ребенок, а значит, крик, агуканье, бормотанье. Прежде чем он узнает, что это он сам, а не кто-нибудь, кого не видно, агукает и кричит, пройдет много времени. Когда он лежит и бубнит свое «абб, аба, ада», он слушает и исследует ощущения, которые он испытывает, шевеля губами, языком, гортанью. Не зная еще себя, он устанавливает лишь произвольность одоления звукотворчества.

Когда я говорю младенцу на его собственном языке: «аба, абб, адда», он с удивлением присматривается ко мне – таинственному существу, издающему хорошо известные ему звуки.

Вдумайся мы глубже в сущность сознания, младенца, мы нашли бы там значительно больше, чем нам сперва представлялось, только не то и не в таком виде, как нам это представлялось. «Бедная моя малявочка, бедная моя голодная крошка, она хочет ам-ам, хочет маляко». Младенец прекрасно понимает, он ждет, когда кормящая расстегнет лиф и подложит

ему под подбородок платочек, и злится, если очень уж задержат ожидаемое угощение. И все-таки всю эту тираду мать произнесла самой себе, а не ребенку. Он легче закрепил бы в памяти те звуки, которыми хозяйка скликает домашнюю птицу: «цып-цып-цып» или «утя-утя».

Младенец мыслит ожиданием приятных впечатлений и боязнью впечатлений неприятных; о том, что он мыслит не только зрительными, но и звуковыми образами, можно судить хотя бы по заразительности крика; крик возвещает несчастье, или крик автоматически приводит в движение аппарат, выражающий неудовольствие. Внимательно приглядитесь к младенцу, когда он слушает плач.

30. Младенец упорно стремится овладеть внешним миром:

он желает одолеть окружающие его злые, враждебные силы и заставить служить на благо себе добрых духов. У него есть два заклятия, которыми он пользуется, прежде чем завоюет третье чудесное орудие воли: свои руки. Эти два заклятия – крик и сосание.

Если вначале младенец кричит, потому что его что-то беспокоит, то потом он научится кричать, чтобы предупредить возможное беспокойство. Оставь его одного – плачет, заслышав шаги, успокаивается; хочет сосать – плачет, увидев приготовления к кормлению, перестает плакать.

Младенец действует в пределах сведений, которые у него имеются (а их мало), и средств, которыми он располагает (а они невелики). Совершает ошибки, обобщая отдельные явления и связывая два следующие друг за другом факта как причину и следствие (post hoc, propter hoc[7]). Не в том ли источник интереса и симпатии, которые вызывают у него башмачки, что он приписывает башмакам свою способность ходить? Так и пальтецо является тем волшебным ковром из сказки, который переносит его в мир чудес – на прогулку.

Я вправе делать подобные предположения. Если историк литературы вправе строить догадки, что хотел сказать Шекспир, создавая «Гамлета», то и педагог вправе делать, пусть даже ошибочные, предположения, когда они, за неимением иных, дают все же практические результаты.

Итак:

В комнате душно. У младенца сухие губы, слабо отделяется тягучая густая слюна, младенец капризничает. Молоко – пища, а ему хочется пить, – значит, дать ему воды. Но он «не хочет пить»;

вертит головой и выбивает из рук ложку. Нет, он хочет пить, только еще не умеет. Ощутив на губах желанную жидкость, он мотает головой, ища сосок. Придерживаю ему голову левой рукой и прикладываю ложку к верхней губе. Он не пьет, а сосет воду, жадно сосет – выпил пять ложек и спокойно засыпает. Если я ему раз-другой неумело подам жидкость с ложечки, он поперхнется, испытает неприятное чувство, и тогда уже на самом деле не захочет пить с ложки.

Второй пример:

Младенец, постоянно капризничающий, недовольный, успокаивается во время кормления грудью, когда его пеленают, купают, вообще при частой смене положения. Этого младенца беспокоит сыпь. Мне отвечают, что сыпи нет. Нет, так, наверное, будет. Через два месяца сыпь-таки появляется.

Третий пример:

Младенец сосет кулачки, когда ему что-то мешает, все неприятные ощущения, а значит, и беспокойство нетерпеливого ожидания он желает смягчить благодетельным, хорошо знакомым ему актом сосания. Сосет кулачки, когда хочется есть, пить, когда перекормлен и неприятный осадок во рту, когда что-нибудь болит, когда перегрет, когда чешутся кожа или десны. Отчего это бывает: врач предсказывает зубы, ребенок явно испытывает неприятные ощущения в челюсти или деснах, а зубы не показываются в течение нескольких недель? Не раздражает ли прорезывающийся зуб мелких нервных волокон уже в самой кости? Добавлю, что и теленок, прежде чем у него вырастут рога, страдает подобным образом.

И тут путь таков: инстинкт сосания, сосание, чтобы не страдать, сосание как удовольствие или привычка.

31. Повторяю:

основным тоном и содержанием психической жизни младенца является стремление овладеть неведомыми стихиями, тайной окружающего его мира, откуда исходит добро и зло. Желая овладеть, младенец стремится познать.

Повторяю: хорошее самочувствие облегчает объективное изучение, а всякие неприятные ощущения, причина которых лежит внутри его организма, а значит, в первую очередь, боль, затмевают его шаткое сознание. Чтобы убедиться в этом, надо присматриваться к младенцу, когда он здоров, страдает или болен.

Ощущая боль, младенец не только кричит, но и слышит свой

крик, чувствует этот крик в горле, видит его сквозь полуприкрытые веки в виде расплывчатых образов. Все это – сильное, враждебное, грозное, непонятное. Ребенок должен хорошо помнить эти минуты и бояться их; а не зная еще себя, связывает их со случайно возникшими перед ним картинами. Это и есть, наверное, источник многих непонятных симпатий младенца, антипатий, страхов и странностей.

Изучать развитие интеллекта младенца неимоверно трудно, ибо младенец по многу раз усваивает и забывает: это и движение вперед, и затишье, и отступление. Быть может, изменчивость самочувствия играет в этом важную, а может, и главную роль.

Младенец изучает свои руки. Распрямляет, водит ими вправо или влево, отдаляет, приближает, расставляет пальцы, сжимает в кулачок, что-то говорит им и ждет ответа, правой рукой хватает левую и тянет, берет погремушку и смотрит на странно изменившийся вид руки, перекладывает погремушку из одной руки в другую, сует в рот, тут же вынимает и опять разглядывает – внимательно, не спеша. Бросает погремушку, хватается за пуговицу на одеяле, изучает причину полученного отпора. Младенец не играет, имейте же, черт подери, глаза на лбу и заметьте его усилие воли, чтобы постичь! Это ученый в лаборатории, ищущий решение проблемы величайшей важности, которое от него ускользает.

Младенец навязывает свою волю криком. Потом мимикой лица и движением рук, и наконец – речью.

32. Раннее утро, скажем, пять часов утра.

Проснулся, улыбается, лопочет, двигает ручонками, садится, встает на ножки. Матери хочется еще поспать.

Конфликт двух хотений, двух потребностей, двух столкнувшихся эгоизмов; третий момент одного и того же процесса: мать страдает, а ребенок рождается для жизни: матери хочется отдохнуть после родов, а ребенок требует пищи; хочется вздремнуть, а ребенок желает бодрствовать. И такие конфликты будет всегда. Это не пустяк, а проблема; будь отважна в своих чувствах и, отдавая ребенка наемной нянюшке, скажи себе прямо «не хочу», хотя бы тебе врач и сказал, что не можешь, ибо он всегда скажет так на втором этаже с окнами на улицу и никогда – на чердаке.

Бывает и так: мать отдает ребенку свой сон, но требует за это плату, а значит, целует, ласкает, прижимает к себе теплое, розовое, шелковистое тельце. Будь начеку: это сомнительный акт

экзальтированной чувствительности, скрытой, затаившейся в любви материнского тела, а не сердца. Знай, что ребенок охотно прильнет к тебе, раскрасневшись от сотни поцелуев, с блестящими от радости глазами, то есть твой эротизм находит в нем отклик.

Значит, отказаться от поцелуя? Этого я не могу требовать, считая разумно дозированный поцелуй ценным воспитательным фактором: поцелуй успокаивает боль, смягчает резкое замечание, будит раскаяние, награждает усилия, является символом любви, как крест – символом веры, и действует как таковой. Я говорю: является символом любви, а не что должен являться символом любви. А впрочем, если это странное желание прижимать к себе, гладить, обонять, впитывать в себя ребенка не вызывает у тебя сомнений – делай как знаешь. Я ничего не запрещаю и не предписываю.

33. Когда я смотрю на младенца,

как он открывает и закрывает коробочку, кладет в нее и вынимает камешек, встряхивает и прислушивается; когда годовалый ребенок тащит скамеечку, сгибаясь под ее тяжестью и пошатываясь; когда двухлетний, услышав, что корова – это «му-у», прибавляет от себя «ада-му-у-у», а «ада» – это имя их собаки, то есть делает архилогичные языковые ошибки, которые следует записывать и оглашать…

Когда среди разного хлама у ребенка постарше я вижу гвозди, веревочки, тряпочки, стеклышки, потому что это «пригодится» для осуществления сотни замыслов; когда дети пробуют, кто дальше «скакнет»; мастерят, возятся, затевают игру; спрашивают: «Когда я думаю о дереве, то у меня в голове маленькое дерево?»; дают нищему не двушку, чтобы видели и похвалили, а двадцать шесть грошей, все свое состояние, ведь он такой старый и бедный и скоро умрет…

Когда подросток, поплевав на ладонь, приглаживает волосы, потому что должна прийти подруга сестры; когда девушка пишет мне в письме, что «мир подлый, а люди звери», и умалчивает почему; когда юнец гордо бросает бунтарскую, но такую избитую, лежалую мысль – вызов…

О, я целую этих детей взглядом, мыслью и спрашиваю: вы, дивная тайна, что несете? Целую усилием воли: чем могу вам помочь? Целую их так, как астроном целует звезду, которая была, есть и будет. Этот поцелуй должен быть равно близок экстазу ученого и покорной молитве. Но не изведает его чар тот, кто в

поисках свободы потерял в давке Бога.

34. Ребенок еще не говорит. Когда он заговорит?

Правда, речь – показатель развития ребенка, но не единственный и не главный. Нетерпеливое ожидание первого слова – это ошибка, доказательство воспитательной незрелости родителей.

Если новорожденный в ванночке вздрогнет и взмахнет руками, теряя равновесие, он как бы говорит: «боюсь» – крайне любопытен этот рефлекс страха у существа, столь далекого от понимания опасности. Даешь грудь – не берет, как бы говорит: «Не хочу». Протягивает руку к желаемому предмету: «Дай». Перекошенным от плача ртом и оборонительным жестом говорит: «Я тебе не доверяю», иногда спрашивает мать: «Можно ли ему довериться?»

Чем является пытливый взгляд младенца, как не вопросом: «Что это?» Тянется за чем-нибудь, с трудом достает и глубоко вздыхает – этим вздохом облегчения он говорит: «Наконец-то». Попробуй отнять, десятком оттенков поведения он скажет тебе: «Не отдам». Поднимает голову, садится, встает: «Действую». Чем является улыбка рта, глаз, как не: «О, как хорошо мне на свете»?

Языком мимики говорит, языком зрительных образов и памяти чувств мыслит.

Мать надевает на него пальтецо, ребенок рад, поворачивается: всем корпусом в сторону двери, выражая нетерпение, подгоняя. Мыслит картинами прогулки и воспоминанием об испытанных тогда приятных ощущениях. Младенец питает к доктору дружеские чувства, но, завидев у него в руках ложку, сразу распознает в нем врага.

Младенец понимает язык не слов, а мимики и интонации.

– Где у тебя носик?

Не понимая ни одного из этих четырех слов, он по голосу и по движению губ знает, какого от него ждут ответа.

Не умея еще говорить, он умеет вести весьма сложную беседу.

– Не тронь, – говорит мать.

Несмотря на это, он протягивает ручонку и берет запрещенный предмет, мило склоняет головку, улыбается, проверяя, не возобновит ли мать еще строже запрещение или, обезоруженная изощренным кокетством, уступит, разрешит.

Еще не сказав ни одного слова, ребенок лжет, беспардонно лжет. Желая освободиться от несимпатичной особы, он подает условный знак, грозный сигнал и, сидя на известном сосуде,

взглядывает издевательски и с торжеством на окружающих. Попробуй подшутить над ним, протягивая и тут же отдергивая требуемый предмет, ребенок не всегда рассердится, подчас только обидится.

Ребенок и без слов умеет быть деспотом, приставать неотвязно, тиранить.

35. Очень часто,

когда врач спрашивает, когда именно ребенок начал говорить и ходить, мать, смутившись, дает робко приблизительный ответ:

– Рано, поздно, нормально.

Она считает, что дата столь важного факта должна быть точной и что любое сомнение представит ее в дурном свете; я упоминаю об этом, чтобы показать, как непопулярна у населения мысль, что даже точное научное наблюдение лишь с трудом дает приблизительную линию развития ребенка, и как повседневно школярское желание скрыть свое незнание.

Как отличить, когда младенец вместо «ам, ан, ама» впервые сказал: «мама», а вместо «аб-ба» – «баба»? Как определить, когда слово «мама» уже тесно связано в его сознании с образом матери, и ничьим другим?

Ребенок прыгает на коленях у матери, стоит, поддерживаемый ею или сам, опершись о край сетки у кроватки; стоит какой-то момент без посторонней помощи; сделал несколько шагов по полу и много шагов в воздухе; барахтается, ползает, ходит на четвереньках; толкает перед собой стул, не теряя равновесия; четверть хождения, полухождение, три четверти хождения, прежде чем наконец начнет ходить. Да и тут – и вчера, и всю неделю ходил, а опять не умеет. Чуть устал, пропало вдохновение. Упал и перепугался, боится, двухнедельная пауза…

Головка, бессильно опущенная на плечо матери, – еще не доказательство тяжелой болезни, так бывает при всяком недомогания.

Ребенок в любом своем новом движении подобен пианисту, которому нужны хорошее самочувствие и душевный покой, чтобы с успехом исполнить трудное музыкальное произведение; даже исключения из этого правила схожи. Бывало, рассказывает мать, ребенку «уже нездоровилось, но он не поддавался и еще пуще, может быть, ходил, играл, говорил»; тут следует самообвинение: «и думала, мне только кажется, что он нездоров, и пошла с ним гулять»; самооправдание: «такая была хорошая погода» – и

вопрос: «это ему могло повредить?».

36. Когда ребенок должен уже ходить и говорить?

Тогда, когда он ходит и говорит. Когда должны прорезываться зубки? Именно тогда, когда прорезываются. И темечко как раз тогда должно зарастать, когда зарастает. И спать младенец должен столько часов, сколько ему надо, чтобы выспался.

Ну да, мы знаем, когда это в общем происходит. В каждой популярной брошюре даны эти прописные истины для детей вообще, оборачивающиеся ложью для одного, твоего.

Потому что бывают младенцы, которым требуется больше сна и меньше сна; бывают ранние, а уже гнилые, еще когда прорезываются, зубы и поздние здоровые зубы здоровых детей; темечко зарастает и на девятом месяце жизни, и на четырнадцатом у здоровых детей; глупышки иногда начинают лепетать рано, а умные подолгу не говорят.

Номера пролеток, рядов в театре, сроки уплаты за квартиру – все то, что для порядка придумала люди, можно соблюдать; но кто умом, воспитанным на полицейских указах, захочет объять живую книгу природы, тот обрушит на себя всю тяжесть беспокойств, разочарований и неожиданностей.

Я вменяю себе в заслугу, что на поставленные выше вопросы я ответил не рядом цифр, которые я зову «маленькими правдами».

Ведь важно не то, прорезываются сперва нижние или верхние зубы, резцы или клыки – это может заметить каждый, у кого глаза есть и календарь, – а чем является живой организм и что ему нужно – вот она, «великая истина», доступная лишь исследователю.

Даже у честных врачей должны быть две нормы поведения: с разумными родителями врачи – естествоиспытатели, они сомневаются, предполагают, решают трудные проблемы и ставят интересные вопросы; с неразумными – чопорные гувернеры: отсюда досюда – и знак ногтем на букваре.

«Каждые два часа по ложечке. Яичко, полстакана молока и два сухарика».

37. Внимание!

Или мы с вами сейчас договоримся, или навсегда разойдемся

во мнениях! Каждую стремящуюся ускользнуть и затаиться мысль, каждое слоняющееся без призора чувство надлежит призвать к порядку и построить усилием воли в шеренгу!

Я взываю о Великой хартии вольностей[8], о правах ребенка.

Быть может, их и больше, я же установил три основных:

1. Право ребенка на смерть.

2. Право ребенка на сегодняшний день.

3. Право ребенка быть тем, что он есть.

Надо ребенка звать, чтобы, предоставляя эти права, делать как можно меньше ошибок. А ошибки неизбежны. Но спокойно: исправлять их будет он сам – на удивление зоркий, – лишь бы мы не ослабили эту ценную способность, эту его могучую защитную силу.

Мы дали слишком обильную или неподходящую пищу: чересчур много молока, несвежее яйцо – ребенка вырвало. Дали неудобоваримые сведения – не понял, неразумный совет – не усвоил, не послушался. Это не пустая фраза, когда я говорю: счастье для человечества, что мы не в силах подчинить детей нашим педагогическим влияниям и дидактическим покушениям на их здравый рассудок и здравую человеческую волю.

У меня еще не выкристаллизовалось понимание того, что первое, неоспоримое право ребенка – высказывать свои мысли, активно участвовать в наших рассуждениях о нем и приговорах. Когда мы дорастем до его уважения и доверия, когда он поверит нам и сам скажет, в чем его право, загадок и ошибок станет меньше.

38. <…>

Бытует мнение, что чем выше смертность среди детей пролетариата, тем крепче поколение, которое выживает и вырастает. Нет: плохие условия, убивающие слабых, ослабляют сильных и здоровых. Зато мне кажется правдой, что чем больше мать из состоятельных кругов страшится мысли о возможной смерти ребенка, тем меньше у него условий стать хоть сколько-нибудь физически развитым и духовно самостоятельным человеком. Всякий раз, когда я вижу в выкрашенной белой масляной краской комнате, среди белой полированной мебели, в белом платьице, с белыми игрушками бледного ребенка, я испытываю неприятное чувство: в этой хирургической палате, а не детской комнате должна воспитаться малокровная душа в анемичном теле.

«В этом белом салоне с электрической лампочкой в каждом

углу можно заболеть эпилепсией», – говорит Клодина[9].

Может быть, тщательные исследования покажут, что перекармливание нервов и тканей светом равно вредно, как и отсутствие света в темном подвале.

Есть два слова: свобода и воля. Свобода, мне кажется, – это право владеть собой, располагать собой. А в слове «воля» присутствует элемент воли – действия, порождаемого стремлением. Наша детская комната с симметрично расставленной мебелью и наши прилизанные городские сады не являются ни местом для проявления личной свободы ребенка, ни той мастерской, где найдет для себя инструменты его деятельная воля.

Комната маленького ребенка возникла из акушерской клиники, а той диктовала предписания бактериология. Смотрите, как бы, оберегая от бактерий дифтерита, не поместить ребенка в атмосферу, перенасыщенную затхлостью скуки и безволия. Сегодня нет спертого воздуха от сушеных пеленок, зато есть запах йодоформа.

Очень много перемен. Уже не только белый лак мебели, но и пляжи, экскурсии, спорт, скаутизм. Также лишь начало. Чуть больше свободы, однако жизнь ребенка по-прежнему тусклая, душная.

39. – Ку-ку, бедная детусенька, где у тебя бобо?

Ребенок с трудом отыскивает чуть видные знаки позавчерашних царапин, показывает место, где, ушибись он сильнее, был бы синяк, доходит до совершенства в нахождении коросточек, пятнышек и следов.

Если каждое «бобо» взрослого сопровождают тон, жест, мимика бессильной покорности и безнадежного смирения, детские «фи», «бяка», «нехороший» сочетаются с проявлениями отвращения и ненависти. Надо видеть, как младенец держит перепачканные в шоколаде руки, пока мама не вытрет их батистовым платочком, все его отвращение и беспомощность, чтобы задать вопрос: «Не лучше было бы, если бы ребенок, ударившись лбом о стул, давал ему пощечину, а во время мытья, с глазами, полными мыла, плевался и пинал няньку?..»

Двери – прищемит палец, окно – высунется и упадет, косточка – подавится, стул – опрокинет на себя, нож – порежется, палка – выколет глаз, поднял с пола коробок – заразится, спичка – ай, пожар, горит!

«Сломаешь руки, попадешь под машину, укусит собака. Не

ешь слив, не пей сырую воду, не ходи босой, не бегай на солнце, застегни пальто, завяжи шарфик. Вот видишь, не послушался. Гляди – хромой, гляди – слепой. «На помощь» – кровь! Кто дал ему ножницы?»

Ушиб – это не синяк, а боязнь сотрясения мозга; рвота – не засорение желудка, а боязнь скарлатины. Всюду ловушки и опасности, все грозное, зловещее.

И если ребенок поверит и не съест украдкой фунт незрелых слив и, обманув бдительность старших, не зажжет с сильно бьющимся сердцем где-нибудь в углу спичку, если послушно, пассивно, доверчиво подчинится требованию избегать всяких опытов, отказываться от попыток и отрекаться от каждого усилия воли – что предпримет он, когда в себе, в своем духовном существе почувствует что-то, что грызет, жжет, ранит?

Есть ли у вас план, как возносить ребенка с младенчества через детство в период созревания, когда, подобно удару молнии, поразят ее менструации, его эрекции и поллюции?

Да. Ребенок еще сосет грудь, а я уже спрашиваю, как будет рожать, ибо это проблема, над которой и два десятка лет думать не слишком много.

40. Из страха,

как бы смерть не отняла у нас ребенка, мы отнимаем ребенка у жизни; не желая, чтобы он умер, не даем ему жить.

Сами воспитанные в деморализующем пассивном ожидании того, что будет, мы беспрерывно спешим в волшебное будущее. Ленивые, не хотим искать красы в сегодняшнем дне, чтобы подготовить себя к достойной встрече завтрашнего утра: завтра само должно нести с собой вдохновение. И что такое это «хоть бы он уже ходил, говорил», что, как не истерия ожидания?

Ребенок будет ходить, будет обивать себе бока о твердые края дубовых стульев. Будет говорить, будет перемалывать языком сечку серых будней. Чем это сегодня ребенка хуже, менее ценно, чем завтра? Если речь идет о труде, сегодня – труднее.

А когда наконец это завтра настало, мы ждем новое завтра. Ибо в принципе наш взгляд на ребенка – что его как бы еще нет, он только еще будет, еще не знает, а только еще будет знать, еще не может, а только еще когда-то сможет – заставляет нас беспрерывно ждать.

Половина человечества как бы не существует. Жизнь ее – шутка, стремления – наивны, чувства – мимолетны, взгляды – смешны. Да, дети отличаются от взрослых; в жизни ребенка чего-

то недостает, а чего-то больше, чем в жизни взрослого, но эта их отличающаяся от нашей жизнь – действительность, а не фантазия. А что сделано нами, чтобы познать ребенка и создать условия, в которых он мог бы существовать и зреть?

Страх за жизнь ребенка соединен с боязнью увечья; боязнь увечья сцеплена с чистотой, залогом здоровья; тут полоса запретов перекидывается на новое колесо: чистота и сохранность платья, чулок, галстука, перчаток, башмаков. Дыра уже не во лбу, а на коленках брюк. Не здоровье и благо ребенка, а тщеславие наше и карман. Новый ряд приказов и запретов вызван нашим собственным удобством.

«Не бегай, попадешь под лошадь. Не бегай, вспотеешь. Не бегай, забрызгаешься. Не бегай, у меня голова болит».

(А ведь в принципе мы даем детям бегать, единственное, чем даем им жить.)

И вся эта чудовищная машина работает годы, круша волю, подавляя энергию, пуская силы ребенка на ветер.

Ради завтра пренебрегают тем, что радует, печалит, удивляет, сердит, занимает ребенка сегодня. Ради завтра, которое ребенок не понимает и не испытывает потребности понять, расхищаются годы и годы жизни.

«Мал еще, помолчи немножко. – Время терпит. Погоди, вот вырастешь… – Ого, уже длинные штанишки. – Хо-хо! Да ты при часах. – Покажись-ка: у тебя уже усы растут!»

И ребенок думает:

«Я ничто. Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ничто чуть постарше. А сколько мне еще лет ждать? Но погодите, дайте мне только вырасти…»

И он ждет – прозябает, ждет – задыхается, ждет – притаился, ждет – глотает слюнки. Волшебное детство? Нет, просто скучно, а если и бывают в нем хорошие минуты, так отвоеванные, а чаще краденые.

Ни слова о всеобщем обучении, сельских школах, городах-парках, харцерстве.[10] Так все это было безнадежно далеко и потому несущественно. Книга, ее содержание зависят от того, какими категориями переживаний и опыта оперирует автор, каково было поле его деятельности и творческая лаборатория – какова была почва, вскормившая его мысль. Вот почему мы встречаем наивные суждения у авторитетов, и тем более иностранных.

41. Стало быть, все позволять?

Ни за что: из скучающего ребенка мы сделаем изнывающего от скуки тирана. А запрещая, закаляем как-никак волю, хотя бы лишь в направлении обуздания, ограничения себя, развиваем изобретательность, умение ускользнуть из-под надзора, будим критицизм. И это чего-то да стоит, как – правда, односторонняя – подготовка к жизни. Позволяя же детям «все», бойтесь, как бы, потакая капризам, не подавить сильных желаний. Там мы ослабляли волю, здесь отравляем.

Это не «делай, что хочешь», а «я тебе сделаю, куплю, дам все, что хочешь, ты только скажи, что тебе дать, купить, сделать. Я плачу за то, чтобы ты сам ничего не делал, я плачу за то, чтобы ты был послушный».

«Вот съешь котлетку, мама купит тебе книжечку. Не ходи гулять – на тебе за это шоколадку».

Детское «дай», даже просто протянутая молча рука должны столкнуться когда-нибудь с нашим «нет», а от этих первых «не дам, нельзя, не разрешаю» зависит успех целого и огромнейшего раздела воспитательной работы.

Мать не хочет видеть этой проблемы, предпочитает лениво, трусливо отсрочить, отложить на после, на потом. Не хочет знать, что ей не удастся, воспитывая ребенка, ни устранить трагичную коллизию неправильного, неисполнимого, не проверенного на деле хотения и проверенного на деле запрета, ни избежать еще более трагичного столкновения двух желаний, двух прав в одной области деятельности. Ребенок хочет взять в рот горящую свечку– я не могу ему этого позволить, он требует нож – я боюсь дать, он тянется к вазе, которую мне жалко, хочет играть со мной в мяч а я хочу читать. Мы должны разграничивать его и мои права.

Младенец тянется за стаканом, мать целует ручонку, не помогло – дает погремушку, велит убрать с глаз соблазн. Если младенец вырывает руку, бросает на пол погремушку, ищет взглядом спрятанный предмет, а затем сердито смотрит на мать, спрашиваю: кто прав? Обманщица мать или младенец, который ее презирает?

Кто не продумает основательно вопроса запретов и приказов, когда их мало, тот растеряется и не охватит всех, когда их будет много.

42. Деревенский мальчишка Ендрек.

Он уже ходит. Держась за дверной косяк, осторожно переваливается через порог в сени. Из сеней но двум каменным ступенькам сползает на четвереньках. У избы встретил кошку:

оглядели друг друга и разошлись. Споткнулся о ком сухой грязи, остановился, глядит. Нашел палочку, сел, ковыряет в песке. Валяются очистки от картофеля, берет в рот, песок но рту, морщится, плюет, бросает. Опять встал на ноги, бежит прямо на собаку; дрянная собака его опрокидывает[11]. Сморщился, вот-вот заревет; да нет, вспомнил что-то и тащит метлу. Мать по воду пошла; ухватился за подол и семенит уже увереннее. Кучка ребят постарше, с тележкой – он глядит; прогнали его – встал в сторонку, глядит. Дерутся два петуха – глядит. Дети посадили Ендрека на тележку, везут, вывалили. Мать позвала. И это одна половина шестнадцатичасового дня.

Никто не говорит ему, что мал; сам чувствует, когда не под силу. Никто не говорит ему, что кошка царапается, что он не умеет сходить по ступенькам. Никто не учит, как относиться к большим ребятам. «По мере того как Ендрек подрастал, прогулки уводили его все дальше от хаты» (Виткевич).

Часто путает, ошибается; в результате – шишка, в результате – большая шишка, в результате – шрам.

Да нет, я вовсе не хочу заменить чрезмерную заботу отсутствием всякой заботы. Я лишь показываю, что деревенский годовалый ребенок уже живет, тогда как наш зрелый юноша еще только будет когда-то жить. Боже мой, да когда же?

43. Бронек хочет открыть дверь.

Двигает стул. Останавливается и отдыхает, помощи не просит. Стул тяжелый. Бронек устал. Теперь тащит попеременно то за одну, то за другую ножку. Работа идет медленно, но становится легче. Стул уже от двери близко; Бронеку кажется, что дотянется, вскарабкивается, встал на ноги. Я придерживаю слегка за платьице. Пошатнулся, испугался, слез. Придвигает к самой двери, но ручка осталась в стороне. Вторая неудачная попытка. Ни тени нетерпения. Опять трудится, лишь дольше передышки. Взбирается в третий раз: нога – вверх, рывок рукой, упор на согнутое колено, повис, ищет равновесия, новое усилие, рука цепляется за край стула, лег на живот, пауза, бросок тела вперед, встал на колени, выпутывает ноги из платья – стоит. Бедные вы мои лилипутики в стране великанов! Голова у вас вечно задрана вверх, чтобы что-нибудь да увидеть. Окно где-то высоко, как в тюрьме. Чтобы сесть на стул, надо быть акробатом. Напряжение всей мускулатуры и всех сил ума, чтобы достать наконец дверную ручку…

Дверь открыта, Бронек глубоко вздохнул. Этот глубокий

вздох облегчения мы видим уже у младенцев после каждого усилия воли, длительного напряжения внимания. Когда кончаешь интересную сказку, ребенок тоже вздыхает. Я хочу, чтобы это поняли.

Такой глубокий отдельный вздох доказывает, что до этого дыхание было замедленное, поверхностное, недостаточное; затаив дыхание ребенок смотрит, ждет, следит, силится вплоть до полного исчерпания кислорода, до отравления тканей. Организм шлет сигнал тревоги в дыхательный центр; наступает глубокий вздох, который восстанавливает кислородный обмен.

Если вы умеете определять радость ребенка и ее силу, вы должны знать, что самая высокая радость – преодоленной трудности, достигнутой цели, раскрытой тайны, радость триумфа и счастье самостоятельности, овладения и обладания.

– Где мама? Нет мамы. Ищи.

Нашел. Почему так смеется?

– Убегай, мама тебя поймает! Ой, не может догнать!

Ох и счастлив же!

Почему хочет ползать, ходить, вырывает из рук? Обычная сценка: семеня ножками, ребенок отходит от няньки, видит – нянька гонится за ним, он давай убегать и, забыв об опасности, летит очертя голову в экстазе свободы – и или растягивается во весь рост на земле, или, пойманный, вырывается, пинается ногами и визжит.

Скажете: избыток энергии? Это физиологическая сторона, а я ищу психофизиологическую.

Спрашиваю: почему ребенок хочет, когда пьет, сам держать стакан, чтобы мать даже не притрагивалась; почему, когда уже и не хочет есть, ест, если позволили самому черпать ложкой? Почему с такой самозабвенной радостью гасит спичку, волочит комнатные туфли отца, несет скамеечку бабушке? Подражание? Нет, нечто значительно большее и ценнейшее.

«Я сам», – восклицает ребенок тысячи раз жестом, взглядом, смехом, мольбой, гневом, слезами.

44. А ты умеешь сам открывать дверь?

– спросил я у пациента, мать которого предупредила меня, что он боится докторов.

– Даже в уборной, – поспешно ответил он.

Я рассмеялся. Мальчуган смутился, а я еще больше. Я вырвал у него признание в тайном торжестве и осмеял.

Нетрудно догадаться, что было время, когда все двери уже

стояли перед ним настежь, а дверь от уборной не поддавалась его усилиям и была целью его честолюбивых стремлений; он походил в этом на молодого хирурга, который мечтает провести трудную операцию.

Он не доверялся никому, зная, что в том, что составляло его внутренний мир, он не найдет отклика у окружающих.

Быть может, не раз его обругали или обидели недоверием:

«И чего ты там все вертишься, чего ты там ковыряешься? Оставь, испортишь. Сию же минуту марш в комнату!»

Так он украдкой, тайком трудился и наконец… открыл!

Обратили ли вы внимание, как часто, когда раздается в передней звонок, вы слышите просьбу: «Я отворю?»

Во-первых, замок у входных дверей трудный, во-вторых, чувство, что там, за дверью, стоит взрослый, который сам не может сладить и ждет, когда ты, маленький, поможешь…

Вот какие небольшие победы празднует ребенок, уже грезящий о дальних путешествиях; в мечтах он – Робинзон на безлюдном острове, а в действительности рад-радехонек, когда позволят выглянуть в окошко.

– Ты умеешь сам влезать на стул? Умеешь прыгать на одной ножке? А можешь левой рукой ловить мячик?

И ребенок забывает, что не знает меня, что я стану осматривать ему горло и пропишу лекарство. Я затрагиваю то, что в нем берет верх над чувством смущения, страха, неприязни, и он радостно восклицает:

– Умею!

Видали ли вы, как младенец долго, терпеливо, с застывшим лицом, открытым ртом и сосредоточенным взглядом снимает и натягивает чулочек или башмачок? Это не игра, не подражание, не бессмысленное битье баклуш, а труд.

Какую пищу дадите вы его воле, когда ему исполнится три года, пять лет, десять?

45. Я!

Когда новорожденный сам себя царапает; когда младенец, сидя, тащит в рот ногу, валится назад и сердито ищет вокруг виновника; когда, дернув себя за волосы, морщится от боли, но возобновляет опыт; когда ударяет себя ложкой по голове и смотрит вверх – что там такое, чего он не видит, но чувствует? – он не знает себя.

Когда изучает движения рук; когда, сося кулачок, внимательно рассматривает его; когда во время кормления

бросает сосать и сравнивает ногу с грудью матери; когда, семеня ножками, останавливается и глядит вниз, выискивая то, что поддерживает его совсем иначе, чем материнские руки; когда сравнивает правую ногу, в чулке, с левой, без чулка, он стремится познать и знать.

Когда, купаясь, исследует воду, отыскивая во многих неосознающих себя каплях – себя, каплю сознающую, он предугадывает великую истину, которую заключает короткое слово «я».

Лишь художник-футурист может изобразить нам младенца таким, каким он себя видит: пальцы, кулачок, менее четко ноги, быть может, животик, быть может, даже и голова, но только пунктирной линией, как на карте Заполярья.

Работа еще не кончена: оборачиваясь, он наклоняет голову, чтобы увидеть, что таится у него сзади, изучает себя в зеркале и присматривается к фотографии, находя то углубление пупка, то возвышение родинки; а тут уже ждет его новая работа: надо отыскать себя среди окружающих. Мать, отец, какой-то дядя, какая-то тетя, одни часто появляются, другие редко – полным-полно таинственных личностей, чье происхождение неясно, а поступки загадочны.

Едва ребенок установил, что мама у него для того, чтобы выполнять его желания или идти им наперекор, папа приносит деньги, а тети – шоколадки, как у себя в мыслях, где-то в себе он открывает новый, еще более удивительный мир.

А дальше надо отыскать себя в обществе, себя в человечестве, себя во Вселенной.

Вот, волосы седые, а работа не кончена.

46. Мое.

Где таится эта простейшая мысль-чувство? Быть может, сливается с понятием «я»? Быть может, когда младенец протестует против завертывания рук, он борется за них как за «мое», а не за «я»? А забирая у него ложку, которой он стучит по столу, ты лишаешь его не собственности, а способности давать выход энергии, высказываться на особый лад, звуком?

Рука эта – не совсем рука, а скорее послушный дух Алладина – держит бисквит, приобретя новую ценную собственность, и ребенок эту собственность защищает.

Каким образом понятие собственности вяжется у него с понятием повышенной мощности? Лук для дикаря был не только собственностью, но и усовершенствованной рукой, поражавшей

на расстоянии.

Ребенок не хочет отдать газету, которую рвет, ибо он исследует, тренируется, ибо это материал, как рука – инструмент, который звука не издает, а в соединении с булочкой придает сосанию добавочное приятное ощущение.

И лишь потом приходят подражание, соперничество, желание выдвинуться. Ибо собственность вызывает уважение, повышает цену, дает власть. Без мяча он остался бы незамеченным, а с мячом может занять в игре видное положение независимо от заслуг; с игрушечной саблей становится офицером, с вожжами кучером; а рядовой, лошадка – тот, кто ничем не владеет.

«Дай мне, позволь, уступи» – просьба, которая щекочет самолюбие.

«Захочу – дам, а не захочу – не дам», в зависимости от каприза, потому что это «мое».

47. Хочу иметь – имею, хочу знать – знаю, хочу мочь – могу!

Вот три разветвления общего ствола воли, корни которой – два чувства: удовлетворения и неудовлетворения.

Младенец старается понять себя и окружающий его мир, живой и мертвый, – с этим связано его благополучие. Спрашивая словами или взглядом «Что это?» – он требует не название, а оценку.

– Что это?

– Фи, брось, это «бяка», это нельзя брать в руки.

– Что это?

– Цветочек, – и улыбка, и ласковое выражение лица – разрешение.

Бывает, спрашивая о предмете нейтральном и получая название без эмоциональной мимической оценки, ребенок не знает, что делать с ответом, и, удивленно и как бы разочарованно глядя на мать, повторяет, растягивая, название. Чтобы понять, что, кроме желаемого и нежелаемого, есть еще мир нейтральный, ему надо иметь опыт.

– Что это?

– Вата.

– Ва-а-ата? – и ребенок всматривается в лицо матери, ожидая указания, что об этом думать.

Путешествуй я в обществе туземца по субтропическому лесу и спроси я при виде растения с неизвестным мне плодом: «Что это?» – туземец, не зная языка, но угадывая мой вопрос, отвечал бы окриком, гримасой или улыбкой, что это яд, вкусная пища или

бесполезный предмет, который не стоит класть в рюкзак.

Детские «что это?» означают: какой? для чего служит? какая мне от него может быть польза?

48. Обычная, но интересная картинка.

Сошлись, семеня еще нетвердыми ножками, два малыша; у одного мяч или пряник, а другой хочет это отнять.

Матери неприятно, когда ее ребенок вырывает что-нибудь у другого ребенка, не хочет отдать, поделиться, «дать поиграть». То, что ребенок выходит из общепринятой нормы условных приличий, компрометирует ее.

В сцене, о которой идет речь, ход событий может быть троякий:

Один ребенок вырывает, другой удивленно смотрит, потом переводит глаза на мать, ожидая оценки непонятной ситуации.

Или: один старается вырвать, но коса нашла на камень – подвергшийся нападению прячет предмет общих вожделений за спину, отталкивает нападающего, опрокидывает его. Матери спешат на помощь.

Или: смотрят друг на дружку, боязливо сходятся, один неуверенно тянется, другой так же неуверенно защищается. И только после долгой подготовки вступают в конфликт.

Здесь играют роль возраст обоих и жизненный опыт. Ребенок, у которого есть старшая сестра или старший брат, уже многократно выступал в защиту своих прав или собственности, а подчас атаковал и сам. Но откинем все случайное, и мы увидим две отличные индивидуальности, два характерных типа: деятельный и бездеятельный, активный и пассивный.

«Он добрый: все отдаст».

Или:

«Глупышка: все у себя даст забрать».

Это не доброта и не глупость.

49. Кротость,

слабый жизненный порыв, низкий взлет воли, боязнь действия. Ребенок избегает резких движений, живых экспериментов, трудных начинаний.

Меньше действуя, меньше и добывает фактических истин, потому вынужден больше верить и дольше подчиняться.

Менее ценный интеллект? Нет, просто иной. У ребенка

пассивного меньше синяков и досадных ошибок, и ему не хватает горького опыта; хотя приобретенный он, может быть, помнит лучше. У активного больше шишек в разочарований, и, быть может, он скорее их забывает. Первый переживает медленнее и меньше, но, может быть, глубже.

Пассивный удобнее. Оставленный один, не выпадет из коляски, не поднимет по пустякам весь дом на ноги, поплачет и легко успокоится, не требует слишком настойчиво, меньше ломает, рвет, портит.

– Дай, – не протестует. – Надень, возьми, сними, съешь, – подчиняется.

Две сценки:

Ребенок не голоден, но на блюдечке осталась ложка каши– значит, должен доесть, количество назначено врачом. Нехотя открывает рот, долго и лениво жует, медленно и с усилием глотает. Другой, тоже не голодный, стискивает зубы, энергично мотает головой, отталкивает, выплевывает, защищается.

А воспитание?

Судить о данном ребенке по двум диаметрально противоположным типам детей – это говорить о воде на основании свойств кипятка и льда. Шкала – сто градусов, где же мы поместим свое дитя? Но мать может знать, что врожденное, а что с трудом выработанное, и обязана помнить, что все, что достигнуто дрессировкой, нажимом, насилием, непрочно, неверно и ненадежно. И если податливый, «хороший» ребенок делается вдруг непослушным и строптивым, не надо сердиться на то, что ребенок есть то, что он есть.

50. Крестьянин,

чей взор устремлен на небо и землю, – сам плод и продукт земли, – знает предел человеческой власти. Быстрая, ленивая, пугливая, норовистая лошадь, ноская курица, молочная корова, урожайная и неурожайная почва, дождливое лето, зима без снега – всюду встречает он что-то, что можно слегка изменить или изрядно подправить надзором, тяжким трудом, кнутом. А бывает, что и никак не сладишь.

У мещанина слишком высокое понятие о человеческой мощи. Картофель не уродился, но достать можно, надо только заплатить подороже. Зима – надевает шубу, дождь – калоши, засуха – поливают улицы, чтобы не было пыли. Все можно купить, всякому горю помочь. Ребенок бледен – врач, плохо учится – репетитор. А книжка, поясняя, что надо делать, создает иллюзию, что можно

всего добиться.

Ну как тут поверить, что ребенок должен быть тем, что он есть, как говорят французы, экзематика[12] можно выбелить, но не вылечить?

Я хочу раскормить худого ребенка? Я делаю это постепенно, осторожно и – удалось; килограмм веса завоеван. Но достаточно небольшого недомогания, насморка, не вовремя данной груши, и пациент теряет эти с трудом добытые два фунта.

Летние колонии для детей бедняков. Солнце, лес, река; ребята впитывают веселье, доброту, приличные манеры. Вчера – маленький дикарь, сегодня он – симпатичный участник игр. Забит, пуглив, туп – через неделю смел, жив, полон инициативы и песен. Здесь перемена с часу на час, там с недели на неделю; кое-где никакой. Это не чудо и не отсутствие чуда, есть только то, что было и ждало, а чего не было, того и нет.

Учу недоразвитого ребенка: два пальца, две пуговицы, две спички, две монеты – «два». Он уже считает до пяти. Но измени порядок слов, интонацию, жест – и опять не знает, не умеет.

Ребенок с пороком сердца: смирный, медлительные движения, речь, даже смех. Задыхается, каждое движение поживее для него – кашель, страдание, боль. Он такой.

Материнство облагораживает женщину, когда она отказывается, отрекается, жертвует; и деморализует, когда, прикрываясь мнимым благом ребенка, отдает его на растерзание своему тщеславию, вкусам и страстям.

Мой ребенок – это моя собственность, мой раб, моя комнатная собачка. Я щекочу его за ухом, глажу по спинке, нацепив бант, веду на прогулку, дрессирую, чтобы был смышлен и вежлив, а надоест мне: «Иди, поиграй. Иди, позанимайся. Спать пора!»

Говорят, лечение истерии заключается в этом:

«Вы утверждаете, что вы петух? Ну и оставайтесь им, только не пойте».

– Ты вспыльчив, – говорю я мальчику, – Ладно, дерись, только не слишком больно, злись, но только раз в день.

Если хотите, в этой одной фразе я изложил весь педагогический метод, которым я пользуюсь.

51. Видишь этого мальчишку, как он носится, крича во все горло, и барахтается в песке?

Он будет когда-нибудь знаменитым химиком и сделает открытия, которые принесут ему уважение, высокий пост,

состояние. Да-да, вдруг между гулянкой и балом вертопрах одумается, запрется в своей лаборатории и выйдет ученым. Кто бы мог ожидать?

Видишь другого, как равнодушно следит сонным взглядом за игрой сверстников? Зевнул, встал – может, подойдет к разыгравшейся ребятне? Нет, опять сел. И он станет знаменитым химиком и сделает открытия. Чудеса: кто бы мог предполагать?

Нет, ни маленький сорванец, ни соня не будут учеными. Один станет учителем физкультуры, а другой почтовым служащим.

Это преходящая мода, ошибка, неразумие, что все невыдающееся кажется нам неудавшимся, малоценным. Мы болеем бессмертием. Кто не дорос до памятника на площади, хочет иметь хотя бы переулок своего имени – дарственную запись на вечные времена. Если не четыре столбца посмертно, то хотя бы упоминание в тексте: «Принимал деятельное участие… Оставил сожаление о себе в широких общественных кругах».

Улицы, больницы, приюты носили когда-то имена святых патронов, и это имело смысл; позже – монархов, это было знамением времени; нынче – ученых и артистов, и в этом нет никакого смысла. Уже воздвигаются памятники идеям и безымянным героям – тем, у кого нет памятника.

Ребенок не лотерейный билет, на который должен пасть выигрыш в виде портрета в зале магистратуры или бюста в фойе театра. В каждом есть своя искра, которая может зажигать костры счастья и истины, и в каком-нибудь десятом поколении, быть может, заполыхает он пожаром гения и спалит род свой, одарив человечество светом нового солнца.

Ребенок не почва, вспаханная наследственностью под посев жизни; мы можем лишь содействовать росту того, что дает буйные побеги еще до первого его вздоха.

Известность нужна новым сортам табака и новым маркам вина, но не людям.

52. Стало быть, фатум наследственности, абсолютная предопределенность, банкротство медицины, педагогики?

Фраза мечет молнии.

Я назвал ребенка сплошь исписанным пергаментом, уже засеянной землей? Отбросим сравнения, они вводят в заблуждение.

Существуют случаи, когда при современном уровне знаний мы бываем бессильны. Сегодня их меньше, чем вчера, но они

существуют.

Существуют случаи, когда в современных условиях жизни мы бываем беспомощны. Этих несколько меньше.

Вот ребенок, которому самое горячее желание добра и самые упорные старания дадут мало.

А вот другой, которому дали бы много, да мешают условия. Одному деревня, горы, море дадут немного, другому и помогли бы, да мы не можем их ему предоставить.

Когда мы встречаем ребенка, гибнущего из-за недостатка ухода, воздуха и одежды, мы не виним родителей. Когда мы видим ребенка, которого калечат излишней заботой, перекармливают, перегревают, оберегая от мнимых опасностей, мы склонны винить мать, нам кажется, что беде легко помочь, было бы желание понять. Нет, нужно очень большое мужество, чтобы действием, а не бесплодной критикой оказать сопротивление нормам поведения, обязательным для данного класса. Если там мать не может умыть ребенка и вытереть ему нос, здесь не может позволить ходить чумазым и в худых башмаках. Там со слезами забирает из школы и отдает в учение к мастеру, здесь с равно мучительным чувством должна посылать в школу.

– Пропадет мой парнишка без школы, – говорит одна, отнимая книжку.

– Испортят мне моего ребенка в школе, – говорит другая, покупая новые полпуда учебников.

53. наследственность

для широких кругов общества является фактом, который заслоняет собой все встречающиеся исключения, для науки – это проблема в стадии изучения. Существует обширная литература, стремящаяся решить лишь один вопрос: рождается ли ребенок туберкулезных родителей уже больным, только с предрасположенностью или заражается после рождения? Принимали ли мы во внимание, когда думали о наследственности, следующие простые факты: что, кроме передачи по наследству болезней, существует передача по наследству крепкого здоровья; что братья и сестры не являются братьями и сестрами по полученным ими плюсам и минусам, запасам здоровья и его изъянам? Не принимали? А должны были и обязаны были принимать. Первого ребенка рожают здоровые родители; второй уже будет ребенком сифилитиков, если родители заболели этой болезнью; третий – ребенком

сифилитиков-туберкулезников, если родители заразились еще и туберкулезом. В этом отношении эти трое детей – чужие друг другу люди: не отягощенный тяжелой наследственностью, отягощенный, дважды отягощенный тяжелой наследственностью. И наоборот, больной отец вылечился, и из двоих детей этого отца первый ребенок – больного родителя, второй – здорового.

Потому ли ребенок нервный, что рожден нервными родителями, или потому, что воспитан ими? Где граница между невропатичностью и утонченностью психической конституции – наследственной одухотворенностью?

Рожает ли отец-гуляка расточителя-сына или заражает своим примером?

«Скажи мне, кто тебя породил, и я скажу, кто ты» – и это не всегда.

«Скажи мне, кто тебя воспитал, и я скажу, кто ты» – и это не так.

Отчего у здоровых родителей бывает слабое потомство? Отчего в порядочной семье вырастает подлец? Отчего в заурядной семье появляется знаменитый потомок?

Кроме законов наследственности, надо параллельно изучать воспитывающую среду, тогда, может быть, не одна загадка найдет свое разрешение.

Воспитывающей средой я называю тот дух времени, который царит в семье; отдельные члены семьи не могут занимать по отношению к нему произвольной позиции. Этот руководящий дух подчиняет и не терпит сопротивления.

54. Догматическая среда.

Традиция, авторитет, обряд, веление как абсолютный закон, необходимость как жизненный императив. Дисциплина, порядок и добросовестность. Серьезность, душевное равновесие и ясность, вытекающая из твердости, ощущения прочности и устойчивости, уверенности в себе, в своей правоте. Самоограничение, самопреодолевание, труд как закон, высокая нравственность как навык. Благоразумие, доходящее до пассивности, одностороннего незамечания прав и правд, которых не передала традиция, не освятил авторитет, не закрепил механически шаблон поступков.

Если уверенность в себе не перейдет в своеволие, а простота в грубость, эта плодородная воспитывающая среда либо сломает чуждого ей духом ребенка, либо изваяет воистину прекрасного человека, который будет уважать суровых наставников, ибо они не тешились им, а вели тяжелым путем к ясно начертанной цели.

Неблагоприятные условия, ущемление физических потребностей не меняют духовного существа среды. Прилежание переходит в истовый труд, спокойствие – в отрешенность человека, ожесточившегося в стремлении устоять; иногда робость и смирение, всегда сознание своей правоты и надежда. И апатия, и энергия здесь не слабость, а сила, которую тщетно пытается одолеть чужая злая воля.

Догматом могут быть земля, костел, отчизна, добродетель и грех; могут быть наука, общественно-политическая работа, богатство, борьба, а также Бог – Бог как герой, божок или кукла. Не во что, а как веришь.

55. Идейная среда.

Сила ее не в твердости духа, а в полете, порыве, движении. Здесь не работаешь, а радостно вершишь. Творишь сам, не дожидаясь. Нет повеления – есть добрая воля. Нет догм – есть проблемы. Нет благоразумия – есть жар души, энтузиазм. Сдерживающее начало здесь – отвращение к грязи, моральный эстетизм. Бывает, здесь временами ненавидят, но никогда не презирают. Терпимость тут не половинчатость убеждений, а уважение к человеческой мысли, радость, что свободная мысль парит на разных уровнях и в разных направлениях – сталкиваясь, снижая полет и взмывая – наполняет собой просторы. Отважный сам, ты жадно ловишь отзвуки чужих молотов и с любопытством ждешь завтрашнего дня, его новых восторгов, недоумений, знаний, заблуждений, борьбы, сомнений, утверждений и отрицаний.

Если догматическая среда способствует воспитанию пассивного ребенка, то идейная – хорошая почва под посев активных детей. Я полагаю, корни многих неприятных сюрпризов в том, что одному дают десять высеченных на камне заповедей, когда он хочет сам выжечь их жаром своего сердца в своей груди, а другого неволят искать истины, которые он должен получать готовыми. Этого можно и не увидеть, если подходить к ребенку с «Я из тебя сделаю человека», а не с пытливым: «Каким ты можешь быть, человек?»

56. Среда безмятежного потребления.

У меня есть столько, сколько надо, – а значит, мало, если я ремесленник или чиновник, или много, если я владелец

обширных поместий. И я хочу быть тем, кто я есть, а значит, мастером, начальником станции, адвокатом, писателем. Работа для меня не служение чему-то, не место в жизни, не самоцель, а средство для обеспечения себе удобств, желательных условий.

Душевный покой, беззаботность, чувствительность, приветливость, доброта, трезвости сколько надо, самосознание, какое добывается без труда.

Нет упорства ни в желании сохранить, продержаться, ни в стремлении достичь, найти.

Ребенок живет в атмосфере внутреннего благополучия и ленивой, консервативной привычки, снисходительности к современным течениям, среди привлекательной простоты. Здесь он может быть всем, чем хочет: сам – из книжек, бесед, встреч и жизненных впечатлений – ткет себе основу мировоззрения, сам выбирает путь.

Добавлю: взаимная любовь родителей. Редко ребенок чувствует ее отсутствие, когда ее нет, но жадно впитывает ее, когда она есть.

«Папа на маму сердится, мама с папой не разговаривает, мама плакала, а папа как хлопнет дверью» – это туча, которая застилает небесную синеву и сковывает ледяной тишиной радостный гомон детской.

Я сказал во вступлении:

«Велеть кому-нибудь дать тебе, матери, готовые мысли – это поручить чужой женщине родить твое дитя».

Может, не один из вас подумал:

«А мужчина? Разве не чужая женщина рожает его ребенка?»

Нет: любимая, не чужая.

57. Среда внешнего лоска и карьеры.

Опять выступает упорство, но оно вызвано к жизни холодным расчетом, а не духовными потребностями. Ибо нет здесь места для полноты содержания, есть одна лукавая форма – искусная эксплуатация чуждых ценностей, приукрашивание зияющей пустоты. Лозунги, на которых можно заработать. Этикет, которому надо покоряться. Не достоинства, а ловкая самореклама. Жизнь не как труд и отдых, а вынюхивание и обхаживание. Ненасытное тщеславие, хищность, недовольство, высокомерие и раболепие, зависть, злоба, злорадство.

Здесь детей и не любят, и не воспитывают, здесь их только оценивают, теряют на них или зарабатывают, покупают и продают. Поклон, улыбка, пожатие руки – ясное дело, все

подсчитано: и брак, и плодовитость. Добывают деньгами, повышением в чине, орденом, связями в высших сферах.

Если в подобной среде вырастает нечто положительное, это лишь видимость, лишь более искусная игра, точнее пригнанная маска. Однако и в среде распада и гангрены, в муках в душевном раздвоении вырастает иногда пресловутая «жемчужина в навозной куче». Такие случаи показывают, что наряду с общепризнанным законом о влиянии воспитания существует и другой – закон антитезы. Мы видим проявление этого закона, когда у скряги вырастает расточитель, у безбожника – человек богобоязненный, у труса – герой, чего нельзя односторонне объяснять одной «наследственностью».

58. сила противопоставления себя внушениям,

исходящим из разных источников и осуществляемым разными способами выступает ключевой в законе антитезы. Это защитный механизм сопротивления и самообороны, в некотором роде инстинкт самосохранения духовного склада, чуткий, действующий автоматически.

Если морализаторство уже достаточно дискредитировано, то влияние примера, среды пользуется в воспитании полным доверием. Отчего тогда это влияние так часто подводит?

Спрашиваю: почему ребенок, услышав ругательное слово, старается его повторить вопреки запретам, а и уступив угрозам, хранить в памяти?

Где источник этой с виду злой воли, когда ребенок упорствует, хотя мог бы легко уступить?

– Надень пальто.

Нет, хочет идти без пальто.

– Надень розовое платье.

А ей как раз хочется голубое.

Не настаиваешь – послушается, станешь настаивать, просить или угрожать – заартачится и уступит лишь по принуждению.

Почему чаще всего в период созревания ребенка наше банальное «да» сталкивается с его «нет»? Не есть ли это одно из проявлений того глубокого противодействия соблазнам, которые сейчас идут изнутри, а могут прийти извне?

«Печальная ирония судьбы велит добродетели жаждать греха, а преступлению видеть непорочные сны» (Мирбо)[13].

Преследуемая религия находит более горячий отклик. Стремление усыпить национальное самосознание успешнее его пробуждает. Я, может быть, смешал здесь факты из разных областей, но мне лично гипотеза о законе антитезы объясняет многие парадоксальные реакции на воспитательные воздействия – и удерживает от многочисленных слишком частых и энергичных попыток влиять даже в самом желательном направлении.

Дух, который царит в семье? Согласен. Но где дух эпохи? Останавливался у границ попранной свободы; мы трусливо прятали от него ребенка. «Легенда молодой Польши» Бжозовского[14] не уберегла меня от узкого взгляда на жизнь.

59. Что представляет собой ребенок?

Что представляет хотя бы только физически? Развивающийся организм. Правильно. Но увеличение в весе и в росте – лишь одно из многих проявлений этого развития. Науке уже известно несколько частных моментов роста; он неравномерен, темп его то живой, то вялый. Кроме того, мы знаем, что ребенок не только растет, но и меняет пропорции.

Широкие массы родителей не знают и этого. Сколько раз, бывало, мать вызывает врача, жалуясь, что ребенок побледнел, похудел, тельце сделалось вялое, личико и головка уменьшились. Она не знает, что младенец, вступая в период первого детства, утрачивает жировые складки, что с развитием грудной клетки голова скрадывается расширяющимися плечами, что как части тела, так и внутренние органы развиваются по-разному, что мозг, сердце, желудок, голова, глаза, кости конечностей растут каждый по-своему, что, не будь этого, взрослый человек был бы чудовищем с огромной головой на коротком толстом туловище и не мог бы двигаться на двух жировых валиках ног, что росту сопутствует изменение пропорций.

Мы имеем несколько десятков тысяч измерений, десяток не вполне совпадающих графиков обычного процесса роста и не знаем ничего о значении встречающихся у детей ускорений, запозданий и отклонений в развитии. Зная с пятого на десятое анатомию роста, мы не знаем его физиологию, потому что добросовестно изучали больного ребенка и лишь недавно начали приглядываться, и то издали, к здоровому. Вот уже сто лет, как нашей клиникой является больница и не начала еще быть школа.

60. Ребенок Изменился.

С ним что-то случилось. Мать не всегда умеет сказать, в чем эта перемена, зато у нее всегда готов ответ на вопрос, чему следует ее приписать.

– Ребенок переменился после прорезывания зубов, после прививки от кори, после отнятия от груди, после того, как выпал из кроватки.

Уже ходил и вдруг перестал ходить; просился на горшок и опять мочится; «ничего» не ест, спит неспокойно, мало или чересчур много, стал капризен, слишком подвижен или слишком вял, похудел.

Другой этап:

После поступления в школу, после возвращения из деревни, после кори, после прописанных ванн, после испуга из-за пожара. Изменился сон, аппетит, изменился характер: раньше ребенок

был послушный, теперь озорник; раньше прилежный, теперь рассеянный и ленивый. Бледненький, сутулится, какие-то некрасивые выходки. Может, невоспитанные товарищи, может, учеба, может, болен?

Двухлетнее пребывание в Доме сирот и скорее разглядывание ребенка, чем изучение, позволили установить: все, что известно как неуравновешенность периода созревания, переживается ребенком на протяжении ряда лет в виде небольших и неярких переломов, равно критических, лишь менее бросающихся в глаза и потому не замеченных наукой.

Стремясь к единству взглядов на ребенка, некоторые рассматривают его как организм быстро утомляющийся. Отсюда большая потребность в сне, слабая сопротивляемость болезням, уязвимость органов, малая психическая выносливость. Взгляд правилен, да не для всех этапов развития. Ребенок бывает попеременно то сильным, бодрым и жизнерадостным, то слабым, усталым и угрюмым. Если он заболевает в критический период, мы склонны думать, что организм его уже был подточен болезнью; я же считаю, что болезнь развилась на почве мимолетного ослабления, что или она притаилась и ждала наиболее благоприятных условий для нападения, или, случайно занесенная извне, расхозяйничалась, не встретив сопротивления. Если мы перестанем в будущем разбивать цикл жизни на искусственные: младенец, ребенок, юноша, зрелый человек и старик, то основанием для периодизации явятся уже не рост и внешнее развитие, а еще неизвестное нам глубокое преобразование всего организма в целом, которое Шарко проследил в лекции об эволюции артрита на двух поколениях от колыбели и до могилы.

61. Между первым и вторым годом жизни ребенка часто меняют домашнего врача.

В это время ко мне поступали пациенты – дети матерей, разобиженных на моего предшественника, который якобы не проявил должной компетенции, и наоборот, матери бросали меня, обвиняя, что то или иное нежелательное явление возникло по моей оплошности. И те и другие правы постольку, поскольку врач считал младенца здоровым, как вдруг выплывал не предусмотренный им ранее незаметный изъян. Но стоит терпеливо переждать критический момент, и ребенок, слегка отягощенный наследственностью, восстановит мимолетно нарушенное равновесие, а в состоянии более сильно

отягощенного наступит улучшение, и дальнейшее развитие юной жизни опять протекает спокойно.

Если в этот первый – как и во второй, школьный, – период нарушенных функций применять определенные меры, улучшение приписывается именно им. И если сегодня нам уже известно, что улучшение при воспалении легких или тифе наступает после завершения цикла болезни, тут неурядица должна продолжаться до тех пор, пока мы не установим этапы развития ребенка и не наметим особые кривые развития для детей разного типа.

В кривой развития ребенка есть и весны, и затишья осени, периоды и напряженного труда, и отдыха в целях доделки, завершения выполненной в спешке работы и предварительного сбора запасов для дальнейшего построения организма. Семимесячный плод уже способен жить, а ведь еще два долгих месяца (почти четвертую часть беременности) он дозревает во чреве матери!

Младенец, утраивающий за год исходный вес, имеет право на отдых. Молниеносный путь, который проделывает его психическое развитие, дает ему также право забыть кое-что из того, что он уже умел или знал и что мы преждевременно записали в прочные завоевания.

62. Ребенок не хочет есть.

Простенькая задачка по арифметике.

Ребенок родился 8 фунтов с лишним, через год он утроил свой вес и весит уже 25 фунтов. Продолжай он расти в том же темпе, к концу второго года он весил бы 25 ф. × 3 = 75 ф.

К концу третьего года: 75 ф. × 3 = 225 ф.

К концу четвертого года: 225 ф. × 3 = 675 ф.

К концу пятого года: 675 ф. × 3 = 2025 ф.

Чтобы прокормить это пятилетнее чудовище, весящее 2000 фунтов и потребляющее ежедневно количество пищи, равное 1/6–1/7 своего веса, как это имеет место у младенцев, требовалось бы ежедневно 300 фунтов продуктов питания.

В зависимости от механики роста ребенок ест мало, очень мало, много, очень много. Кривая веса поднимается медленно или внезапно, а то и не меняется месяцами. Она неумолимо последовательна: недомогая, ребенок в течение нескольких дней теряет в весе, зато в последующие на столько же и прибавляет, повинуясь внутреннему голосу, говорящему: «столько, и не больше». Когда здоровый, но недокармливаемый по бедности ребенок переходит на нормальную диету, он за неделю

восполняет недостачу и достигает своего веса. Если каждую неделю взвешивать ребенка, через некоторое время он уж угадывает, прибавил в весе или убавил:

«На прошлой неделе я убавил на триста граммов, видно, нынче прибавлю на пятьсот. – Сегодня я вешу меньше, я не ужинал. – Опять я на пятьсот прибавил, спасибо…»

Ребенок хочет угодить родителям: неприятно огорчать мать, выполнение родительской воли приносит ему неисчислимую пользу. А значит, если не съест котлетку и не выпьет молоко, это оттого, что не может. Если же заставлять, повторяющееся через определенные промежутки времени расстройство желудка с соответствующей диетой отрегулирует нормальное увеличение в весе.

Принцип: ребенок должен есть столько, сколько хочет, не больше и не меньше. Даже при усиленном питании больного ребенка меню можно составлять лишь при его участии и вести лечение лишь под его контролем.

63. Заставлять детей спать, когда им не хочется спать, преступление.

Таблица, устанавливающая, когда и сколько часов спать ребенку, – абсурд. Определить необходимое для данного ребенка количество часов сна легко, если есть часы: надо определить, сколько он проспит не просыпаясь и проснется ли выспавшимся. Я говорю: «выспавшимся», а не «бодрым». Бывают периоды, когда ребенку требуется больше сна, и такие, когда ребенок, хотя и устал, хочет не спать, а просто полежать в постели.

Период утомления: вечером неохотно ложится – не хочется спать; утром неохотно поднимается – не хочется вставать. Вечером делает вид, что не спится, а то не позволят вырезать, лежа в постели, картинки, играть в кубики или в куклы, погасят свет и запретят разговаривать. Утром делает вид, что спит, а то велят сейчас же вставать и умываться холодной водой. С какой радостью приветствует он кашель или жар, которые позволяют оставаться в постели!

Период безмятежного равновесия: быстро заснет, но проснется ни свет ни заря, полон энергии, потребности движения, озорной инициативы. Его не остановят ни пасмурное небо, ни холод в комнате: босой, в одной рубашке, разогреется, прыгая по столу и стульям. Что делать? Класть поздно спать, даже, о ужас, в одиннадцать часов. Позволить играть в постели. Спрашивается, почему разговоры перед сном должны «перебивать сон», а

нервничанье, что поневоле приходится быть непослушным, не «перебивает сон»?

Принцип – неважно, правильный ли – рано ложиться, рано вставать – родители ради собственной выгоды сознательно исказили; получилось: чем больше сна, тем полезнее для здоровья. К ленивой дневной скуке добавляют нервирующую скуку вечернего ожидания сна. Трудно вообразить более деспотичный, граничащий с пыткой приказ:

– Спи!

Люди, которые поздно ложатся спать, бывают больны потому, что ночью они пьянствуют и распутничают, а должны ходить на работу рано, и они недосыпают.

Неврастеник, который как-то встал на рассвете и чувствовал себя прекрасно, поддался внушению.

Что ребенок, рано ложась спать, меньше находится при искусственном освещении – не такой уже большой плюс в городе, где нельзя с зарей выбежать на лужайку, и он валяется при опущенных шторах в постели уже обленившийся, уже мрачный, уже капризный – дурное предзнаменование для начинающегося дня…

Я не могу здесь в нескольких десятках строк развить тему (это относится ко всем затронутым в книге проблемам). Моя задача – пробуждать бдительность…

64. Что представляет собой ребенок как отличная от нашей душевная организация?

Каковы его особенности, потребности, каковы скрытые, не замеченные еще возможности? Что представляет собой эта половина человечества, живущая вместе с нами, рядом с нами в трагичном раздвоении? Мы возлагаем на нее бремя завтрашнего человека не давая прав человека сегодняшнего.

Если поделить человечество на взрослых и детей, а жизнь – на детство и зрелость, то детей и детства в мире и в жизни много, очень много. Только, погруженные в свою борьбу и в свои заботы, мы их не замечаем, как не замечали раньше женщину, крестьянина, закабаленные классы и народы. Мы устроились так, чтобы дети нам как можно меньше мешали и как можно меньше догадывались, что мы на самом деле собой представляем и что мы на самом деле делаем.

В одном из парижских детдомов я видел два ряда перил у лестницы: высокие для взрослых, низкие для малышей. Этим да еще школьной партой и исчерпал себя гений изобретателя. Мало,

очень мало! Взгляните на нищенские площадки для ребят со щербатой кружкой на ржавой цепи у бассейна в магнатских парках европейских столиц.

Где дома и сады, мастерские и опытные поля – орудия труда и знания для детей, людей завтрашнего дня? Еще одно окно да тамбур, отделяющий класс от клозета, – архитектура дала лишь столько; клеенчатая лошадка и жестяная сабля – столько дала промышленность; яркие картинки да рукоделия на стенах – немного; сказка? – не мы ее выдумали.

На наших глазах из наложницы возникла женщина-человек. Веками играла она насильно навязанную роль, воплощая тип, выработанный самовластием и эгоизмом мужчины, который не желал замечать женщину-труженицу, как не замечает и сейчас труженика-ребенка.

Ребенок еще не заговорил, он все еще слушает.

Ребенок – это сто масок, сто ролей способного актера. Иной с матерью, иной с отцом, с бабушкой, с дедушкой, иной со строгим и с ласковым педагогом, иной на кухне и среди ровесников, иной с богатыми и с бедными, иной в будничной и в праздничной одежде. Наивный и хитрый, покорный и надменный, кроткий и мстительный, благовоспитанный и шаловливый, он умеет так до поры до времени затаиться, так замкнуться в себе, что вводит нас в заблуждение и использует в своих целях.

В области инстинктов ему недостает лишь одного, вернее, и он есть, только пока еще рассеянный, как бы туман эротических предчувствий.

В области чувств превосходит нас силой – не отработано торможение.

В области интеллекта по меньшей мере равен нам, недостает лишь опыта.

Оттого так часто человек зрелый бывает ребенком, а ребенок – взрослым.

Вся же остальная разница в том, что ребенок не зарабатывает и, будучи на содержании, вынужден подчиняться.

Детские дома теперь уже меньше похожи на казармы и монастыри – это почти больницы. Гигиена есть, зато нет у них улыбки и радости, неожиданности и шаловливости; они серьезны, если не суровы, только по-другому. Архитектура их еще не заметила; «детского стиля» нет. Взрослый фасад, взрослые пропорции, старческий хлад деталей. Француз говорит, что Наполеон колокол монастырского воспитания заменил барабаном – правильно; я добавлю, что над духом современного воспитания тяготеет фабричный гудок.

65. Ребенок неопытен.

Приведу пример, попытаюсь объяснить.

– Я скажу маме на ушко.

И, обнимая мать за шею, бормочет таинственно:

– Мамочка, спроси доктора, можно мне булочку (шоколадку, компот)?

При этом поглядывает на доктора, кокетничая улыбкой, чтобы подкупить, вынудить позволение.

Старшие дети шепчут на ухо, младшие говорят обычным голосом…

Был момент, когда окружающие признали, что ребенок достаточно созрел для морали:

«Есть желания, которые нельзя высказывать. Эти желания бывают двоякие: одни вовсе не следует иметь, а если уж они есть, их надо стыдиться; другие допустимы, но только среди своих».

Нехорошо приставать; нехорошо, съев конфетку, просить вторую. А иногда вообще нехорошо просить конфетку: надо ждать, когда сами дадут.

Нехорошо делать в штанишки, но нехорошо и говорить: «Хочу пись-пись», будут смеяться. Чтобы не смеялись, надо сказать на ухо.

Порой нехорошо вслух спрашивать:

– Почему у этого дяди нет волос?

Дядя засмеялся, и все засмеялись. Спросить можно, да только шепотом, на ухо.

Ребенок не сразу поймет, что цель говорения на ухо – чтобы тебя слышало лишь одно доверенное лицо; и ребенок говорит на ухо, но громко:

– Я хочу пись-пись, я хочу пирожное.

А если и тихо говорит, все равно не понимает. Зачем скрывать то, о чем все присутствующие и так от мамы узнают?

У чужих ничего не надо просить, почему тогда у доктора можно, да еще вслух?

– Почему у этой собачки такие длинные уши? – спрашивает ребенок тихим-претихим шепотом.

Опять смех. Можно было и вслух спросить, собачка не обидится. Но ведь нехорошо спрашивать, почему у этой девочки некрасивое платье? Ведь и платье не обидится?

Как объяснить ребенку, сколько здесь скверной фальши?

И как потом растолковать, отчего вообще нехорошо говорить на ухо?

66. Ребенок неопытен.

Смотрит с любопытством, жадно слушает и верит.

«Яблоко, тетя, цветочек, коровка» – верит!

«Красиво, вкусно, хорошо» – верит!

«Бяка», брось, нельзя, не тронь» – верит!

«Поцелуй, поздоровайся, поблагодари» – верит!

«Ушиблась, детусенька, дай мамочка поцелует; уже не больно».

Ребенок улыбается сквозь слезы, мамочка поцеловала, уже не больно. Ушибся – бежит за лекарством-поцелуем.

Верит!

– Любишь меня?

– Люблю…

– Мама спит, у мамы головка болит, маму будить нельзя.

Так он тихонько, на цыпочках подходит к маме, осторожно тянет за рукав и шепотом спрашивает. Он не разбудит, он только задаст вопрос. А потом: «Спи, спи, мамочка, у тебя головка болит».

– Коровка дает молочко.

– Коровка? – спрашивает недоверчиво. – А откуда коровка берет молочко?

И сам себе отвечает:

– Из колодца.

Ребенок верит, ведь всякий раз, когда сам хочет что-нибудь придумать, он ошибается – приходится верить.

67. Ребенок неопытен.

Уронил стакан на пол. Вышло что-то очень странное. Стакан пропал, зато появились совсем другие предметы. Ребенок наклонился, берет в руки осколок, порезался, больно, из пальца течет кровь. Все полно тайн и неожиданностей.

Двигает перед собой стул. Вдруг что-то мелькнуло перед глазами, дернуло, застучало. Стул стал другой, а сам он сидит на полу. Опять боль и испуг. Полно на свете чудес и опасностей.

Тащит одеяло, чтобы извлечь из-под него себя. Теряя равновесие, хватается за материну юбку. Встав на цыпочки, дотягивается до края кровати. Обогащенный опытом, стаскивает со стола скатерть.

Опять катастрофа!

Ребенок ищет помощи, потому что сам не способен справиться. При самостоятельных попытках терпит поражение.

Завися же от других, раздражается.

И если даже и не доверяет или не совсем доверяет– его много раз обманывали, – ему все равно приходится следовать указаниям взрослых так же, как неопытному работодателю терпеть недобросовестного работника, без которого он не может обойтись, или как паралитику сносить грубости санитара.

Подчеркиваю, всякая беспомощность, всякое удивление незнания, ошибка при использования опыта, неудачная попытка подражать и всякая зависимость напоминают ребенка, несмотря на возраст индивида. Мы без труда находим детские черты у больного, у старика, солдата, заключенного. Крестьянин в городе, горожанин в деревне удивляются, как дети. Профан задает детские вопросы, человек несветский делает детские промахи.

68. Ребенок подражает взрослым.

Лишь подражая, ребенок учится говорить и осваивает большинство бытовых форм, создавая видимость, что сжился со средой взрослых, которых он не может постичь, которые чужды ему по духу и непонятны.

Самые грубые ошибки в наших суждениях о ребенке происходят именно потому, что истинные его мысли и чувства затеряны среди перенятых им у взрослых слов и форм, которыми он пользуется, вкладывая в них совершенно иное, собственное содержание.

Будущее, любовь, родина, бог, уважение, долг – все эти окаменевшие в словах понятия рождаются, живут, растут, меняются, крепнут, слабеют, являясь чем-то иным в каждый период жизни. Надо сделать над собой большое усилие, чтобы не смешать кучу песка, которую ребенок зовет горой, со снежной вершиной Альп. Кто вдумается в душу употребляемых людьми слов, у того сотрется разница между ребенком, юношей и взрослым, невеждой и мыслителем; перед ним предстанет человек интеллектуальный независимо от возраста, класса, уровня образования и культуры, существо, мыслящее в пределах большего или меньшего опыта.

Ребенок не понимает будущего, не любит родителей, не догадывается о родине, не постигает бога, никого не уважает и не знает обязанностей. Говорит «когда вырасту», но не верит в это, зовет мать «самой-самой любимой», но не чувствует этого; родина его – сад или двор. Бог для него добрый дядюшка или надоеда-ворчун. Ребенок делает вид, что уважает, уступая силе, воплощенной для него в том, кто приказал и следит. А надо

помнить, что приказать можно не только с помощью палки, но и просьбой, и ласковым взглядом. Подчас ребенок угадывает будущее, но это лишь моменты, своего рода ясновидение.

Ребенок подражает? А что делает путешественник, которого мандарин пригласил принять участие в местном обряде или церемонии? Смотрит и старается не отличаться, не вызывать замешательства, схватывает суть и связь эпизодов, гордясь, что справился с ролью. Что делает человек несветский, попав на обед к знатным господам? Старается приспособиться. А конторщик в имении, чиновник в городе, офицер в полку? Не подражают ли они речью, движениями, улыбкой, манерой стричься и одеваться патрону?

Есть еще одна форма подражания: когда девочка, иди по грязи, приподнимает короткое платьице, это значит, что она взрослая. Когда мальчик подражает подписи учителя, он проверяет до известной степени свою пригодность для высокого поста. Эту форму подражания мы легко найдем и у взрослых.

69. Эгоцентризм детского мировоззрения – это тоже отсутствие опыта.

От эгоцентризма личного, когда его сознание является средоточием всех вещей и явлений, ребенок переходит к эгоцентризму семейному, более или менее длительному в зависимости от условий, в которых воспитывается ребенок; мы сами укореняем его в заблуждении, преувеличивая значение семьи и дома и указывая на мнимые и действительные опасности, угрожающие ему вне досягаемости нашей помощи и заботы.

– Оставайся у меня, – говорит тетя.

Ребенок со слезами на глазах льнет к матери и ни за что не остается.

– Он ко мне так привязан.

Ребенок с удивлением и испугом смотрит на чужих мам, которые даже ему не тети.

Но настает минута, когда он начинает спокойно сопоставлять то, что видит в других домах, с тем, что есть у него. Сначала ему хочется только такую же куклу, сад, канарейку, но у себя дома. Потом замечает, что бывают другие матери и отцы, тоже хорошие, а может, и лучше?

– Вот если бы она была моей мамой…

Ребенок городских задворков и деревенской избы приобретает соответствующий опыт раньше, познавая печаль, которую никто с ним не делит, радость, которая веселит лишь

домашних, понимает, что день его именин – праздник лишь для него самого.

«А мой папа, а у нас, а моя мама» – эта столь часто встречающаяся в детских спорах похвальба своими родителями скорее полемическая формула, а подчас и трагичная защита иллюзии, в которую хочешь верить, но начинаешь сомневаться.

– Погоди, вот я скажу папе…

– Очень я твоего папу боюсь.

И правда, папа мой страшен только для меня самого.

Эгоцентричным я назвал бы и взгляд ребенка на текущий момент – по отсутствию опыта ребенок живет одним настоящим. Отложенная на неделю игра перестает быть действительностью. Зима летом кажется небылицей. Оставляя пирожное на завтра, ребенок отрекается от него поневоле. Ребенку трудно понять, что испорченный предмет может стать не сразу негодным к употреблению, а лишь менее прочным, быстрей поддающимся износу. Рассказ о том, как мама была девочкой, – интересная сказка. С удивлением, граничащим с ужасом, смотрит ребенок на чуждого пришельца, который зовет его отца – товарища своих детских лет – по имени.

– Меня еще не было на свете…

А юношеский эгоцентризм: все на свете начинается с нас?

А партийный, классовый, рациональный эгоцентризм? Многие ли дорастают до сознания места человека в человечестве и Вселенной? С каким трудом люди примирились с мыслью, что Земля вращается и является лишь планетой! А глубокое убеждение масс, вопреки действительности, что в XX веке ужасы войны невозможны?

Да и наше отношение к детям – не проявление ли эгоцентризма взрослых?

Я не знал, что ребенок так крепко помнит и так терпеливо ждет. Многие наши ошибки происходят оттого, что мы имеем дело с детьми принуждения, рабства и крепостничества, исковерканными, обиженными и бунтующими; приходится с трудом догадываться, какие они на самом деле есть и какими могут быть.

70. Наблюдательность ребенка.

На экране кинематографа потрясающая драма. Вдруг раздается звонкий возглас ребенка:

– Ой, собачка…

Никто не заметил, а он заметил.

Подобные возгласы слышишь подчас в театре, в костеле, во время многих торжеств; они вызывают переполох среди ближних и улыбки в публике.

Не охватывая целого, не вдумываясь в непонятное содержание, ребенок, счастливый, приветствует знакомую, близкую деталь. Но ведь и мы радостно приветствуем в многочисленном чужом и стеснительном для нас обществе случайно встреченного знакомого…

Не будучи в состоянии жить бездеятельно, ребенок заберется в любой уголок, заглянет в каждую щель, сыщет и спросит; ему интересно все: и движущаяся точечка – букашка, и блестящая бусинка, и услышанное слово или фраза. Как же похожи мы на детей в чужом городе, в необычной среде!..

…Ребенок знает окружающих, их настроения, повадки, слабости, знает и, можно добавить, умело их использует. Угадывает расположение, чувствует лицемерие, схватывает на лету смешное.

Читает по вашим лицам так, как крестьянин по небу, какую оно сулит погоду. Ведь и ребенок годами всматривается и изучает: и в школах, и в интернатах; эта работа по вниканию в нас ведется у них коллективно, общими усилиями. Только мы не хотим замечать и, пока не нарушен наш драгоценный покой, предпочитаем обольщаться, что – наивный – ребенок не знает, не понимает, легко дает себя обмануть видимости. Иная точка зрения поставила бы перед нами дилемму: или открыто отречься от права на мнимое совершенство, или искоренить в себе то, что унижает нас в их глазах, делает посмешищем, обедняет.

71. Говорят, ребенок в поисках все новых эмоций и впечатлений ничем не может долго заняться,

даже игра ему быстро надоедает: час тому назад друг уже ему враг, чтобы через минуту опять стать закадычным приятелем.

Наблюдение, в общем, правильное: в поезде ребенок капризничает, посадишь в саду на скамейку – сердится, в гостях – пристает, любимая игрушка заброшена в угол, на уроке вертится, даже в театре не посидит спокойно.

Учтем, однако, что в вагоне он был возбужден, устал, на скамейку его взгромоздили против воли, в гостях смущался, игрушку и товарища ему выбрали, учиться заставили, а рвался он в театр в твердой вере, что приятно проведет время.

Как часто похожи мы на ребенка, когда он, нацепив кошке бантик, потчует ее грушей, дает поглядеть картинки и

удивляется, что негодяйка хочет тактично улизнуть или, отчаявшись, царапнет!

В гостях ребенку хотелось бы посмотреть, как открывается коробка, которая стоит на подзеркальнике, и что там блестит в углу, и есть ли в большой книжке картинки, хотелось бы поймать золотую рыбку и съесть много-много шоколадок. Но он ничем не выдаст своих желаний, ведь это некрасиво.

– Пойдем домой, – торопит дурно воспитанный ребенок.

Ему обещали забаву: флажки, фейерверки, спектакль, он ждал и разочаровался.

– Ну как, весело тебе?

– Очень, – отвечает он, зевая или подавляя зевоту, чтобы не обидеть.

Летние колонии. Рассказываю в лесу сказку. Во время рассказа поднимается и уходит один мальчик, затем другой, третий. Это меня удивило, назавтра спрашиваю их: один положил под куст палку, вспомнил про нее, когда я рассказывал, и испугался, как бы не взяли; у второго болел порезанный палец, а третий не любит вымышленных историй. Не уйдет ли и взрослый из театра, если пьеса его не занимает, докучает боль или оставил в кармане пальто портсигар?

У меня есть много доказательств того, что ребенок может неделями, месяцами заниматься одним и тем же и не желать перемены. Любимая игрушка никогда не теряет очарования. Одну и ту же сказку выслушает много раз с неослабевающим интересом. И наоборот, у меня есть доказательства того, что матерей раздражает однообразие интересов ребенка. Сколько раз, случалось, матери просят врача «разнообразить диету, кашки и компоты ребенку уже надоели».

– Вам они надоели, а не ребенку, – приходилось мне им объяснять.

72. Скука – тема для солидных исследований.

Скука – одиночество, отсутствие впечатлений; скука избыток впечатлений, шум, гам, суматоха. Скука – нельзя, погоди, осторожно, нехорошо. Скука нового платья, скованности и смущения, наказов и заказов и обязанностей.

Полускука балкона и выглядывания из окошка, прогулки, визита, игры со случайными и неподходящими товарищами.

Скука – острая, как болезнь с высокой температурой, и хроническая, с рецидивами и осложнениями.

Скука – дурное самочувствие ребенка: значит, чрезмерная

жара, холод, голод, жажда, переедание, сонливость и часы принудительного сна, боль и усталость.

Скука – апатия, безразличие, малоподвижность, неразговорчивость, понижение жизненного тонуса. Ребенок лениво подымается, ходит сгорбившись, шаркая ногами, потягивается, отвечает мимикой, односложно, тихим голосом, досадливо морщась. Нетребователен, но каждое обращенное к нему требование встречает в штыки. Отдельные непонятные и слабомотивированные внезапные взрывы.

Скука – усиленная подвижность. Ни минуты не усидит на месте, ничем не займется, капризен, недисциплинирован, злобен; обижает, задирает, досаждает, плачет и злится. Подчас нарочно идет на скандал, видя в ожидаемом наказании желанное сильное ощущение.

Часто мы видим сознательное упорство злой воли там, где существует банкротство воли; и избыток энергии там, где отчаяние усталости.

Скука приобретает иногда черты массового психоза. Не умея организовать игру или стесняясь, не подходя друг другу по возрасту и характеру или в необычных условиях дети впадают в неистовство бессмысленного крика и шума.

Кричат, толкаются, опрокидывают и тянут за ноги, кружатся до потери сознания, падая на пол; взаимно подзадоривая друг друга, закатываются ненатуральным смехом. Чаще всего «игру» (и это раньше, чем назреет естественная реакция) прерывает катастрофа: драка, порванная одежда, сломанный стул, ушиб посильней, а значит, замешательство и взаимные обвинения. Порой настроение крика и шума гаснет; раздается чье-нибудь «бросьте дурить» или «постыдились бы, что вы делаете», инициатива переходит в энергичные руки – и сказка, хоровое пение, беседа.

Боюсь, эти не слишком частые патологические состояния массовой действующей на нервы скуки некоторые воспитатели склонны считать нормальной игрой детей, «предоставленных самим себе».

73. Даже игры детей, как нечто несерьезное, не дождались солидных клинических исследований.

Следует помнить, что играют и взрослые, не только дети; что не всегда дети играют охотно; что не все, что мы зовем игрой, на самом деле игра; что многие детские игры – подражание серьезной деятельности взрослых; что игры на вольном просторе

одни, а в стенах города или дома другие; и что мы можем рассматривать детские игры лишь с точки зрения места, которое они занимают в современном обществе.

Мяч.

Погляди на усилия самого маленького поднять мяч с земли и проковылять по полу в задуманном направлении.

Погляди на изнурительные упражнения старшего, как он старается научиться ловить правой и левой рукой, заставить отскочить несколько раз от земли, от стены, подбить лаптой, попасть в цель. Кто дальше всех, кто выше всех, кто метче всех, кто больше всех. Соревнование, познавание путем сравнений своей ценности, победы и поражения, совершенствование.

Неожиданности часто комического характера. Уже был в руках – и выскользнул, отскочил от одного и попал прямо в руки к другому; ловя мяч, стукнулись головами; улетел под шкаф и сам оттуда покорно выкатывается.

Треволнения. Мяч падает на траву, поднять – значит рисковать. Потерялся – поиски. Едва не выбил стекло. Залетел на шкаф, как достать? Совещание. Ударил или не ударил? Кто виноват: кто криво бросил или кто не поймал? Оживленный спор.

Индивидуализация, внесение разнообразия. Ребенок обманывает: делает вид, что бросает; целится в одного, кидает в другого; ловко прячет мяч, будто у него его нет. Бросил и дунул на мяч, чтобы быстрей летел; ловит и падает понарошку; пытается поймать ртом; ему бросили мяч, а он делает вид, что боится; притворяется, что мяч его ушиб. Колотит мячик: «Ты, мячик, я тебе дам!» «Там, в мячике, что-то стучит», – трясет и слушает.

Есть дети, которые сами не играют, а любят смотреть, подобно тому, как смотрят взрослые на играющих в бильярд или в шахматы. И в игре в мяч бывают интересные, неверные и гениальные движения.

Целесообразность движений – лишь одна из многих сторон, которые делают этот вид спорта приятным.

74. Игры не столько стихия ребенка,

сколько единственная область, где мы предоставляем ему более или менее широкую инициативу. Лишь в играх ребенок чувствует себя до некоторой степени независимым. Все остальное – мимолетная милость, временная уступка, на игру же у ребенка есть право.

Играя в лошадки, войну, сыщиков-разбойников; пожарных,

ребенок дает выход своей энергии в мнимо целенаправленных движениях, на какой-то миг поддается иллюзии или сознательно убегает от подлинной жизни. Потому-то так ценят дети участие ровесников с живым воображением, разносторонней инициативой, большим запасом почерпнутых из книг мотивов и так покорно подчиняются их часто деспотичной власти – благодаря им легче облечь туманные грезы в видимость действительности. В присутствии взрослых и чужих дети стесняются, стыдятся своих игр, сознавая их ничтожность.

Сколько в ребячьих играх горького сознания недостатков подлинной жизни, сколько мучительной по ней тоски!

Палка для ребенка не лошадь, но, не имея настоящей лошади, приходится мириться и с деревянной. И если дети плывут на перевернутом стуле по комнате – это не катание на лодках на озере…

Когда у ребенка в плане дня купание без ограничений, лес с ягодами, удочка, птичьи гнезда высоко на деревьях, голубятня, куры, кролики, сливы в чужом саду, цветник перед домом, игра становится ненужной или меняет в корне характер. Какой ребенок сменит живую собаку на игрушечную, на колесиках? Какой ребенок отдаст настоящего пони за коня-качалку?

Ребенок обращается к игре поневоле, спасаясь от злой скуки, прячась от ужасающей пустоты, скрываясь от холодного долга. Да, ребенок лучше уж будет играть, чем зубрить грамматические правила или таблицу умножения.

Ребенок привязывается к кукле, щеглу, цветку в горшке, потому что пока еще у него ничего больше нет; узник или старик привязываются к тому же самому, потому что у них уже ничего нет. Ребенок играет во что попало, лишь бы убить время, не зная, что с собой делать, не имея другого выбора.

Мы слышим, как девочка преподает кукле правила хорошего тона, как пугает ее и отчитывает; и не слышим, как жалуется ей в постели на окружающих, поверяет шепотом заботы, неудачи, мечты.

– Что я тебе скажу, куколка! Только никому не повторяй.

– Ты добрый песик, я на тебя не сержусь, ты мне не сделал ничего плохого.

Это одиночество ребенка наделяет куклу душой.

Жизнь ребенка не рай, а драма.

75. Пастушонок охотнее будет играть в карты, чем в мячик:

довольно набегался, гоняясь за коровами. Маленький

продавец газет или мальчик на побегушках носятся вовсю лишь поначалу: быстро учатся размерять усилия, раскладывая их на целый день. Не играет в куклы ребенок, которому приходится нянчить младенца; наоборот, бежит от неприятной обязанности.

Значит, дети не любят работать? Труд детей бедняков утилитарен, не воспитывает, не рассчитан на их силы и индивидуальные склонности. Было бы смешно выдавать жизнь нищих детей за пример для подражания: и здесь скука, зимняя скука тесной лачуги и летняя – двора или придорожной канавы, скука лишь и иной форме. И ни родители, ни мы не можем заполнить ребенку день так, чтобы ряд их, логично связанных друг с другом, раскрывал красочное содержание жизни, от вчера через сегодня к завтра.

Многочисленные игры ребят – работа.

Если вчетвером строят шалаш: копают обрезком жести, стеклом, гвоздем землю, вбивают колья, связывают их, накрывают крышей из веток и выстилают пол мхом, работая то напряженно и молча, то вяло, но зато проектируя улучшения, строя дальнейшие планы, делясь результатами добытых наблюдений, – это не игра, а неумелая работа несовершенными орудиями над недостаточным материалом, стало быть, малоплодотворная, но организованная так, что каждый в зависимости от возраста, сил и умения вносит столько усилий, насколько его хватает.

Если детская комната, вопреки нашим запретам, так часто бывает мастерской и складом хлама, а значит, складом материалов для предполагаемых работ, не в этом ли направлении обратить нам поиски? Быть может, для комнаты маленького ребенка нужен не линолеум, а воз полезного для здоровья желтого песку, изрядная вязанка палок и тачка камней? Быть может, доска, картон, фунт гвоздей, пила, молоток и токарный станок были бы более желанным подарком, чем игра, а учитель труда полезнее, чем преподаватель гимнастики или игры на пианино? Но тогда придется изгнать из детской больничную тишину, больничную чистоту и боязнь порезанных пальцев.

Разумные родители с неприятным чувством приказывают: «Играй» – и с болью слышат в ответ: «Все только играй да играй». А что поделаешь, коли нет ничего другого?

Многое изменилось. Игры и развлечения не только допускаются с известным пренебрежением, но и введены уже в школьную программу; все громче требование школьных участков. Перемены с часу на час; психика среднего отца семейства и воспитателя не поспевает.

76. Вопреки тому, что сказано выше, бывают дети, которым

и одиночество не слишком надоедает, да и в деятельности они не нуждаются.

Этих тихоньких, которых чужие матери ставят в пример, дома «не слышно». Они не скучают, сами себе выдумывают игру, в которую, прикажи, станут играть, прикажи, послушно бросят. Это пассивные дети; они хотят немного и несильно, а потому легко уступают, и вымысел заменяет им действительность, тем более что этого-то и желают взрослые.

В толпе такие ребята теряются, страдают от холодного безразличия, не поспевают за ее бурным потоком. Вместо того, чтобы понять, и здесь матери стремятся переделать, насильно навязать то, что лишь медленно, осторожно удается выработать изнурительным усилием, опытом многих неуспехов, неудачных попыток, мучительного унижения. Всякий неосмотрительный наказ ухудшает положение вещей. «Поди, поиграй с ребятами» оскорбляет одного так же, как другого: «Поиграли и хватит».

Как же их легко узнать в толпе!

Например, хоровод в саду. Несколько десятков ребятишек поют, держась за руки, двое на первых ролях в середине.

– Ну ступай же, поиграй с ними!

Девочке не хочется, она не знает игры, детей; когда раз как-то пробовала, ей сказали: «Нам не нужно, у нас и так много» или «Да ты растяпа». Быть может, завтра или через неделю она и попробует опять… Но мать не хочет ждать, силком выталкивает. Робея, девочка нехотя берет за руки соседок, хочет, чтобы ее не замечали, и так и будет стоять– быть может, и заинтересуется постепенно, быть может, и сделает первый шаг к примирению с новой коллективной жизнью… Тут мать совершает новую бестактность – думает приохотить ее более живым участием:

– Девочки, почему у вас все одни и те же в кругу? Вот эта еще не была, выберите ее!

Одна из коноводок отказывается, две другие соглашаются, но неохотно.

Бедная дебютантка оказывается в недоброжелательном коллективе.

Сцена эта кончилась слезами девочки, гневом матери, замешательством среди участников хоровода.

77. Хоровод в саду как практическое упражнение в наблюдательности для воспитателя: количество подмеченных моментов.

Общее наблюдение (трудное, за всеми занятыми в игре детьми), индивидуальное (за одним произвольно выбранным ребенком).

Инициатива, начало, расцвет и распад игры. Кто подает сигнал, организует, ведет за собой, чей выход из игры конец сборищу? Кто выбирает приятелей, а кто берет за руку двух случайных ребят? Кто охотно разлучается, чтобы дать место новому участнику, и кто протестует? Кто часто меняет место и кто придерживается одного? Кто в перерывах терпеливо ждет и кто торопит: «Ну скорее! Ну давайте начинать!»? Кто стоит неподвижно и кто переминается с ноги на ногу, размахивает руками, громко смеется? Кто и зевает, да не уходит и кто бросает играть: потому ли, что неинтересно, потому ли, что обиделся; кто пристает, пока не получит главную роль? Мать хочет втолкнуть в хоровод совсем маленького ребенка: «Нет, он еще мал», – а другой: «Ну чем он помешает, пускай себе стоит».

Если бы игрой руководил взрослый, он ввел бы очередность, поверхностно справедливое распределение ролей и, считая, что помогает, внес бы принуждение. Двое и все одни и те же бегают (кошка и мышка), играют (в волчок), выбирают (при танце), а остальные, видно, скучают? Один смотрит, другой слушает, третий поет – про себя, вполголоса, а то и в голос, четвертый и хочет вступить в круг, да не решается, а сердце так и стучит… А десятилетний заправила-психолог быстро оценивает, захватывает и распоряжается.

При каждой коллективной деятельности, а значит, и в игре ребята, делая одно и то же, отличаются друг от друга хотя бы одним мелким штрихом.

И мы узнаем, чем ребенок является в жизни, среди людей, в действии, какова его не истинная, а рыночная цена, что впитывает в себя и что сам способен дать и как смотрит на это толпа, какова его самостоятельность, сопротивляемость массовому внушению. Из дружеской беседы мы узнаем, к чему он стремится, а наблюдая в толпе, что способен осуществить; здесь – каково его отношение к людям, там – скрытые мотивы этого отношения. Если мы видим ребенка только одного, мы будем знать его односторонне.

Если имеет авторитет – как его приобрел, как использует; если не имеет – хочет ли иметь, страдает ли оттого, что не имеет, злится ли, дуется ли, завидует ли пассивно, добивается или отступает? Часто спорит или редко, справедливо или несправедливо, руководствуясь самолюбием или капризом, тактично или грубо навязывает свою волю? Избегает вожаков или льнет к ним?

«Послушайте, давайте делать вот так! Подождите, так, может, лучше! А я не играю! Ладно, скажи, как ты хочешь?»

78. Что такое спокойные игры детей, как не беседа, обмен мнениями, мечты на избранную тему, драматизированная греза о могуществе?

Играя, дети высказывают свои истинные взгляды, подобно тому как автор в романе или пьесе развивает главную мысль. Поэтому часто видишь здесь бессознательную сатиру на взрослых: дети играют в школу, наносят визиты, принимают гостей, угощают кукол, покупают и продают, нанимают и увольняют прислугу… Пассивные игру и школу принимают всерьез, хотят, чтобы похвалили; активные предпочитают роль озорников, и часто их выходки вызывают общие протесты – не выдают ли они невольно свое подлинное отношение к школе?

Не имея возможности выйти хотя бы в сад, ребенок тем охотнее путешествует по необитаемым островам и океанам; у него нет даже Полкана, который слушался бы его, но он лихо командует полками. Будучи ничем, хочет быть всем. Но только ли ребенок?

Мы недолюбливаем некоторые детские игры, исследования и опыты. Ребенок ходит на четвереньках и лает, чтобы понять, как справляется с этим собака, пробует хромать, подражает горбатому старику, косоглазит, заикается, качается, как пьяный, изображает увиденного на улице сумасшедшего, ходит закрыв глаза (слепой), затыкает уши (глухой), ложится неподвижно, удерживая дыхание (умер), смотрит через очки, затягивается папиросой, тайком пробует завести часы, обрывает у мухи крылья (как она полетит?), притягивает магнитом перо, интересуется строением уха (что там за барабанная перепонка?), горла (что там за миндалины?), предлагает девочке играть в доктора, надеясь, что увидит, как там у нее, бежит с зажигательным стеклом на солнце, слушает шум в раковине, бьет кремнем о кремень.

Все, в чем можно убедиться самому, он хочет увидеть, проверить, испытать; и так столько еще остается, чему надо верить на слово!

Говорят, месяц только один, а ведь везде его видно.

Слушай, я встану за забором, а ты в огороде.

Закрыли калитку.

– Ну что, есть в огороде месяц?

– Есть.

– И здесь есть.

Переменились местами, проверили вторично: теперь точно знают, что месяцев – два.

79. Особое место занимают игры, цель которых – проверка силы, познание своей цены.

А этого удается достичь, лишь сравнивая себя с другими.

Поэтому у кого больше шаг, сколько шагов пройдет с закрытыми глазами, кто дольше простоит на одной ноге, не моргнет, не рассмеется, глядя в глаза, кто может дольше не дышать? Кто громче крикнет, дальше плюнет, выше пустит струю мочи или бросит камень? Кто соскочит с большего количества ступенек, прыгнет выше и дальше, дольше выдержит боль при стискивании пальцев? Кто скорее добежит, кто кого поднимет, перетянет?

«Я могу. Я умею. Я знаю, у меня есть».

«А я могу лучше. А я знаю больше. А у меня лучше».

А потом: «Мои папа и мама, они могут, у них есть».

Так приобретается уважение, занимается соответствующее положение в своей среде. А следует помнить, что благополучие детей зависит не исключительно от того, как их расценивают взрослые, но и – это в равной, а может быть, и в большей степени – от мнения сверстников, у которых иные, но тем не менее твердые правила оценки членов своего ребячьего общества и их прав.

Пятилетний ребенок может быть допущен в общество восьмилетних, а тех могут, в свою очередь, принять к себе десятилетние, которые уже выходят одни на улицу и у которых есть пенал с ключиком и записная книжка. Такой, старше тебя на два класса, мальчик разрешит многие сомнения, за полпирожного или даже даром просветит и обучит.

Магнит притягивает железо, потому что он намагничен. Самые лучшие лошади – это арабские, у них тонкие ноги. У королей кровь голубая, а не красная. И у льва, и у орла, наверно, тоже голубая (надо про это еще у кого-нибудь спросить). Если мертвец схватит за руку, то уже не вырвешь. В лесу бывают женщины, у которых вместо волос на голове змеи; он сам видел на картинке и даже в лесу видел, только издали, потому что вблизи как взглянет такая женщина, так человек превращается в камень (врет, небось?). Он видел утопленника, знает, как рождаются дети, и умеет из бумаги сделать кошелек.

И не только говорит, что умеет, но и сделал бумажный кошелек, а мама этого не умеет.

80. Не относись мы к ребенку, его чувствам, стремлениям, а значит, и к играм свысока,

мы понимали бы, что он правильно делает, когда с одним охотно общается, а другого избегает, встречает поневоле и неохотно играет. Можно подраться с самым лучшим приятелем и скоро помириться, а с немилым и без ссор не захочешь водиться.

С ним нельзя играть: чуть что – в плач, сразу обижается, жалуется, кричит и беснуется, хвастает, дерется, хочет верховодить, сплетничает, обманывает – фальшивый, нескладный, маленький, глупый, грязный и некрасивый.

Этакая одна пискля неотвязная портит всю игру. Посмотри, как остальные дети стараются его обезвредить! Старшие ребята охотно примут в игру и малыша, и он может сгодиться, только пусть будет доволен второстепенной ролью, пусть не мешает.

«Дай ему, уступи, позволь: он ведь маленький».

Неправда: взрослые тоже детям не уступают…

Почему он не любит ходить туда в гости? Ведь там есть дети, с которыми он охотно играет?

Охотно, да только у себя или в парке. А там есть один человек, который кричит, там насильно целуют, прислуга обидела его, старшая сестра дразнится, и там собака, которую он боится. Самолюбие не позволяет ему назвать истинную причину, а мать считает, что капризничает.

Ребенок не хочет идти в парк. Почему? Большой мальчик грозился избить, гувернантка одной девочки обещала пожаловаться, и, когда он шел по газону за мячиком, садовник погрозил палкой; обещал принести мальчику марку, а она куда-то задевалась.

Бывают капризные дети, я перевидал их на врачебных приемах много десятков. Эти дети знают, чего хотят, только им этого не дадут: им нечем дышать, они задыхаются под тяжестью нежной заботы. Но если взрослые с патологически капризными детьми холодны, дети их презирают и ненавидят. Детей можно истязать неразумной любовью; закон должен взять их под защиту.

81. Мы выдали детям мундир детства и верим,

что они любят нас, уважают и доверяют и что они невинны, легковерны и благодарны.

Безупречно играем роль бескорыстных опекунов, умиляемся мысли о приносимых нами жертвах, и, можно сказать, нам с детьми хорошо – до поры до времени. Дети сначала верят, потом

сомневаются, стараются откинуть коварно закрадывающиеся подозрения, иногда пробуют с ними бороться, а увидев бесплодность этой борьбы, принимаются нас обманывать, подкупать и эксплуатировать.

Выманивают просьбами, очаровательными улыбками, поцелуями, шуточками, послушанием, покупают за уступки, изредка тактично дают понять, что обладают некоторыми правами, подчас вынудят приставаниями, порой прямо спрашивают: «А что я за это получу?»

Сто разновидностей покорных и взбунтовавшихся рабов.

«Нехорошо, вредно, грешно… Учительница говорила в школе… Ой, если бы мамочка узнала».

«Не хочешь, как хочешь… Твоя учительница такая же умная, как и ты… Ну и пусть мама знает, что она мне сделает?»

Нам не нравится, когда ребенок, которого мы отчитываем, бормочет что-то себе под нос, в гневе с языка слетают искренние слова, а они нас не интересуют.

У ребенка есть совесть, только в мелких будничных стычках ее голос не слышен, зато выплывает наружу тайная ненависть к деспотичной (а значит, несправедливой) власти сильных (а значит, безответственных) мира сего.

Если ребенок любит веселого дядюшку, так за то, что благодаря ему он на какой-то момент свободен, что тот вносит жизнь, принес подарок. А подарок тем дорог, что удовлетворил давно лелеянную мечту. Ребенок намного меньше ценит подарки, чем мы думаем, и неохотно принимает от людей несимпатичных. «Ишь, купил», – кипятится униженный.

82. Взрослые не умные: не умеют пользоваться свободой, которой они обладают.

Ведь такие счастливые, могут покупать все, что хочется, все им можно, а всегда на что-нибудь злятся и из-за чего-нибудь да кричат.

Взрослые не все знают; часто отвечают лишь бы отделаться, или в шутку, или так, что нельзя понять; один говорит одно, другой другое, и неизвестно, где правда. Сколько звезд в небе? Как по-негритянски тетрадка? Как человек засыпает? А вода живая? И откуда она знает, что на улице из нее должен сделаться лед? Где ад? Как этот человек сделал, что в шляпе из часов поджарил яичницу: и часы не испортились, и шляпа цела – это чудо?

Взрослые не добрые. Правда, родители дают детям есть, но

они и должны давать, а то мы умерли бы. Они ничего детям не позволяют: скажешь им, а они в смех, и вместо того, чтобы объяснить, нарочно еще дразнятся. И они не справедливые, их обманывают, а они верят. Любят, чтобы к ним подлизывались. Если они в настроении, все можно, а сердятся – все мешает.

Взрослые лгут. Неправда, что от конфет бывают глисты и что, когда не ешь, снятся цыгане; что, когда балуешься огнем, ночью будешь рыбу ловить, а болтаешь ногами, так черта качаешь. Они не держат слова: обещают, а потом забывают, или увиливают, или не позволяют якобы за провинность, а ведь все равно не позволили бы.

Велят говорить правду, а скажешь, так обижаются. Неискренние: в глаза одно, а за глаза другое. Не любят кого-нибудь, а притворяются, что любят. Только и слышится: «Пожалуйста, спасибо, извините, всего хорошего», – можно подумать, что и в самом деле.

Усиленно прошу обратить внимание на выражение лица ребенка, когда он весело подбежит к взрослому и скажет в запале или сделает что-либо неполагающееся, а его резко, грубо одернут.

Отец пишет, вбегает ребенок с каким-то сообщением и тянет отца за рукав. Откуда ребенку знать, что на важном документе может сесть клякса? Отец взбешен, ребенок смотрит с недоумением: что вдруг случилось?

Опыт нескольких неуместных вопросов, неудачных шуток, выданных секретов, опрометчивых излияний учит ребенка относиться к взрослым, как к прирученным диким зверям, на которых никогда нельзя вполне положиться.

83. Кроме пренебрежения и неприязни в отношении детей к взрослым можно усмотреть и некоторое отвращение.

Колючая борода, шершавое лицо, запах сигары отталкивают ребенка. После каждого поцелуя он добросовестно утирает лицо – пока не запретят. Большинство детей не терпит, чтобы их брали на колени; если взять ребенка за руку, то он мягко и постепенно ее высвобождает. Толстой заметил эту черту у деревенских ребят, она присуща всем: не растленным, не отупевшим от муштры.

О смраде пота и сильном запахе духов ребенок с омерзением говорит: «Воняет», пока ему не объяснят, что это гадкое слово, духи пахнут хорошо, только он пока не разбирается.

Все эти дяди и тети, у которых отрыжка, у которых все кости ломит, давление, горько во рту, сквозняк, сырость им мешает, боятся есть на ночь, кашель их душит, нет зубов, трудно

подниматься по лестнице, красные, толстые, запыхавшиеся – все это такое противное.

Эти их ласковые словечки, поглаживания, потискивания и похлопывания, эта их фамильярность, бессмысленные вопросы, смех непонятно над чем.

«На кого она похожа? Ого, какой большой! Поглядите, вырос-то как!»

Конфузясь, ребенок ждет, когда же это кончится…

Им ничего не стоит сказать при всех: «Эй, штаны потеряешь» или «Рыбу будешь ночью ловить». Они неприличные…

Ребенок чувствует себя более чистым, лучше воспитанным, более достойным уважения.

«Боятся есть! Боятся сырости! Трусы: я вон вовсе не боюсь. Боятся, ну и пускай сидят себе на печи; нам-то чего запрещают?»

Дождь – выскочит из-под навеса, постоит под ливнем и со смехом бежит обратно, приглаживая волосы. Мороз: согнет руки в локтях, подымет плечи, старается не дохнуть, пальцы коченеют, губы синие, а сам смотрит на похороны или на уличную драку, а потом бегом, чтобы разогреться: «Брр, замерз. Здорово!»

Бедные эти старенькие, все не по ним, все им мешает.

И пожалуй, едва ли не единственное доброе чувство, которое ребенок постоянно к нам испытывает, – это жалость.

Видно, что-то им да мешает, раз они такие несчастные.

Папа, бедный, все работает, мама слабая, скоро умрут, бедные, не надо их огорчать.

84. Оговорка.

Наряду со всеми этими чувствами, которые ребенок несомненно испытывает, наряду с возникающими у него и своими собственными мыслями, у ребенка есть понимание долга; он не освобождается полностью от навязываемых ему нами взглядов и внушаемых чувств. Активный – ярче и раньше, пассивный – позже и в смягченной форме переживают конфликты раздвоения личности. Активный размышляет самостоятельно, пассивному «открывает глаза» товарищ по недоле и неволе; ни тот ни другой не систематизируют, как это сделал я. Душа ребенка равно сложна, как и наша, полна подобных противоречий, в тех же трагичных вечных борениях: стремлюсь и не могу, знаю, что надо, и не умею себя заставить.

Воспитатель, который не сковывает, а освобождает, не подавляет, а возносит, не комкает, а формирует, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, переживет вместе с ребенком

много вдохновенных минут, не раз следя увлажненным взором за борьбой ангела с сатаною, где светлый ангел побеждает.

Солгал. Взял потихоньку цукат с торта. Задрал девочке платье. Бросал камнями в лягушек. Смеялся над горбатым. Разбил статуэтку и составил, чтобы не было видно. Курил папиросы. Разозлился и проклял про себя отца.

Поступил плохо и чувствует, что это он не в последний раз, что опять на чем-нибудь споткнется, – самого потянет или подговорят.

Бывает, ребенок делается вдруг тихим, покорным, услужливым. Взрослые это знают: «Верно, совесть нечиста». Нередко этой странной перемене предшествует целая буря чувств, плач в подушку, раскаяние и торжественная клятва. Бывает, мы готовы простить, получить бы лишь заверение а, не гарантию – иллюзию, что проступок больше не повторится.

«Я не буду другим. Не могу я этого обещать».

Эти слова диктует честность, а не обязательно упрямство.

– Я понимаю то, что вы говорите, только я этого не чувствую, – сказал двенадцатилетний мальчик.

Эту достойную всяческого уважения честность мы встречаем и у ребят с дурными наклонностями:

– Я знаю, воровать стыдно, грешно. Я не хочу воровать! Но я не знаю, украду я еще или не украду. Я в этом не виноват!

Воспитатель переживает мучительные минуты, видя в беспомощности ребенка собственное бессилие.

85. Мы находимся во власти иллюзии,

что ребенка долго удовлетворять блаженное мировоззрение, просто, добро и разумно, что сумеем утаить от него наше незнание, слабость, противоречия, поражения и падения, – и отсутствие формулы счастья. Наивно предписание педагогических самоучек воспитывать детей последовательно – чтобы отец не критиковал поступков матери, взрослые не говорили при детях о своих делах, а прислуга не лгала, что «хозяев нет дома», когда стучится нежеланный гость.

А почему зверей мучить нельзя, а мухи – сотнями! – гибнут в таких муках на липучке? Почему мама покупает красивое платье, а говорить про платье, что красивое, нехорошо? А кошка обязательно должна быть «притворечивая»? Сверкнула молния, няня перекрестилась – это бог, говорит, а учительница говорит, что это электричество. А за что надо взрослых уважать? И вора тоже? Дядя сказал: «Аж брюхо подвело», – а так нехорошо

говорить. Почему «сукин сын» – ругательство? Кухарка верит в сны, а мама нет. Почему говорится «здоров как бык», ведь и быки болеют? Утопленнику везет? А почему некрасиво спрашивать, сколько стоит подарок?

Как утаить, как разъяснить, не углубляя непонимания?

Ох, эти наши ответы…

Мне дважды довелось выслушать, как объясняли ребенку перед витриной магазина, что такое глобус.

– Что это за мячик? – спрашивает ребенок.

– Да такой уж мячик, – объясняет няня.

А в другой раз:

– Мама, что это за шар?

– Это не шар, а земля. Там и домики есть, и лошадки, и мамуся…

– И мамуся-я-я? – ребенок взглянул на мать с сочувствием и испугом и не возобновил вопроса.

86. Мы видим детей в бурных проявлениях радости и печали,

когда дети отличаются от нас, и не замечаем внешне резко не выраженных настроений: тихой задумчивости, глубокой растроганности, горького недоумения, мучительного подозрения и унизительного сомнения, в которых на нас похожи. «Настоящим» ребенок бывает не только тогда, когда скачет на одной ножке, но и когда задумывается над сказкой жизни. Надо только исключить действительно «ненатуральных» детей, бессмысленно твердящих заученные или перенятые у взрослых фразы. Ребенок не может думать «как большой», но может по-своему, по-детски вникать в серьезные проблемы взрослых; недостаток знаний и опыта заставляет его мыслить иначе.

Я рассказываю сказку: волшебники, драконы, злые феи, заколдованные королевны, – вдруг раздается с виду наивный вопрос:

– А это правда?

И слышу, кто-то тоном превосходства поясняет:

– Вы ведь говорили, что это сказка.

И персонажи и действия правдоподобны; все это могло бы быть, но всего этого нет, потому что мы предупредили: в сказках все неправда.

Человеческая речь, которая должна была развеять ужасы и чудеса окружающего мира, наоборот, углубила и увеличила незнание. Раньше крохотная текущая жизнь личных потребностей нуждалась лишь в некотором количестве решительных ответов,

теперь новая большая жизнь слова погрузила детей сразу во все вчерашние и завтрашние, отдаленные и отдаленнейшие проблемы. Нет времени не то что все разрешить, но и просто рассмотреть. Теоретические знания отрываются от повседневной жизни и становятся вне проверяемости.

Темпераменты – активный или пассивный – выражаются в складе ума: практическом или умозрительном.

Ребенок с практическим складом ума верит или не верит в зависимости от воли авторитета, верить удобнее, выгоднее; с умозрительным – расспрашивает, делает выводы, отрицает, бунтует и в мыслях, и в действиях. Бессознательную фальшь первого мы противопоставляем стремлению к истине второго; это ошибка, которая затрудняет диагностику и делает менее эффективной воспитательную терапию.

В психиатрических клиниках стенографист записывает монологи и беседы пациентов. То же самое предстоит будущим педагогическим клиникам. Сегодня у нас есть лишь материал детских вопросов.

87. Жизнь – сказка. Сказка о мире животных.

В море рыбы, которые глотают людей. Эти рыбы больше корабля? А если она проглотит человека, человек задохнется; а если проглотит святого? А когда ни один корабль не разбился, что они едят? Такую рыбу можно поймать? А как могут жить в море простые рыбы? А почему тех рыб не выловят? Их много, миллион, да? А из такой рыбы можно лодку сделать? Это допотопные рыбы? У пчел есть королева, а почему короля нет? Он умер? Если птицы знают, как лететь в Африку, то они умнее людей, ведь они не учились. Почему ее называют сороконожкой, если у нее не сорок ног, а сколько их у нее? Все ли лисы хитрые? Могут они исправиться и почему они такие? Если кто-либо мучает и бьет собаку, то она все равно верная? А почему нельзя смотреть, когда собака вскакивает на собаку? А набитые звери раньше жили и можно ли набить человека? Очень ли неудобно улитке; а если вынуть ее, она умрет? Почему она такая мокрая, она рыба? Она понимает, когда говоришь: «Улитка, улитка, высунь рога»? Почему у рыб холодная кровь? Почему змее не больно, когда она меняет кожу? О чем муравьи разговаривают? Почему человек умирает, а звери подыхают? Если порвать пауку паутину, он подохнет? Откуда он возьмет нитки на вторую паутину? Как из яйца может сделаться курица, яйцо надо в землю закопать? Страус ест камни и железо, так какие у него какашки?

Откуда верблюд знает, на сколько дней запасать воду? Попугай нисколечко не понимает, что он говорит, умнее ли он собаки? Почему собаке нельзя подрезать язык, чтобы она заговорила? Робинзон первый научил попугая говорить, трудно ли научить и как это сделать?

Дерево живет, дышит, умирает. Из маленького желудя вырастает дуб. Из цветка делается груша, это можно увидеть? Рубашки растут на деревьях? Учительница нам так в школе говорила (побожился), правда это? Отец ответил: «Не болтай вздор», мама – что не на деревьях, лен в поле растет, а в школе учительница сказала, что на уроке арифметики об этом нельзя говорить» она потом объяснит. Значит, это не враки; хоть бы одно такое деревцо посмотреть!

Ну и что по сравнению с этими чудесами дракон? Драконов нет, но могли бы и быть. Как Кракус мог убить дракона, если его не было? Если сирен нет, так почему их рисуют?

88. Сказки о народах.

Негр черный, хоть не знай как мойся. А язык у него не черный, и зубы тоже не черные. Это не черт: ни рогов, ни хвоста у него нет. И дети их тоже черные. Негры ужас какие дикие: едят людей. И в бога не верят, а верят в лягушек. А до этого верили в деревья, глупые были; а греки тоже верили во всякие глупости, но были умные; так почему верили? Негры ходят на улице раздетые, и им вовсе не стыдно. Вставляют себе в нос раковины и думают, что красиво; почему им никто не скажет, чтобы они так не делали? Счастливые негры: едят фиги, финики и бананы, и обезьяны у них есть, и не учатся вовсе, маленький мальчишка, а сразу на охоту идет.

У китайцев косы, это очень смешно. Французы умнее всех, а так смешно говорят: «нон-бон-пон». А немцы – «дердидас», капуста и квас. Евреи всего боятся, кричат «ай-вай» и обсчитывают. Еврей хоть не знай что, а должен обсчитать; они распяли Иисуса Христа. В Америке тоже есть поляки. Что они там делают, для чего им ломают ноги и велят просить милостыню или отдают в цирк? А приятно, должно быть, выступать в цирке! А если раз вывернуть руки, так всегда уже можно делать разные штуки? А бывают на свете гномы? А почему не бывают, а если не бывают, то откуда люди знают, какие они? Шел по улице маленький человечек, и все оглядывались; лилипуты уже никогда не вырастут, это они в наказание маленькие? Были ли финикийцы волшебниками: как они могли из песка делать стекло? А это

трудно? Ходят ли горцы и по таким горам, которые огнедышащие? А моряки – народ? А могут они жить в воде? А кем труднее быть – водолазом или моряком, и кто важнее?

Подчас вопрос вызывает у нас беспокойство:

– А если я весь-весь вымазался бы чернилами, негры меня узнали бы?

Ребенок с трудом мирится со сведениями, которые он не может применить на деле. Он тоже хотел бы так сделать, попробовать на вкус или по крайней мере увидеть вблизи.

89. Человек – сказка.

А бывают люди с глазами из стекла, могут ли их вынимать и можно ли ими видеть? Для чего парики и почему люди смеются, если кто-нибудь лысый? А есть люди, которые говорят животом, они говорят пупком? А зачем бывает пупок? Барабаны в ушах настоящие? Почему слезы соленые и почему море соленое? Почему у девочек волосы длинные, у них и там все по-другому? А на сердце грибы растут? Почему тогда на первоапрельских открытках грибы на сердце? А умирать обязательно? Где я был, когда меня не было на свете? Прислуга говорит, что можно так взглянуть, что захвораешь, а если три раза плюнешь, то не захвораешь. Что делается в носу, когда чихаешь? Сумасшедший – это больной? Пьяный – это больной? И что хуже: пьяный или сумасшедший? А почему я сейчас не могу узнать, как рождаются дети? Буря оттого бывает, что леший помер? Лучше быть слепым или глухим? Почему дети умирают, а старики живут? Когда надо больше плакать, когда умрет бабушка или братик? Почему канарейка не может попасть на небо? Мачеха обязательно должна бить детей? А грудное молоко тоже коровье? Когда снится что-нибудь, это на самом деле так или только кажется? Отчего волосы рыжие? Почему нельзя иметь ребенка без мужа? Что лучше, съесть ядовитый гриб или чтобы тебя змея ужалила? Правда, если стоять под дождем, то скорее вырастешь? Что такое эхо, почему оно в лесу? Если сложить руку трубочкой и посмотреть, весть дом видно: как он там поместился? Что такое тень, почему от нее нельзя убежать? Правда, если поцеловать усами девочку, у нее вырастут усы? Правда это, что на зубах червячки, только их нельзя увидеть?

90. Сказка об авторитете.

У детей много богов, полубогов и героев.

Авторитеты делятся на видимые и невидимые, одушевленные и неодушевленные. Иерархия их неимоверно сложна. Мама, отец, бабушка, дедушка, тетя, дядя, прислуга, полицейский, солдат, король, доктор, старшие вообще, ксендз, учитель и более опытные товарищи.

Авторитеты видимые неодушевленные: крест, свиток Торы, молитвенник, иконы, портреты предков, памятники великих людей, чужие фотографии.

Авторитеты невидимые: бог, здоровье, душа, совесть, усопшие, волшебники, дьяволы, ангелы, духи, волки, дальние родственники, которых часто вспоминают.

Авторитеты требуют послушания, что ребенку, увы, понятно, мучительно понятно. Авторитеты требуют любви, а с этим управиться уже гораздо труднее.

– Я люблю больше папу и маму.

Маленькие кокетничают непонятным ответом на непонятный им вопрос. Ребенок постарше терпеть не может этого вопроса: он унижает его и смущает. Он то очень любит, то так себе, раз уж это необходимо; а иногда ненавидит, да, это ужасно, но что поделаешь, коли ненавидишь.

Уважение – это столь сложное чувство, что ребенок не имеет своего мнения, полагаясь на опыт старших.

Мама приказывает прислуге, прислуга маму боится. Мама и на бонну сердилась. Мама должна просить у доктора разрешения. Полицейский может маму оштрафовать. А товарищу не нужно мою маму слушаться. На папу на службе рассердился начальник, поэтому папа такой невеселый.

Солдат боится офицера, офицер – генерала, а генерал – короля. Здесь все понятно и, может, поэтому мальчиков и занимают военные ранги; может, поэтому в школе дети так точно дозируют уважение – по классам, – что это тоже легко понять.

Очень достойны уважения посредники между видимыми и невидимыми авторитетами. Ксендз беседовал с богом, доктор на дружеской ноге со здоровьем, солдат знаком с королем, а прислуга много знает о чарах, духах и кикиморах.

Но бывают моменты, когда самым достойным уважения оказывается пастух, который вырезает ножиком фигурку из дерева; этого ни мама, ни генерал, ни доктор не сумеют.

91. Почему от фруктов, если они неспелые, болит живот?

А здоровье в животе или в голове? Здоровье – это душа?

Почему собака может жить без души, а человек умирает? Хворают ли врачи, умирают ли и почему? Почему все великие люди умерли? Правда ли, что есть люди, которые пишут книжки и живут? Все короли умирают, не жильцы они на этом свете. У королевы есть крылья? Мицкевич был святым? А ксендз видел бога? Может ли орел долететь до неба? А бог молится? Что делают ангелы, спят ли, едят ли, играют ли в мячик, кто им шьет платье? А дьяволам очень больно? Это дьяволы сделали ядовитые грибы ядовитыми? Если бог прогневался на разбойников, то почему велит за них молиться? Когда Моисей увидел бога, он его очень испугался? Почему папа не молится, бог ему разрешил? Гром – это чудо? Воздух – это бог? Почему нельзя видеть воздух? Сразу ли воздух входит в пустую бутылку или понемножку, откуда он знает, что там уже нет воды? Почему бедные проклинают? Если дождик не чудо, то почему никто не может сделать дождик? Из чего сделаны тучи? А эта тетя, которая далеко живет, живет в гробу?

Сколь наивна надежда родителей (только не называйте их прогрессивными), что, сказав детям: «Бога нет», они облегчают им понимание окружающего мира. Если бога нет, то это что значит? Кто все это сделал, что будет, когда я умру, а откуда взялся первый человек? Это правда, что если не молишься, то живешь как скотина? Папа говорит, что ангелов нет, а я их своими собственными глазами видел. Если не грешно, то почему нельзя убивать? Ведь и курице больно?

Те же сомнения и тревожные вопросы.

92. Мрачная сказка, таинственная нищета.

Почему он голодный, почему он бедный, почему ему холодно, почему он не купит, почему у него нет денег, почему ему «так» не дадут?

Ты говоришь ребенку:

«Дети бедняков грязные, употребляют нехорошие слова, в голове у них насекомые. Дети бедняков хворые, от них можно заразиться. Они дерутся, бросают камни и глаза выбивают. Во двор ходить нельзя и в кухню нельзя: ничего интересного там нет».

А жизнь заявляет:

«Вовсе не хворые, весь день бегают, веселятся, пьют воду из колодца и покупают вкусные-превкусные разноцветные конфетки. Ловко орудуя метлой, мальчишка подметает двор или снег чистит, а это очень приятно. И никаких насекомых у них нет,

неправда это, и камнями не бросаются, и глаза целы, и не дерутся, а борются. Нехорошие слова смешные, а на кухне во сто раз приятнее, чем в комнатах».

Ты говоришь:

«Бедных надо любить, уважать, они добрые и много работают. Надо быть благодарным кухарке, она готовит обед, и сторожу, он смотрит за порядком. Поиграй с детьми сторожа».

А жизнь:

«Кухарка зарезала курицу, завтра мы ее будем есть, и мама будет есть, ведь курицу сварили и ей не больно, а вот кухарка так резала ее живую, мама даже смотреть не могла. Сторож утопил щенят, а такие они были хорошенькие! У кухарки шершавые руки, все в грязной воде полощется. От мужика воняет, от еврея воняет. Про торговку не говорят «госпожа торговка», а просто «торговка», и про сторожа – просто «сторож». Бедные дети грязные, что ни покажи им, сразу: «Дай мне», а не дашь, шляпу сдернут и хохочут, а один даже плюнул, в лицо плюнул…»

Ребенок еще и не слышал про злых колдунов, а уже со страхом подходит к старику нищему подать грошик.

Ребенок знает, что и здесь ему всего не говорят, что и здесь кроется что-то нехорошее, чего ему не хотят или не могут объяснить.

93. Чудачества светской жизни и хороших манер.

Нехорошо класть палец в рот, ковырять в носу, шмыгать носом. Нехорошо просить, говорить: «Я не хочу», отодвигаться, когда тебя целуют, говорить: «Неправда».

Нехорошо громко зевать, говорить: «Мне скучно». Некрасиво сидеть, опираясь локтями на стол, первым подавать руку взрослым. Некрасиво болтать ногами, держать руки в карманах, оглядываться на улице. Нехорошо делать вслух замечания и показывать пальцем.

Почему?

Эти запрещения и распоряжения имеют разные истоки, дети не могут уловить их суть и связь.

Нехорошо бегать в одной рубашке и плевать на пол.

Почему нехорошо отвечать на вопросы взрослым сидя? И даже с отцом на улице надо здороваться? А что делать, когда говорят неправду? Например, дядя говорит: «Ты девочка», а он мальчик; или: «Ты моя невеста», или: «Я тебя у твоей мамы купил» – ведь это ложь!

– Почему с девочками надо быть вежливым? – спросил у меня

ученик.

– Это объясняется исторически, – ответил я.

– Почему ты написал «сабака», через «а»? – спросил я несколько минут спустя.

– Это объясняется исторически, – отвечал он со злой ухмылкой.

На тот же вопрос одна мать ответила:

– Видишь ли, девочке придется потом рожать детей, она будет болеть и т. д.

Вскоре брат и сестра опять поссорились.

– Ну, мамочка, ну какое мне дело, как она будет рожать детей! Я хочу, чтобы она не была плакса.

Наименее удачным кажется мне чаще всего встречающееся объяснение: «Над тобой станут смеяться».

Правда, оно удобное, аффективное, ребенок боится всего смешного.

Но станут смеяться и над тем, что он обо всем говорит матери и что собирается в будущем не играть в карты, не пить водку, не ходить в публичный дом.

Да и родители из боязни всего смешного делают нелепые ошибки. И самую вредную ошибку: скрывают пороки ребенка и упущения в его воспитании; ребенок до поры до времени изображает перед гостями за щедрую плату хорошо воспитанного, а потом мстит.

94. Родной язык – это не нарочно подобранные для ребенка правила и нравоучения,

а воздух, которым дышит его душа наравне с душой всего народа. Правда и сомнения, вера и обычаи, любовь и недоброжелательность, резвость и важность, всевозможное достоинство и низость, богатство и бедность – все, что создал в порыве вдохновения поэт и изрыгнул в пьяном трепе бандит, столетия истового труда и мрачные годы рабства.

«Бог поможет. Бог его покарал. Черт меня дернул. Сущий рай. На седьмом небе. Дома ад. С богом. Как у Христа за пазухой. Бог подаст. Читает как пономарь. Святоша. Богомаз. Ни копейки за душой. Душа в пятки ушла. Черту душу продал бы. Грешки за ним водятся. Седина в бороду, бес в ребро. Морковкино заговенье.

На здоровье. Твое здоровье. В пятницу дело пятится. Икота, кто-то вспоминает. Нож упал, голодный мужик торопится. Типун тебе на язык. Одной ногой в могиле.

Китайские церемонии. Цыганский пот. Русское авось. Барская

милость. Хамская морда. Сиротская доля.

Старый зануда. Старый дурак. Старая кочерга. Сопляк, пигалица, щенок, желторотый, молоко на губах не обсохло.

Слепой? Нет, незрячий Старый? Нет, древний. Калека? Нет, убогий.

Собачья погода. Собачья смерть. Сукин сын, сукина дочь. Со злости бесится. Мечется как угорелая кошка. Волчий аппетит. Я из тебя котлету сделаю.

Пустая голова. У него голова трухой набита. Втирает очки. Шариков не хватает. Лопну со смеху. Сухим из воды выйдет. Знает как свои пять пальцев. Будет из нее штучка. Отравляет мне жизнь».

– Что это? Откуда взялось? Почему так говорят?

– «Бутылка» – имя существительное, «бутылка» – подлежащее. «Пробка» – имя существительное…

– Но почему: глуп как пробка? А этот человек, который выдумал грамматику, был умный?

95. Дети не любят непонятных выражений,

порой пытаются поразить ими окружающих. Дети не без выбора усваивают язык взрослых и некоторым нашим ходовым оборотам оказывают явное сопротивление. «Слушай, дай мне. Эй, слышь, одолжи. Послушай, покажи».

«Слушай», «послушай» соответствуют нашему «пожалуйста». Просить – это «просить милостыню» (нищий просит милостыню). Ребенок не любит это унизительное выражение.

«Думаешь, я тебя просить буду! Не проси его! Стану я его там просить! Подожди, ты еще у меня напросишься!»

Я знаю один лишь особо торжественный оборот:

– Эх ты какой, а я тебя так прошу!

Выражением «видишь ли» ребенок заменяет не менее неприятное «прости, пожалуйста».

«Видишь ли, я это нечаянно. Видишь ли, я не хотел этого. Видишь ли, я не знал».

А богатство средств выражения, цель которых убедить, предостеречь, не допустить бурных сцен?

«Перестань, оставь, лучше не трогай, отстань, уйди. Да брось же! Я тебе по-хорошему говорю, перестань! Прошу тебя, перестань (просьба здесь – категорическое приказание). Да уйдешь ты? Слушай, перестанешь ты наконец?»

Угроза:

«Хочешь получить? Схлопочешь! Вот увидишь, пожалеешь.

Заревешь ты у меня!»

Пренебрежительное сдваивание слов:

«Ладно, ладно… Знаю, знаю… Погоди, погоди…»

Мы заставляем ребенка бояться.

«Очень я боюсь! Думаешь, испугался! Буду я его там бояться!»

Каждая собственность ребенка спорна: нельзя отдать, не спросив, нельзя портить, у него лишь право пользования (и тем более ценит он нераздельное обладание).

– Это твоя лавка, твой стол?

– Мой (или: А может, твой?).

– И первый!

«Первый» занял место, начал играть, копать. Заботясь о своем покое, взрослые очень поверхностно решают споры ребят.

«Это он начал! Он первый начал! Стою я, а он…»

Любопытна отрицательная форма:

«Как я не двину ему! Как я не брошусь бежать! Как мы не примемся хохотать!»[15]

Содержание этих рассказов – озорство; может быть, «не» является отголоском запретов.

«Ну помни, не надуй. Ты ведь слово дал. Нарушил слово!»

Кто не сдержал обещания, тот свинья. Взрослые обязаны это помнить.

Богатый материал для изучения.

96. Ребенок, не вконец восстановленный против бедных людей, любит кухню,

и любит не потому, что там сушеные сливы и изюм, а потому, что в кухне что-то происходит, а в комнатах ничего не происходит; и сказка там интереснее, и, кроме сказки, услышит рассказ из всамделишной жизни, да и сам что-нибудь расскажет, и его выслушают с интересом, потому что на кухне он человек, а не собачонка на атласной подушке.

«Так сказку тебе сказать? Да уж ладно, скажу. Как это там было-то? Дай вспомню».

Прежде чем сказка начнется, у ребенка есть время принять удобную позу, оправить платье, откашляться, приготовиться к долгому слушанию.

«Идет она, идет по лесу. А в лесу темно, ничего не видать: ни дерева, ни зверя, ни камня. Темнешенько. Страшно ей, ух как страшно! Перекрестилась она раз – страх-то и поубавился, перекрестилась другой, дальше идет».

Я пробовал так рассказывать. Нелегкое это дело! Нам не

хватает терпения, мы торопимся, мы не уважаем ни сказки, ни слушателя. Ребенок не успевает за темпом наших рассказов.

Умей мы так рассказать о полотне, которое делают изо льна, быть может, ребенок не думал бы, что рубашки растут на деревьях, а на полях золу сеют…

А вот и подлинное происшествие:

– Утром встаю я, а в глазах у меня все двоится: вижу всего по два. Смотрю на печку – две печки, смотрю на стол – два стола. Я знаю, стол один, а вижу два. Протираю глаза – не помогает. А в голове так и стучит, так и стучит…

Ребенок ждет разрешения загадки, и, когда наконец дело доходит до незнакомого названия «тиф», он уже готов принять это новое слово.

– Доктор говорит: тиф…

Пауза. Рассказчик отдыхает, отдыхает и слушатель.

– Так вот, заболел я этим самым тифом…

Повествование продолжается.

Простой рассказ о том, что в деревне был мужик, который ни одной собаки не боялся, и что побился он раз об заклад и злого, как волк, пса взял на руки и понес, словно теленка, превращается в эпос. И как на свадьбе один бабой переоделся и никто не узнал. И как мужик искал украденную лошадь.

Немного заботливого отношения – и, быть может, на эстрадах появятся сказочники в сермягах и научат нас рассказывать детям так, чтобы они нас слушали. Заботиться надо, а мы все хотим запрещать.

97. А это правда?

Надо понять суть этого вопроса, который мы не любим и считаем лишним.

Если мама или учительница говорили, значит, это правда.

Ан нет! Ребенок уже убедился, что каждый человек обладает лишь частью знания, и, например, кучер знает о лошадях даже больше, чем папа. А потом ведь не всякий скажет, хотя и знает. Порой просто не хотят, иногда подгоняют правду под детский уровень, часто утаивают или сознательно искажают.

Кроме знания, есть также вера; один верит, а другой нет; бабушка верит в сны, а мама не верит. Кто прав?

Наконец, ложь-шутка и ложь-похвальба.

– Правда ли, что земля – шар?

Все говорят, что правда. Но если кто-нибудь один скажет, что неправда, останется тень сомнения.

– Вот вы были в Италии; правда это, что Италия как сапог?

Ребенок хочет знать, сам ли ты видел или знаешь от других – откуда ты это знаешь; хочет, чтобы ответы были короткие, уверенные, понятные, одинаковые, серьезные, честные.

Как термометр измеряет температуру?

Один говорит – ртуть, другой говорит – живое серебро (почему живое?), третий – что тела расширяются (а разве термометр – тело?), а четвертый – что после узнаешь.

Сказка про аиста обижает и сердит детей, как каждый шутливый ответ на серьезный вопрос, неважно, будь это «откуда берутся дети?» или «почему собака лает на кошку?».

«Не хотите, не помогайте, но зачем мешаете, зачем насмехаетесь надо мной, что хочу знать?»

Ребенок, мстя товарищу, говорит:

– Я что-то знаю, но раз ты такой, я тебе не скажу.

Да, он в наказание не скажет, а вот взрослые за что ребенка наказывают?

Привожу еще несколько детских вопросов:

«Этого никто на свете не знает? Этого нельзя знать? А кто это сказал? Все или только он один? А это всегда так? А это обязательно так должно быть?»

98. Можно?

Не позволяют, потому что грешно, нездорово, некрасиво, потому что он слишком мал, потому что не позволяют, и конец.

И тут не все ясно и просто. Подчас что-нибудь вредно, когда мама сердится, а подчас позволят и малышу, раз отец в хорошем настроении или гости.

– Почему запрещают, чем бы это им помешало?

К счастью, рекомендуемая теорией последовательность на практике неосуществима. Ну как вы хотите ввести ребенка в жизнь с убеждением, что все правильно, справедливо, разумно мотивировано и неизменно? Теоретизируя, мы забываем, что обязаны учить ребенка не только ценить правду, но и распознавать ложь, не только любить, но и ненавидеть, не только уважать, но и презирать, не только соглашаться, но и возмущаться, не только подчиняться, но и бунтовать.

Часто мы встречаем зрелых уже людей, которые возмущаются, когда достаточно пренебречь, и презирают, где следует проявить участие. В области негативных чувств мы самоучки; обучая азбуке жизни, взрослые учат нас лишь нескольким буквам, а остальные утаивают. Удивительно ли, что

мы читаем неправильно?

Ребенок чувствует свою неволю, страдает из-за оков, тоскует по свободе, но ему ее не найти, потому что форма воспитания меняется, а содержание – запрет и принуждение – остается. Мы не можем изменить свою жизнь взрослых, так как мы воспитаны в рабстве, мы не можем дать ребенку свободу, пока сами мы в кандалах.

Если я выкину из воспитания все, что прежде времени отягощает мое дитя, оно встретит суровое осуждение и у ровесников, и у взрослых. Необходимость прокладывать новый путь, трудность пути против течения не явятся ли для него еще более тяжким бременем? Как мучительно расплачиваются в школьных интернатах вольные птицы сельских усадеб за эти несколько лет относительной свободы в поле, в конюшне и в людской…

Я писал эту книгу в полевом госпитале под грохот пушек, во время войны; одной терпимости было мало.

99. Почему девочка в нейтральном возрасте уже так сильно отличается от мальчика?

Обездоленная детством, она подвержена дополнительным ограничениям как женщина. Мальчик, лишенный прав как ребенок, обеими руками ухватился за привилегии пола и не выпускает их, не желая делиться с ровесницей.

«Мне можно, я могу, я мальчик».

Девочка в кругу мальчиков – незваный гость. Из десятерых всегда один спросит:

– А она зачем с нами?

Возникни спор – мальчики все уладят между собой, не задевая самолюбия, не угрожая изгнанием; а для девочки у них в запасе резкое:

«Не нравится тебе – ну и иди к своим».

Общаясь охотнее с мальчиками, девочка становится подозрительной личностью в своем кругу.

«Не хочешь, ну и иди к своим мальчишкам».

Обида на презрение отвечает презрением: рефлекс самозащиты атакуемой гордости.

Лишь совершенно исключительная девочка не опускает руки, не принимает всерьез общего мнения, стоит выше толпы.

В чем выражается враждебность ребячьего общества к девочкам, которые упорно играют с мальчиками? Может, я не ошибаюсь, утверждая, что эта враждебность породила

беспощадный жестокий закон:

«Девочка опозорена, если мальчик у нее увидит штанишки». Этот закон в той форме, какую он принял среди детей, придуман не взрослыми.

Девочка, не может свободно бегать – если она упадет, прежде чем успеет привести в порядок платьице, она уже слышит злобный возглас:

«Ой, штаны!»

«Неправда» или вызывающе: «Ну и что тут такого», – говорит она, вспыхнув, смущенная, приниженная.

Пусть она только попробует подраться, этот возглас сразу остановит ее и обезоружит.

Почему девочки менее ловкие и, значит, менее достойные уважения, не дерутся, зато обижаются, ссорятся, жалуются и плачут? А тут еще старшие требуют девочек уважать. С какой радостью дети о взрослом-то говорят:

«Очень мне надо его слушаться».

А девчонке он, мальчик, должен уступать, почему?

До тех пор пока мы не избавим девочек от «не пристало», корни которого в их одежде, тщетны усилия девочек стать товарищами мальчику. Мы решили задачу иначе: обрядили мальчика в длинные волосы и опутали равным количеством правил благопристойного поведения, и вот дети играют вместе; вместо мужественных дочерей мы удвоили число женоподобных сыновей.

Короткие платья; купальные костюмы, спортивная одежда; новые танцы – смелая попытка по-новому решить проблему. Сколько в законах моды кроется размышлений? Верю, что не по легкомыслию.

Нельзя критиковать и раздражаться; при рассмотрении так называемых щекотливых тем сохраним благоразумную осторожность.

Я не возобновлял бы попытку рассмотреть все этапы развития детей в небольшой брошюре.

100. Ребенок, который сперва радостно скользит по поверхности жизни, не зная ее мрачных глубин.

Коварных течений, скрытых чудищ и затаившихся вражеских сил, доверчивый, очарованный, улыбаясь красочной новизне, вдруг пробуждается от голубого полусна и с остановившимся взглядом, затаив дыхание, шепчет дрожащими губами в страхе:

– Что это, почему, зачем?

Пьяный еле держится на ногах, слепой нащупывает посохом дорогу, эпилептик падает на тротуар, вора ведут, лошадь подыхает, петуха режут.

– Почему? Зачем все это?

– Что это, почему?

Ребенок не смеет спрашивать.

Чувствует себя маленьким, одиноким и беспомощным перед борьбой таинственных сил.

Он, который раньше царил и чьи желания были законом, – вооруженный слезами и улыбками, богатый тем, что у него есть мама, папа и няня, – замечает, что он у них только для развлечения, что это он для них, а не они для него.

Чуткий, словно умная собака, словно королевич в неволе, он озирается вокруг и заглядывает в себя.

Взрослые, что-то знают, что-то скрывают. Сами они не то, чем себя выставляют, и от него требуют, чтобы он был не тем, что он есть на самом деле. Хвалят правду, а сами лгут и ему велят лгать. По-одному говорят с детьми и совершенно по-другому – между собой. Они над детьми смеются!

У взрослых своя жизнь, и взрослые сердятся, когда дети захотят в нее заглянуть; желают, чтобы ребенок был легковерным, и радуются, если наивным вопросом выдаст, что не понимает.

Смерть, животные, деньги, правда, бог, женщины, ум – во всем как бы фальшь, дрянная загадка, дурная тайна. Почему взрослые не хотят сказать, как это на самом деле?

И ребенок с сожалением вспоминает младенческие годы.

101. Второй период неуравновешенности,

о котором я могу сказать определенно лишь то, что он существует, я назвал бы школьным.

Название это – увиливание, незнание, отступное, одна из многих этикеток, которые пускает в оборот наука, создавая видимость у профанов, что она знает, тогда как еле начинает догадываться.

Школьная неуравновешенность – не перелом на грани между младенчеством и первым детством и не период созревания.

Физически это: изменение к худшему во внешности, сне, аппетите, пониженная сопротивляемость болезням, проявление скрытых наследственных изъянов, плохое самочувствие.

Психически это: чувство одиночества, душевный разлад, враждебное отношение к окружающим, предрасположенность к моральным инфекциям, бунт врожденных склонностей против

навязываемого воспитания.

«Что с ним случилось? Я его не узнаю»– вот характеристика, которую дает мать.

А иногда:

«Я думала, это капризы, сердилась, выговаривала ему, а он, видно, уже давно болен».

Для матери тесная связь замеченных физических и психических изменений неожиданна:

«А я это приписывала плохому влиянию товарищей».

Да, но отчего среди многих детей он выбрал плохих, отчего они так легко нашли отклик, оказали влияние?

Ребенок, с болью отрываясь от самых близких, слабо еще, сросшись с ребячьим обществом, тем сильнее обижается, что ему не хотят помочь, что ему не с кем посоветоваться, не к кому приласкаться.

Когда встречаешь эти небольшие изменения в интернате со значительным числом ребят, когда из сотни ребят сегодня один, завтра другой «портится», делается вдруг ленивым, неуклюжим, сонным, капризным, раздражительным, недисциплинированным и лживым, чтобы через год опять выравняться, «исправиться», трудно сомневаться в том, что эти массовые перемены связаны с процессом роста, известное знание законов которого дают объективные и беспристрастные измерительные приборы: весы и ростомер.

Предчувствую минуту, когда весы, ростомер и, может быть, другие изобретенные человеческим гением приборы станут сейсмографом скрытых сил организма и позволят не только опознавать, но и предвидеть.

102. Неправда, что ребенку подавай то стекло из окошка, то звезду с неба,

что его можно подкупить потачками и уступками, что он врожденный анархист. Нет, у ребенка есть чувство долга, не навязываемое извне, любит он и расписание, и порядок и не отказывается от обязанностей и соблюдения правил. Требует лишь, чтобы ярмо не было слишком тяжелым, не натирало холку и чтобы он встречал понимание, когда не устоит, поскользнется или, обессилев, остановится перевести дух.

«Давай попробуй, а мы проверим, поднимешь ли, сколько шагов сделаешь с таким грузом и одолеешь ли столько ежедневно» – вот основное правило ортофрении.

Ребенок хочет, чтобы с ним обходились серьезно, требует

доверия, советов и указаний. Мы же относимся к нему шутливо, безустанно подозреваем, отталкиваем непониманием, отказываем в помощи.

Мать, придя к врачу на консультацию, не хочет приводить фактов, предпочитает общую форму:

– Нервная, капризная, непослушная.

– Факты, многоуважаемая, симптомы.

– Укусила подругу. Просто стыдно сказать. А ведь любит ее, всегда с ней играет.

Пятиминутная беседа с девочкой: ненавидит «подругу», которая смеется над ней и ее платьями, а маму назвала «тряпичницей».

Другой пример: ребенок боится спать один в комнате, мысль о приближающейся ночи приводит его в отчаяние.

– Почему же ты мне об этом не говорил?

– А вот именно, что говорил.

Мать не посчиталась: стыдно, такой большой и боится.

Потрясающе одиноким может быть ребенок в своем страдании.

103. Положительный период – безмятежное затишье.

Даже нервные дети делаются опять спокойными. Возвращается детская живость, свежесть, гармония жизненных функций. Есть и уважение к старшим, и послушание, и хорошие манеры; нет вызывающих тревогу вопросов, капризов и выходок. Родители опять довольны. Ребенок внешне усваивает мировоззрение семьи и среды; пользуясь относительной свободой, не требует больше того, что получает, и остерегается выявлять те из взглядов, про которые знает, что их плохо примут.

Школа с ее прочными традициями, шумной и яркой жизнью, распорядком, требовательностью и заботами, поражениями и победами и друг-книжка – вот содержание его жизни. Факты не оставляют времени на бесплодное копание.

Ребенок теперь уже знает. Знает, что не все на свете в порядке, что есть добро и зло, знание и незнание, справедливость и несправедливость, свобода и зависимость. Не понимает, так не понимает, какое ему в конце концов до этого дело? Он смиряется и плывет по течению.

Бог? Надо молиться, в сомнительных случаях в молитве добавить милостыню, так делают все. Грех? Придет раскаяние, и бог простит.

Смерть? Надо плакать, траур носят, вспоминают со вздохом –

все так делают.

Требуют, чтобы был примерным, веселым, наивным и благодарным родителям? Пожалуйста, к вашим услугам!

«С удовольствием, спасибо, простите, мамочка кланяется, желаю от всего сердца (а не от половинки)» – так это просто, легко, а приносит похвалу, обеспечивает покой.

Знает, когда, к кому и как и с какой обратиться просьбой, как половчее вывернуться из неприятного положения, как, кому и чем угодить, надо лишь взвесить, «стоит ли?».

Хорошее душевное самочувствие и физическое благополучие делают его снисходительным и склонным к уступкам: родители по существу добряки, мир вообще симпатяга, жизнь, опуская мелочи, прекрасна.

Этот этап, который может быть использован родителями для подготовки и себя, и ребенка к ожидающим их новым подачам, – время наивного покоя и беспечного отдыха.

«Помогли мышьяк или железо, хорошая учительница, каток, пребывание на даче, исповедь, материнские наставления».

И родители, и ребенок тешат себя иллюзией, что уже столковались, преодолели трудности, тогда как столь же важная, как и рост, но наименее покорная современному человеку функция размножения начнет вскоре трагично осложнять развитие индивидуума – смутит душу и пойдет в атаку на тело.

104. И опять лишь старание обойти правду,

маленькое облегчение в понимании этой правды и опасность ошибиться, что постиг истину, когда она лишь еле вырисовывается.

И период неустойчивости и уравновешенности – не объяснение явления, а лишь его популярное название. Тайны разгаданные мы пишем, как объективные математические формулы; другие же, перед которыми беспомощно остановились, пугают нас и сердят. Пожар, наводнение, град – катастрофы, но лишь с точки зрения наносимых убытков; мы организуем пожарную охрану, строим плотины, страхуем, оберегаем. К весне и к осени мы приспособились. С человеком же боремся безрезультатно, ибо, не зная его, не умеем согласовать наши жизни.

Сто дней ведут к весне. Еще нет ни единой былинки, ни единой почки, а в земле и в корнях уже чувствуется наказ весны, которая таится в укрытии, пульсируя, выжидая, крепчая под снегом, в нагих ветвях, в морозном вихре, чтобы вдруг вспыхнуть

расцветом. Лишь поверхностное наблюдение видит непорядок в изменчивой мартовской погоде – там, в глубине, есть что-то, что логично с часу на час зреет, накапливается, строится в ряды; только мы не обособляем железного закона астрономического года от его случайных мимолетных скрещений с законами, менее известными или вовсе не известными.

Нет пограничных столбов между разными периодами жизни, это мы ставим их.

«Он из этого вырастет, это переходный возраст, это еще изменится», – и воспитатель ждет со снисходительной улыбкой, вывезет же счастливый случай!

Каждый исследователь любит свой труд за муки поисков в упоение битвы, но добросовестный и ненавидит его – из страха перед ошибками, которыми он чреват, и лживостью результатов, к которым приводит.

Каждый ребенок переживает периоды стариковской усталости и бурлящей полноты жизненной деятельности; это не значит, что следует уступать и оберегать, но и не значит, что следует перебарывать и закалять. Сердце не поспевает за ростом, стало быть, дать ему покой? Или, может, побуждать к более живой деятельности, чтобы окрепло? Эту проблему можно решить лишь для данного случая и момента; но надо, чтобы мы завоевали расположение ребенка, а он заслуживал доверия.

А прежде всего надо, чтобы знание знало.

105. Надо подвергнуть коренному пересмотру все то, что мы приписываем сегодня периоду созревания,

с которым мы серьезно считаемся, и правильно, что считаемся, только не преувеличенно ли, не односторонне ли, а главное, дифференцируя ли обусловливающие его факторы? Не позволит ли знакомство с предыдущими этапами развития объективнее присмотреться к этому новому, но одному из многих, периоду детской неуравновешенности (который обладает общими с ними чертами), лишая его нездоровой, таинственной исключительности? Не обрядили ли мы (несколько искусственно) созревающую молодежь в мундир неуравновешенности и беспокойства, так же как детей – в мундир душевной ясности и беззаботности, и не поддалась ли она внушению? Не повлияла ли наша беспомощность на бурность процесса? Не слишком ли много о пробуждающейся жизни, заре, весне, порывах и мало фактических данных?

Что перевешивает: явление общего буйного роста или

развитие отдельных органов? Что зависит от изменений в кровеносной системе, сердце и сосудах и от недостаточности или качественно измененного окисления и питания тканей мозга и что от развития желез?

Легко поддается панике усталый солдат; еще легче, когда с недоверием смотрит на начальство или подозревает измену; еще легче, когда, раздираемый беспокойством, не знает, где он, что перед ним, с боков и за ним; но легче всего, когда атака обрушивается нежданно-негаданно. Одиночество благоприятствует панике, сомкнутый строй, плечом к плечу, крепит спокойную отвагу.

Утомленная ростом, одинокая, блуждающая без разумного руководства в лабиринте жизненных проблем молодежь вдруг сталкивается с врагом, будучи слишком высокого мнения о его сокрушительной мощи, не зная, откуда он взялся и как укрыться и обороняться.

Еще один вопрос:

Не смешиваем ли мы в патологии периода созревания с физиологией, не обоснован ли наш взгляд врачами, видящими лишь созревание трудное, ненормальное? Не повторяем ли мы ошибок столетней давности, когда все нежелательные явления у детей до трех лет приписывались прорезыванию зубов? Быть может, то, что осталось нынче от легенды про «зубки», останется через сто лет и от легенды о «половом созревании».

106. Исследования Фрейда[16] сексуальной жизни детей запятнали детство, но не очистили ли тем самым юность?

Любимая иллюзия о непорочной чистоте ребенка рассеялась и помогла рассеяться другой, но уже мучительной иллюзии: вдруг «в нем проснется животное и утопит в клоаке». Я привел это ходовое выражение, чтобы тем сильнее подчеркнуть, как фаталистичен наш взгляд на эволюцию полового влечения, которое связано с жизнью, как и рост.

Нет, не позорное пятно – этот туман ощущений, которым лишь осознанная или безотчетная развращенность придает преждевременно определенную форму; не позорное пятно и то смутное «что-то», которое постепенно, в течение ряда лет, все более явно окрашивает чувства двух полов, чтобы с наступлением зрелости полового влечения и полной зрелости половых органов привести к зачатию нового существа, преемника ряда поколений.

У юношей половая жизнь начинается иногда даже раньше, чем созреет влечение; у девушек осложняется в зависимости от

замужества или изнасилования.

Трудная проблема, но тем неразумнее беспечность, когда дитя не знает, и недовольство, когда о чем-то догадывается. Не затем ли мы грубо отталкиваем его всякий раз, когда его вопрос вторгается в запретную область, чтобы не отваживался обращаться к нам в будущем, когда начнет не только предчувствовать, но и чувствовать?

107. Любовь.

Ее арендовало искусство, приделало крылья, а поверх их натянуло смирительную рубашку и попеременно преклоняло колени и давало в морду, сажало на трон и велело на перекрестке завлекать прохожих – совершало тысячи нелепостей обожания и посрамления. А лысая наука, нацепив на нос очки, тогда признавала ее достойной внимания, когда могла изучать ее гнойники. Физиология любви имеет одностороннее назначение: «служить сохранению вида». Маловато! Бедновато! Астрономия знает больше, чем то, что солнце светит и греет.

И вышло, что любовь в общем грязна и сумасбродна и всегда подозрительна и смешна. Достойна уважения лишь привязанность, которая всегда приходит после совместного рождения законного ребенка.

Поэтому мы смеемся, когда шестилетний мальчуган отдает девочке половинку своего пирожного; смеемся, когда девочка вспыхивает в ответ на поклон соученика. Смеемся, подкараулив школьника, когда он любуется «ее» фотографией; смеемся, что тянулась отворить дверь репетитору брата.

Но морщим лоб, когда он и она как-то слишком тихо играют или борясь, повалились запыхавшись на пол. Но впадаем в гнев, когда любовь сына или дочки расстраивает наши планы.

Смеемся, ибо далека, хмуримся, ибо приближается, возмущаемся, когда опрокидывает расчеты. Раним детей насмешками и подозрениями, бесчестим чувство, не сулящее нам дохода.

Поэтому дети прячутся, но любят друг друга.

Он любит ее за то, что она не такая маменькина дочка, как все, веселая, не ссорится, носит распущенные волосы, что у нее нет отца, что какая-то такая славная.

Она любит его за то, что не такой, как все мальчики, не хулиган, за то, что смешной, что у него светятся глаза, красивое имя, что какой-то такой славный.

…Прячутся и любят друг друга.

Он любит ее за то, что похожа на ангела с картины в боковом крыле алтаря, что она чистая, а он нарочно ходил на одну улицу посмотреть на «такую» у ворот.

Она любит его за то, что согласился бы жениться при единственном условии: никогда не раздеваться в одной с ней комнате. Целовал бы ее два раза в год только в руку, а раз по-настоящему.

…Испытывают все чувства любви, кроме одного, грубо заподозренного, что звучит в резком:

«Вместо того, чтобы романами заниматься, лучше бы ты… Вместо того, чтобы забивать себе любовью голову, лучше бы ты…»

Почему выследили и травят?

Разве это плохо, что они влюблены? И даже не влюблены, а просто очень, очень любят друг друга? Даже больше, чем родителей? А быть может, это-то и грешно?

А случись кому умереть?.. Боже, но ведь я прошу здоровья для всех!

Любовь в период созревания не является чем-то новым. Одни влюбляются еще детьми, другие еще в детском возрасте издеваются над любовью.

– Она твоя милка?

И мальчик, желая убедить, что у него нет милки, подставляет ей ногу или больно дергает за косу.

Выбивая из головы преждевременную любовь, не вбиваем ли мы тем самым преждевременный разврат?

108. Период созревания —

словно все предшествующие не были постепенным созреванием, то медленный, то побыстрее.

Приглядимся к кривой веса, и мы поймем усталость, неловкость движений, леность, полусонную задумчивость, воздушность, бледность, вялость, безволие, капризы и нерешительность, характерные для этого возраста, – скажем, большой «неуравновешенности» в отличие от прежних малых.

Рост – это работа, тягчайший труд организма, однако условия жизни не позволяют пожертвовать ему ни одним часом в школе, ни одним днем на фабрике. А как часто рост протекает почти как заболевание – преждевременный, слишком бурный, с отклонением от нормы?

Первая менструация для девочки – трагедия, ее выучили бояться вида крови. Развитие груди ее печалит, ее научили стыдиться своего пола, а грудь разоблачает, все увидят, что она

девочка.

Мальчик, который физиологически переживает то же самое, психически реагирует иначе. Он с нетерпением ожидает первого пушка над губой, это ему сулит, предвещает многое, и если он и стыдится пускать петуха и жердеобразных рук, то потому, что еще не готов, должен ждать.

Вы замечали у обездоленных девочек зависть и неприязнь к привилегированным мальчикам? Да, раньше, когда ее наказывали, была хотя бы тень вины, а сейчас чем она виновата, что она не мальчик?

Девочки раньше формируются и радостно начинают демонстрировать это свое единственное преимущество.

«Я почти взрослая, а ты еще сопляк. Через три года я могу выйти замуж, а ты все еще будешь корпеть над книжкой».

Любимому товарищу детских игр посылается презрительная улыбка.

«Выйдешь замуж? Да кто тебя возьмет? А я и без женитьбы…»

Она раньше созревает для любви, он – для любовных похождений, она – для замужества, он – для трактира, она – для материнства, он – для совокупления с самкой «вроде тех мух», говорит Куприн, которые «слепились на секунду на подоконнике, а потом в каком-то глуповатом удивлении почесали лапками спину и разлетелись навеки»[17].

Взаимное нерасположение двух полов приобретает теперь новый оттенок, чтобы вскоре вновь изменить облик – когда она прячется, он за ней охотится – и окончательно закрепиться во враждебном отношении к жене, которая ему обузой, лишает его привилегий, забирая их себе.

109. Давнишняя тайная неприязнь к окружающим взрослым получает фатальную окраску.

Столь частое явление: ребенок провинился, разбил окно. Он должен чувствовать, что виноват. Когда справедливо ему выговариваешь, реже встречаешь раскаяние, чаще бунт – гневно насупленные брови, взгляд исподлобья. Ребенку хочется, чтобы воспитатель именно тогда проявил доброту, когда он виноват, когда он плохой, когда его постигло несчастье. Разбито стекло, пролиты чернила, порвано платье – все это результаты неудачных начинаний, которые затевались, может быть, даже несмотря на предупреждения. Ну а взрослые, просчитавшись и потеряв на сделке, как воспримут претензии, гнев и брань?

Эта неприязнь к суровым, беспощадным господам существует

и тогда, когда ребенок считает взрослых высшими существами.

«Ага, значит, это так, значит, вот она, ваша тайна, значит, вы скрывали, и ведь есть чего вам стыдиться».

Ребенок слышал и раньше, но не верил, сомневался, его это не касалось. Теперь он желает твердо знать, и у него есть, у кого узнать, эти сведения ему нужны для борьбы с ними, взрослыми, наконец, он чувствует, что и сам уже замешан в это дело. Раньше было так: «Это я не знаю, а то знаю наверняка», а теперь ему все ясно.

«Значит, можно и хотеть, да не иметь детей, значит, и у девушки может быть ребенок, значит, можно не рожать, если не хочешь, значит, за деньги, значит, болезни, значит, все?!»

А они живут, и ничего, они между собой не стыдятся.

Их улыбки и взгляды, запреты и опасения, смущение и недомолвки, все, ранее неясное, становится теперь понятным и потрясающе выразительным.

«Ладно, ладно, сочтемся».

Учительница польского языка глаз не сводит с математика.

«Поди сюда, а тебе что-то скажу на ухо».

И смех злобного торжества, и подглядывание в замочную скважину, и изображение сердца, пронзенного стрелой, на промокашке или классной доске.

Старушка вырядилась. Старикан заигрывает. Дядя берет за подбородок и говорит: «Э-э, еще молодо-зелено…»

Нет, уже не молодо-зелено, а «Я знаю».

Они, взрослые, еще притворяются, еще пытаются лгать – значит, преследовать, разоблачать обманщиков, мстить за годы рабства, за краденое доверие, за вынужденные ласки, за выманенные признания, принудительное уважение.

Уважать?! Нет, презирать, насмехаться и помнить. Бороться с ненавистной зависимостью.

«Я не ребенок. Что думаю – мое дело. Не надо было меня рожать. Завидуешь мне, мама? Взрослые тоже не такие уж святые».

Или прикидываться, что не знаешь, пользоваться тем, что прямо сказать они не посмеют, и лишь насмешливым взглядом, полуулыбкой говорить: «Знаю», когда уста произносят: «Я не знаю, что в этом плохого, я не знаю, что вы от меня хотите».

110. Следует помнить, что ребенок недисциплинирован и зол потому, что страдает.

Мирное благополучие снисходительно, а раздражительная

усталость агрессивна и мелочна.

Было бы ошибкой считать, что понять – это значит избежать трудностей. Сколько раз воспитатель, сочувствуя, должен подавлять в себе доброе чувство; должен обуздывать детские выходки ради поддержания дисциплины, чуждой его духу. Большая научная подготовка, опыт, душевное равновесие подвергаются здесь тяжкому испытанию.

«Я понимаю и прощаю, но люди, мир не простят».

«На улице ты должен вести себя прилично – умерять слишком бурные проявления веселья, не давать воли гневу, воздерживаться от замечаний и осуждения, оказывать уважение старшим».

Даже при наличии доброй воли и стараний понять бывает трудно, тяжело; а всегда ли встречает ребенок в отчем доме беспристрастное отношение?

Его 16 лет – это родительских сорок с лишним, возраст печальных размышлений, подчас последний протест собственной жизни, минуты, когда баланс прошлого показывает явную недостачу.

– Что я имею в жизни? – говорит ребенок.

А я что имела?

Предчувствие говорит нам, что и он не выиграет в лотерее жизни, но мы уже проиграли, а у него есть надежда, и ради этой призрачной надежды он рвется в будущее, не замечая – равнодушный, – что нас хоронит.

Помните, когда вас разбудил рано утром лепет ребенка? Тогда вы заплатили себе за труды поцелуем. Да, да, за пряник мы получали сокровища признательной улыбки. Пинетки, чепчик, слюнявчик – так все это было дешево, мило, ново, забавно. А теперь все дорого, быстро рвется, а взамен ничего, даже доброго слова не скажет… А сколько сносит подметок в погоне за идеалом и как быстро вырастает из одежды, не желая носить на рост!..

– На тебе на мелкие расходы…

Ему надо развлечься, есть у него и свои небольшие потребности. Но принимает сухо, принужденно, словно милостыню от врага.

Горе ребенка отзывается на родителях, страдания родителей необдуманно бьют по ребенку. Раз конфликт так силен, насколько он был бы сильнее, если бы ребенок, вопреки нашей воле, сам, своим одиночным усилием; не подготовил себя исподволь к тому, что мы не всемогущи» не всеведущи и не совершенны.

111. Если внимательно вглядеться не в собирательную душу детей этого века,

а в ее составные части, не в массы, а в индивиды, мы опять видим две прямо противоположные душевные организации.

Мы находим того, кто тихо плакал в колыбели, нескоро стал сам приподниматься, без протеста расставался с пирожным, смотрел издали на игры сбившихся в круг ребят, а теперь изливает свои бунт и боль в слезах, которые ночью никто не видит.

Мы находим того, кто кричал до синюхи, ни на минуту его нельзя было оставить со спокойной душой одного, вырывал у сверстника мяч, командовал: «Ну, кто играет? Возьмитесь за руки, быстро», – а теперь навязывает свою программу бунта и активное беспокойство сверстникам и всему обществу.

Я усиленно искал объяснение мучительной загадке: отчего и среди молодежи, и взрослых так часто честная мысль должна скрываться и убеждать вполголоса, а спесь задает шик и криклива? И почему доброта – синоним глупости или бессилия? Как часто толковый общественный деятель и честный политик, сами не зная почему идя на попятную, нашли бы объяснение этому в словах Елленты[18]:

«Я недостаточно дерзок на язык, чтобы отвечать на их остроты и ехидства, и говорить, рассуждать с теми, у кого на все готов наглый ответ альфонса, не умею».

Что делать, чтобы в соках, движущихся в собирательном организме, присутствовали на равных правах активные и пассивные личности, свободно циркулировали элементы всех воспитывающих сред?

«Я этого не прощу. Уж я знаю, что я сделаю. Хватит с меня всего этого», – говорит активный бунт.

«Брось. Ну зачем тебе это? Может, тебе это только кажется».

Эти простые слова, выражение честного колебания или простодушного смирения, действуют успокоительно, обладая большей силой убеждения, чем искусная фразеология тирании, которую вырабатываем мы, взрослые, желая закабалить детей. Сверстника не стыдно послушаться, но дать себя убедить взрослому, а уж тем более растрогать – это дать себя провести, обмануть, расписаться в своем ничтожестве; к сожалению, дети правы, не доверяя нам.

Но как, повторяю, защитить раздумье от алчного честолюбия; спокойное рассуждение от крикливого аргумента; как научить отличать «идею» от «внешнего лоска и карьеры»; как оградить догмат от издевательства, а молодую идею от многоопытной предательской демагогии?

Ребенок, шагнув вперед, вступает в жизнь – не в половую жизнь! – он созревает, но не в одном половом отношении.

Если ты понимаешь, что никакого вопроса тебе не решить самому, без их участия; если ты им выскажешь все, что тут сказано, а после окончания собрания услышишь:

«Ну, пассивные, пошли домой! Не будь такой активный, а то схлопочешь. – Эй, ты, догматическая среда, ты мою шапку взял…»– не думай, что они над тобой насмехаются, не говори: не стоит.

112. Мечты.

Игру в Робинзона сменили мечты о путешествии, игру в разбойники – мечты о приключении.

Опять жизнь не удовлетворяет, мечта – это бегство от жизни. Нет пищи для размышлений – появляется их поэтическая форма. В мечте находят выход скопившиеся чувства. Мечты – это программа жизни. Умей мы их расшифровывать, мы увидели бы, что мечты сбываются.

Если мальчик из простонародья мечтает стать врачом, а становится санитаром в больнице, он выполнил свою программу жизни. Если мечтает о богатстве, а умирает на соломе – это только внешнее крушение мечты: он мечтал не о труде стяжания, а о наслаждении мотовства; мечтал пить шампанское, а хлестал сивуху, мечтал о салонах, а гулял в кабаке, хотел швырять на ветер золото, а бросал медяки. Мечтал стать ксендзом, а стал учителем; нет, всего-навсего дворником; но и как воспитатель он стал ксендзом, и как дворник он стал ксендзом.

Девочка видела себя в мечтах грозной царицей, а разве не тиранит она мужа и детей, выйдя за мелкого чиновника? Видела себя любимой королевой, а разве не царит она в сельской школе? Видела себя славной королевой, а разве не приобрела она известность как необыкновенная, исключительная портниха или бухгалтер?

Что влечет молодежь к богеме? Одних – развязность, других – экзотика, третьих – напористость, честолюбие, карьера; и только этот, один-единственный, любит искусство, он один в этом артистическом мире на самом деле художник и не предаст искусства; и умер он в нищете и безвестности, но ведь и мечтал он не о злате и почестях, а о победе. Прочитайте «Творчество» Золя; жизнь куда более логична, чем мы думаем.

Она мечтала о монастыре, а очутилась в доме терпимости; но и там оставалась сестрой милосердия, которая в неприемные часы ухаживает за больными товарками по недоле, утоляя их печаль и страдание. Другую влекло к веселью, и она полна им в

приюте для больных раком – даже умирающий улыбается, слушая ее болтовню и следя угасающим взглядом за светлым личиком…

Нищета.

Ученый о ней **думает**, изучая, предлагая проекты, выдвигая теории и гипотезы; а юноша **мечтает**, что он строит больницы и раздает милостыню.

В детских мечтах есть Эрос, но до поры до времени нет Венеры. Односторонняя формула, что любовь – это эгоизм вида, пагубна. Дети любят людей одного с ними пола, любят стариков и тех, кого они и в глаза не видели, даже кого вообще нет на свете. Даже испытывая половое влечение, дети долго любят идеал, а не тело.

Потребность борьбы, тишины и шума, труда и жертв; стремление обладать, потреблять, искать; амбиция, пассивное подражательство – все это находит выражение в мечте независимо от ее формы.

Жизнь воплощает мечты, из сотен юношеских мечтаний лепит одну статую действительности.

113. Первая стадия периода созревания.

Знаю, но еще сам не чувствую, чувствую, но сам еще этому не верю, осуждаю то, что делает с другими природа; страдаю, ибо нет уверенности, что сам избегу этого. Но я невинен; презираю их, опасаюсь за себя.

Вторая стадия: во сне, в полусне, в мечтах, в момент возбуждения игрой, несмотря на внутренний протест, отвращение и голос совести, все чаще и четче прорезывается чувство, которое к мучительному конфликту с внешним миром добавляет тяжесть конфликта с самим собой. Гонишь мысль, а она пронизывает тебя, как предвестник болезни – первый озноб. Существует инкубационный период сексуальных ощущений, которые сначала удивляют и пугают, а затем вызывают ужас и отчаяние.

Эпидемия разговоров шепотом по секрету и хихиканья угасает, будоражащие пикантности теряют прелесть – ребенок вступает в период взаимных признаний; крепнет дружба – прекрасная дружба заблудившихся в чаще жизни сирот, которые клянутся друг другу, что не покинут, не оставят, не расстанутся.

Ребенок, сам несчастный, уже не встречает с тревогой и угрюмым удивлением, заученной фразой чужое несчастье, страдание и лишение, а горячо им сочувствует. Слишком занятый и озабоченный собой, не может долго плакаться о других, но он найдет время для слезы о соблазненной и покинутой девушке,

побитом ребенке, узнике в кандалах.

Каждый новый лозунг, идея находят в нем внимательного слушателя и горячего сторонника. Книги он не читает, а глотает и молит Бога о чуде. Детский Боженька – сказка, потом – Бог, виновник всех бед, первоисточник несчастий и преступлений, тот, кто может и не хочет, – становится для него Богом великой тайны, Богом-всепрощением, Богом-разумом превыше человеческой мысли, Богом-пристанью во время бури.

Раньше: «Если взрослые заставляют молиться, значит, и молитва – вранье; если критикуют приятеля, видно, он-то и укажет мне путь», ибо как можно им верить? Теперь все иначе: враждебная неприязнь уступает место состраданию. Определения «свинство» недостаточно: здесь кроется что-то бесконечно более сложное. Но что? Книга только на первый взгляд, на минуту рассеивает сомнения, а ровесник сам слаб и беспомощен. Бывает момент, когда можно вновь обрести ребенка – он ждет, он хочет тебя выслушать.

Что ему сказать? Только не про то, как оплодотворяются цветы и размножаются гиппопотамы и что онанизм вреден. Ребенок чувствует, что тут дело в чем-то значительно более важном, чем чистота пальцев и простыни, тут решается судьба его духовной основы – ответственности перед жизнью в целом.

Ах, снова стать невинным ребенком, который верит и доверяет, не размышляя!

Ах, стать наконец взрослым, убежать от переходного возраста и быть таким, как они, как все.

Монастырь, тишина, благочестивые размышления.

Нет, слава, героические подвиги.

Путешествия, смена впечатлений.

Танцы, игры, море, горы.

Лучше умереть; к чему жить, к чему мучиться.

Воспитатель в зависимости от того, что он приготовил к этой минуте за те годы, когда он внимательно приглядывался к ребенку, может наметить ему план действий – как познать себя, как побеждать себя, какие приложить усилия, как искать свой путь в жизни.

114. Буйное своеволие, пустой смех, веселье юности.

Да, радость, что всем скопом, торжество во сне снившейся победы, взрыв неискушенной веры в то, что наперекор действительности мы перевернем мир.

Сколько нас, сколько юных лиц, сжатых кулаков, сколько

здоровых клыков, не поддадимся!

Рюмка или кружка рассеивает оставшиеся сомнения.

Смерть старому миру, за новую жизнь, ура!

Не замечают того, чей насмешливый прищур глаз говорит: «дурачье», не видят другого, в чьем печальном взгляде читаешь: «несчастные», не видят и третьего, который, пользуясь моментом, хочет положить чему-то начало, принести клятву, дабы благородное возбуждение не потонуло в оргии, не расплескалось в бессодержательных возгласах.

Часто массовое веселье мы считаем избытком энергии, тогда как это лишь проявление раздраженной усталости, которая на какой-то момент, не чувствуя преград, приходит в обманчивое возбуждение. Вспомни веселье ребенка в железнодорожном вагоне, когда ребенок, не зная, как долго будет ехать и куда, вроде бы и довольный новыми впечатлениями, капризничает от их избытка и ожидания того, что наступит, и веселый смех кончается горькими слезами.

Объясни, почему присутствие взрослых «испортит игру», стесняет, вносит принужденность…

Празднество, помпезность, у всех приподнятое настроение, взрослые так умело взволнованы, так вчувствовались в роль. А два этаких переглянулись и задыхаются, помирают со смеху, аж слезы текут от старания не прыснуть, и не могут удержаться от каверзного желания подтолкнуть локтем, шепнуть язвительное словечко, приближая опасность скандала.

«Только, чур, не смеяться. Только ты не смотри на меня. Только меня не смеши».

А после праздника:

«А какой у нее был красивый нос! А у него галстук перекосился. Покажи: у тебя это так хорошо выходит».

И бесконечное повествование о том, как это было смешно.

И еще одно:

«Они думают, мне весело. И пускай себе думают. Еще одно доказательство, что нас не понимают…»

Вдохновенный труд юности. Какие-нибудь приготовления, огромные усилия, действия с ясно очерченной целью, когда нужны проворство рук и изобретательный ум. Здесь молодежь в своей стихии, здесь увидишь ты здоровое веселье и ясное возбуждение.

Планировать, принять решение, выложить всего себя и выполнить, а затем смеяться над неудачными попытками и преодоленными трудностями.

115. Юность благородна.

Если вы зовете это отвагой, когда ребенок не боится высунуться из окна пятого этажа; если вы зовете это добротой, когда ребенок подает хромому нищему золотые часы, которые мама оставила на столе; если вы зовете преступлением, что ребенок кинул в брата ножом и выбил глаз, – хорошо, я согласен: молодежь благородна, не имея опыта в таких областях – широчайших, широтой в полчеловеческой жизни, – как работа по найму, социальная иерархия и законы общества.

Люди неопытные считают, что можно проявлять дружелюбие или неприязнь, уважение или презрение в зависимости от испытываемых чувств.

Люди неопытные считают, что можно добровольно завязывать и порывать отношения, мириться или не считаться с общепринятыми формами, соблюдать или нарушать правила общежития.

«А мне начхать, плевать, какое мне дело, и пусть себе говорят, не хочу – и баста, а мне-то что?»

Еле дух перевел, хоть отчасти вырвался из-под родительской власти, ан глядь, новые путы, эхма!

Потому, что кто-то богат или сиятелен, потому, что где-то кто-то может что-то подумать или сказать?

Кто из нас учит молодежь, какие компромиссы – жизненная необходимость, а какие можно избежать и какой ценой? Какие заставляют страдать, но не марают душу, и какие развращают? Кто указывает границы, в которых лицемерие – приличие (вроде неплевания на пол и не вы тира ни я носа о скатерть), а не преступление?

Мы говорили ребенку: люди будут смеяться.

Надо теперь добавить: и заморят голодом.

Вы говорите: идеализм молодежи. Иллюзия, что всегда можно убедить и исправить.

А что вы делаете с этим благородством? Вырываете его у своих детей с корнем, отираясь сладострастно об идеализм, веселье, свободу безымянной «молодежи», как прежде о невинность, обаяние, любовь своих детей. И создается иллюзия, что идеал такая же возрастная болезнь, как свинка или ветряная оспа – этакая невинная обязанность, вроде посещения картинной галереи во время свадебного путешествия.

«И я был фарисом[19]. Я видел Рубенса».

Благородство не может быть утренней мглой, оно сноп лучей. Если нас на это еще не хватает, давайте пока воспитывать просто честных людей.

116. Счастлив автор,

который, кончая свой труд, сознает, что сказал в нем то, что знал, вычитал и оценил согласно признанным образцам.

Сдавая такой труд в печать, он испытывает чувство благостного удовлетворения, что дал жизнь зрелому жизнеспособному детищу. А бывает и иначе: автор не видит читателя, который требует от него рядовую науку с готовыми рецептами и указанием способа применения. Творческий процесс здесь иной: вслушивание в собственные, неустановленные и недоказанные, внезапно рождающиеся мысли. Окончание труда здесь – печальный итог, мучительное пробуждение. Каждая глава взирает с упреком: «Покинул, прежде чем закончил!» Последняя мысль в книге не завершает целого, а удивляет: «Как, уже? и больше ничего?»

Стало быть, дополнить? Это значило бы еще раз начать, отбросив то, что уже знаю, столкнуться с новыми проблемами, о которых лишь догадываюсь; написать новую книгу, равно не законченную.

Ребенок вносит в жизнь матери дивную песнь молчания. От количества часов, которые мать проводит подле него, когда он сам еще ничего не добивается, а живет, от мыслей, которыми трудолюбиво его окутывает, зависит ее содержание, программа, сила и творчество; мать в тихом созерцании зреет для вдохновения, которое требует труд воспитания.

Не из книжки, а из себя. Тогда каждая книжка падет в цене, а моя, если убедила в этом, выполнила свою задачу.

В мудром одиночестве бодрствуй…

Интернат

1. Я желаю написать книгу о городском интернате,

где под наблюдением небольшого числа воспитателей, в собственном здании, при немногочисленном техперсонале воспитывается сто человек сирот – мальчиков и девочек школьного возраста.

Эта тема не может похвастать богатой литературой. Обычно встречаются или труды исключительно по гигиене, или страстная критика самого принципа массового воспитания детей.

В роли воспитателя я узнаю яркие и мрачные тайны интерната – спальни, умывалки, зала, столовой, двора, уборной. Я знаю детей в будничном домашнем платье, а не в парадной школьной форме.

Эта книга может заинтересовать не только воспитателя тюрьмы-казармы, какой является интернат, но и тюрьмы с одиночками, какими для современных детей являются семьи.

Как в интернате, так и в семье детей истязают; более энергичные пытаются обмануть надзор, вырваться из-под неусыпного контроля – упорно и безнадежно борются за свои права.

Боюсь, читатель захочет мне слепо поверить, тогда эта книга принесет ему вред. Поэтому предупреждаю: путь, который я избрал, стремясь к своей цели, ни самый короткий, ни самый удобный, но для меня самый лучший, раз это мой – собственный – путь. Я нашел его не без труда, не без мук и лишь когда понял, что все прочитанные книги – чужой опыт и чужие мнения – лгали.

Издатели печатают подчас золотые мысли великих людей; насколько было бы полезнее составить свод ложных высказываний классиков правды и знания. Руссо начинает своего «Эмиля» фразой, которую опровергает вся современная наука о наследственности[20].

2. Книга эта должна быть как можно короче,

потому что я предназначаю ее в первую очередь моему юному товарищу, который попал в круговорот труднейших педагогических проблем, сложнейших жизненных обстоятельств и, ошеломленный и огорченный, взывает о помощи.

У бедняги нет времени на учебу. Ночью его два раза будили: у ребенка болел зуб, ребенок заплакал – пришлось утешать и лечить. Едва воспитатель уснул, будит второй; этому приснился страшный сон: мертвецы, разбойники… хотели убить, бросили в реку; воспитатель опять успокаивает, убаюкивает…

Человек сонный не может читать на ночь толстых педагогических трудов, у него слипаются глаза, а если он не выспится, то станет раздражаться, выходить из себя и не сможет проводить в жизнь спасательные идеи ученой книги. Я буду краток, чтобы не лишать воспитателя его ночного отдыха.

3. Днем у него нет времени на учебу.

Только он сел за книжку, подходит ребенок с жалобой, что он писал, сосед его подтолкнул и вышла клякса и теперь он не знает, то ли начать все сначала, то ли оставить так, то ли вырвать страницу. Другой ребенок хромает: в башмаке гвоздь, не может ходить. Третий спрашивает, можно ли взять домино. Четвертый просит ключ от шкафа. Пятый подает носовой платок: «Нашел вот, а чей – не знаю». Шестой дает на хранение четыре гроша, которые получил от тетки. Седьмой прибегает за платком: «Это мой платок, я его только на минутку положил на окно, а он уже взял!»

Там, в углу, маленький недотепушка играет ножницами – насорит, порежется – кто ему их дал? Посредине комнаты горячий спор, готовый перейти в драку, – надо вмешаться. Тот, у кого ночью болел зуб, носится теперь как угорелый и, того и гляди, опять кого-нибудь подтолкнет или опрокинет чернила, а к ночи снова, может быть, у него разболится зуб.

Воспитатель должен очень захотеть, чтобы одолеть хотя бы маленькую книжку.

4. Но он не очень хочет, потому что не верит.

Автор с помощью многочисленных цитат докажет свою ученость. Еще раз повторит то, что общеизвестно. Все те же благочестивые пожелания, согревающая душу ложь, невыполнимые советы: «Воспитатель обязан… обязан… обязан…» А в конечном счете во всех мелких и важных делах воспитатель вынужден поступать как знает и как умеет, а главное – как может.

– Это хорошо в теории, – печально утешает себя воспитатель.

И испытывает неприязнь к автору за то, что тот, сидя в тишине, за удобным письменным столом, диктует предписания, не обязанный сам непосредственно соприкасаться с подвижной, крикливой, надоедливой, непослушной оравой, рабом которой становится каждый, кто не хочет быть ее тираном, и из которой то один, то другой так основательно отравляют тебе изо дня в день жизнь, что с трудом скрашивают остальные.

К чему дразнить его миражом глубоких знаний, серьезных задач, высоких идеалов, когда он есть и должен остаться педагогической золушкой, батраком?

5. Он чувствует, что утрачивает энтузиазм,

который возникал в нем самопроизвольно, независимо от

чьих-либо приказов.

Раньше его тешила мысль, что вот, мол, он организует игру, приготовит детям сюрприз. Он желал внести новую радостную струю в серую однообразную жизнь интерната. А теперь доволен, если отметит у себя «все по-старому». Если никого не рвало, не били стекол и сам он не получил нагоняя, значит, день прошел хорошо.

Он утрачивает энергию: на мелкие проступки смотрит сквозь пальцы, старается меньше замечать, меньше знать – только самое необходимое.

Утрачивает инициативу: раньше, когда он получал конфеты, игрушки, у него сразу уже был план, как их лучше всего использовать. Теперь он быстро раздает лакомства: пускай уж поскорее съедят, а то опять не оберешься ссор, жалоб, претензий. Новая мебель или вещь – значит, опять надо смотреть, следить, как бы не сломали, не попортили. Какие-нибудь цветы на окно, картинка на стену – сколько всего можно сделать, а он не знает, не хочет или не может. И просто уже не замечает.

Теряет веру в себя. Раньше дня не пройдет, чтобы он не подметил что-нибудь новое в детях или в себе. И дети к нему льнули, а теперь сторонятся. Да и любит ли он их еще? Бывает резок, иногда груб.

Может быть, он станет скоро похож на тех воспитателей, для кого хотел быть примером и к кому питал неприязнь за их холодность, пассивность и недобросовестность?

6. Он в обиде на себя, на окружающих, на детей.

Неделю тому назад он получил письмо: больна сестра. Ребята узнали и отнеслись к его горю с уважением: легли спать тихо. Он был благодарен им.

А назавтра поступил новый воспитанник. Ребята выманили у него все привезенные из дома конфеты, и пенал, и картинки, пригрозив, что, если пожалуется, изобьют, а участие в этой грязной истории принимали и те, кого он считал честными.

Ребенок закинет ему ручонки на шею, скажет «люблю» – и попросит новое платье.

Ведь тот же самый ребенок то умиляет тебя необыкновенным тактом, глубиной чувств, то оттолкнет хищным двуличием.

То «я хочу, я должен, я обязан», а то безнадежное «да стоит ли?».

Теоретические посылки и личный каждодневный опыт так смешались, что воспитатель потерял нить и, чем дольше думает,

тем меньше понимает.

7. Он не понимает, что вокруг него происходит.

Старается свести наказы и запреты к самым необходимым, дает детям свободу – недовольные, дети требуют еще.

Хочет вникнуть во все их заботы. Подходит к парнишке, который против обыкновения стоит в сторонке, тихий и равнодушный. «Что с тобой? Почему ты такой грустный?» – «Ничего… я не грустный», – отвечает тот неохотно. Воспитатель хочет погладить его по голове – мальчик резко отстраняется.

Вот оживленно беседует кучка ребят. Воспитатель подходит – молчание. «О чем говорили?» – «Ни о чем».

Ему кажется, дети его любят. И знает, что над ним смеются. Доверяют ему – и всегда что-нибудь да скроют. Как будто его словам верят, а охотно прислушиваются к сплетням.

Воспитатель не понимает, не знает ребят – чуждых, враждебных. Плохо ему.

А ты лучше порадуйся, о воспитатель! Ты уже отбрасываешь предвзятое сентиментальное представление о детях. Ты уже знаешь, что ты не знаешь. Это не так, как ты думал, значит, как-то по-другому. Сам того не понимая, ты уже на правильном пути. Сбился? Помни, блуждать в огромном лесу жизни – не зазорно. Даже плутая, гляди по сторонам с интересом и увидишь мозаику прекрасных образов. Страдаешь? Истина рождается в муках.

8. Будь самим собой, ищи собственный путь.

Познай себя прежде, чем захочешь познать детей. Прежде чем намечать круг их прав и обязанностей, отдай себе отчет в том, на что ты способен сам. Ты сам тот ребенок, которого должен раньше, чем других, узнать, воспитать, научить.

Одна из грубейших ошибок считать, что педагогика является наукой о ребенке, а не о человеке.

Вспыльчивый ребенок, не помня себя, ударил; взрослый, не помня себя, убил. У простодушного ребенка выманили игрушку; у взрослого – подпись на векселе. Легкомысленный ребенок за десятку, данную ему на тетрадь, купил конфет; взрослый проиграл в карты все свое состояние. Детей нет – есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными влечениями, иной игрой чувств. Помни, что мы их не знаем.

Не достигшие зрелости!

Спроси старика, он тебя и в сорок лет считает не созревшим. Да что там, целые классы общества не созрели, не вошли в силу. Целые народы нуждаются в опеке, они тоже не достигли зрелости, у них нет пушек!

Будь самим собой и присматривайся к детям тогда, когда они могут быть самими собой. Присматривайся, но не предъявляй требований. Тебе не заставить живого, задорного ребенка стать сосредоточенным и тихим; недоверчивый и угрюмый не сделается общительным и откровенным; самолюбивый и своевольный не станет кротким и покорным.

А ты сам?

Если ты не обладаешь внушительной осанкой и здоровыми легкими, ты напрасно будешь призывать шумную ораву к порядку. Но у тебя добрая улыбка и терпеливый взгляд. Не говори ничего: может быть, они сами успокоятся? Дети ищут свой путь.

Не требуй от себя, чтобы ты уже сразу был степенным, зрелым воспитателем с психологической бухгалтерией в душе и педагогическим кодексом в голове. У тебя есть чудесный союзник – волшебная молодость, а ты призываешь брюзгу – дряхлый опыт.

9. Не то, что должно быть, а то, что может быть.

Ты хочешь, чтобы дети тебя любили, а сам – обязанный добросовестно выполнять предписанную работу – должен втискивать их в душные формы современной жизни, современного лицемерия, современного насилия. Дети этого не хотят, они защищаются и должны быть на тебя в обиде.

Ты хочешь, чтобы они были искренни и хорошо воспитаны, тогда как формы светской жизни – лживы и искренность – это дерзость. Знаешь, что думал мальчик, которого ты вчера спрашивал, почему он грустный? Он подумал: «Да отстань ты от меня». Он уже не искренний, не сказал, что думает, а только недовольно отстранился – и даже это тебя задело.

Жаловаться не положено, ябедничать скверно – а как же постичь их дела, страдания, грехи?

Не наказывать, не награждать. А должны быть и режим и сигнал, которого дети слушались бы. По звонку все должны собраться к обеду. Ну а если опоздают, не придут, не захотят прийти?

Ты должен быть для них образцом, а куда ты денешь свои пороки, недостатки и смешные стороны? Попробуешь скрыть. Наверное, тебе это удастся: ведь чем старательней ты будешь скрывать, тем старательней дети станут притворяться, что не

видят, не знают, и потешаться над тобой, только самым тихим шепотом.

Трудно тебе, даже очень трудно – согласен! Но трудности есть у каждого, а вот разрешать их можно по-разному. Ответ будет лишь относительно точен. Ведь жизнь не задачник по арифметике, где ответ всегда один, а способов решения самое большое два.

10. Наивный, пробуй!

Обеспечить детям свободу гармонического развития всех духовных сил, высвободить всю полноту скрытых возможностей, воспитать в уважении к добру, к красоте, к свободе… Наивный, попробуй! Общество дало тебе маленького дикаря, чтобы ты его обтесал, выдрессировал, сделал удобоваримым, и ждет. Ждут государство, церковь, будущий работодатель. Требуют, ждут, следят. Государство требует официального патриотизма, церковь – догматической веры, работодатель – честности, а все они – посредственности и смирения. Слишком сильного сломает, тихого затрет, двуличного порой подкупит, бедному всегда отрежет дорогу – кто? Да никто – жизнь!

Ты полагаешь, ребенок – это пустяки, сирота-птенец, выпавший из гнезда, умри он и никто не заметит, порастет могилка травой? Попробуй испытай, и ты убедишься, что это не так, и заплачешь. Прочти историю приюта Прево[21] в свободной республиканской Франции.

Ребенок имеет право желать, домогаться, требовать, имеет право расти и созревать, а достигнув зрелости, приносить плоды. А цель воспитания: не шуметь, не рвать башмаки, слушаться и выполнять приказания, не критиковать, а верить, что все они ему во благо.

Нет, заповедь: люби ближнего своего – это гармония, простор, свобода. Глянь вокруг – улыбнись!

11. Новый воспитанник.

Ты его остриг, обрезал ему ногти, вымыл, переодел, и вот он уже похож на всех.

Он уже даже умеет кланяться, не говорит «я хочу», а «пожалуйста», знает, что, когда входит кто-нибудь чужой, надо поздороваться. Он уже на школьном вечере прочитает стишок, вытрет грязные ноги; не плюнет на пол, пользуется носовым

платком.

Не обольщайся, что ты вычеркнул из его памяти тяжелые воспоминания, дурные влияния, горький опыт. Эти чистые и чисто одетые дети долго еще останутся душевно смятыми, облинявшими, больными; есть нечистые раны, которые приходится терпеливо лечить месяцами, да и то еще остаются рубцы, всегда готовые опять загноиться.

Интернат для сирот – это клиника, где встречаются всякие недомогания души и тела при слабой сопротивляемости организма, где отягощенная наследственность мешает, задерживает выздоровление. И если интернат не будет моральным курортом, есть угроза, что он станет очагом заразы.

Ты запер двери интерната на все запоры, но тебе не сделать так, чтобы не просачивался вредный уличный шепот и не врывались непрофильтрованные свирепые голоса, которых не заглушить моральному песнопению. Воспитатель может опустить глаза и притвориться, что не знает, но тем пагубнее будут знать дети.

12. Ты говоришь:

я иду на компромиссы, принимаю тот детский материал, который дает жизнь, и склоняю голову перед неизбежными условиями работы, хотя они и очень тяжелы; но я требую свободы в деталях и помощи и облегчений в самой технике работы.

Наивный, ты ничего не можешь требовать.

Начальник поставит тебе в упрек, что на полу валяются бумажки, что маленький увалень набил себе шишку, что фартучки недостаточно чистые, а постели недостаточно гладко застланы.

Ты хочешь удалить ребенка из интерната, считая это необходимым для блага остальных. Тебя просят не исключать: а может, исправится?

В комнатах холодно, у большинства твоих анемичных детей поморожены пальцы. Уголь, тепло – дороги, но ведь холод заставляет детей свертываться и физически, и духовно. Нет, надо детей закалять.

Ты удивляешься, что из двух яиц выходит неполная ложка яичницы. Ты слышишь грубый ответ, что это не твое дело.

Твой товарищ по работе, наверное, знал, где ключ от шкафа, может быть, сам спрятал и нарочно заставил искать. По вечерам он уходит, оставляя спальню без присмотра, но «не позволит лезть не в свое дело» – в его спальню, к его ребятам.

Деспотический каприз и неосведомленность начальства, нечестность администрации, недоброжелательность и недобросовестность товарища по работе. Добавь: грубость техперсонала, скандал с прачкой из-за утерянной якобы тобой простыни, с кухаркой из-за подгоревшего молока, со сторожем из-за натоптанной лестницы.

Если воспитателю удается найти более приличные условия работы, его счастье. Если же именно такие, пусть не удивляется и не возмущается, а трезво рассчитает свои силы и энергию на более длительный срок, чем несколько первых месяцев.

13. Интернат с высоты птичьего полета.

Гомон, движение, юность, веселье.

Этакое славненькое государство наивных маленьких человечков.

Сколько детей, а так чисто.

Гармония форменной одежды, ритм хорового пения.

Сигнал – и все умолкают. Молитва – ребята садятся за стол. Ни драк, ни ссор.

Мелькнет славная мордашка, блеснут веселые глазки. Этакая бедненькая крохотулька.

Воспитатель добрый, спокойный. Кто-то подбежал с вопросом – ответил. Шутливо погрозил кому-то пальцем – тот понял и послушался. Кучка самых преданных окружает вас тесным кольцом.

– Вам тут хорошо?

– Хорошо.

– Вы любите своего воспитателя?

Кокетливо потупившись, улыбаются.

– Некрасиво не отвечать, когда вас спрашивают. Любите?

– Любим.

Приятный труд, благородная задача. Малые заботы, незначительные потребности – детский мирок.

– Нате пряники, это вам.

Ребята вежливо поблагодарили. Ни один не протянул руки первым.

14. Случайный гость, взгляни лучше на тех ребят, что стоят в стороне.

Где-то в темном углу один хмурый такой, палец обвязан

тряпочкой. Двое постарше о чем-то шепчутся с иронической улыбкой, внимательно провожая вас взглядом. Несколько ребят заняты и даже не замечают, что пришел кто-то посторонний. Кто-то делает вид, что читает, чтобы к нему не обратились с трафаретным вопросом. Кто-то, пользуясь тем, что воспитатель занят, потихоньку удирает, чтобы безнаказанно нахулиганить.

Есть такой, который с нетерпением ждет, когда ты уйдешь, так как хочет что-то спросить у воспитателя. Другой нарочно подходит, чтобы его видели. Еще один притаился, желая подойти последним и побыть с вами наедине; он знает, тогда воспитатель скажет: «Это наш певец, это наша маленькая хозяйка, это жертва трагического случая». Под одинаковой одеждой бьется сто разных сердец, и каждое – особая трудность, особый характер работы, особые хлопоты и опасения.

Сто детей – сто людей, которые не когда-то там, не еще… не завтра, а уже… сейчас… люди. Не мирок, а мир, не малых, а великих, не «невинных», а глубоко человеческих ценностей, достоинств, свойств, стремлений, желаний.

Вместо того чтобы спрашивать, любят ли, спроси лучше, чем это достигается, что они слушаются, что в интернате мир, программа, порядок.

– Нет наказаний…

– Ложь.

15. Каковы твои обязанности? – Быть бдительным.

Если хочешь быть надзирателем, можешь ничего не делать. Но если ты воспитатель, у тебя шестнадцатичасовой рабочий день без перерывов и без праздников, день, состоящий из работы, которую нельзя ни точно определить, ни заметить, ни проконтролировать, – и из слов, мыслей, чувств, имя которым – легион. Внешний порядок, кажущаяся воспитанность, дрессировка напоказ требуют только твердой руки и многочисленных запретов. И дети всегда мученики страха за их мнимое благополучие; страх этот – источник тягчайших несправедливостей.

Воспитатель, так же как и надзиратель, хорошо знает, что, если ударить по глазу, ребенок может ослепнуть, что ему постоянно угрожает перелом руки или вывих ноги, но помнит и многочисленные случаи, когда ребенок едва не лишился глаза, чуть не выпал из окна, сильно ушиб, а мог сломать ногу, что действительные несчастья относительно редки, а главное, застраховать от них невозможно.

Чем ниже духовный уровень воспитателя, бесцветнее его моральный облик, больше забот о своем покое и удобствах, тем больше он издает приказов и запретов, диктуемых якобы заботой о благе детей.

Воспитатель, который не хочет неприятных сюрпризов и не желает нести ответственность за то, что может случиться, – тиран.

16. Тираном станет и воспитатель, неумело заботящийся о нравственности детей.

Болезненная подозрительность может зайти так далеко, что уже не детей разного пола и не любых двоих уединившихся ребят, а собственные руки ребенка мы будем считать врагами.

Когда-то, где-то, кто-то безымянный продиктовал запрет: не держать руки под одеялом.

«А раз мне холодно, а раз мне страшно, а раз я не могу заснуть?»

Если в комнате тепло, ребенок не только руки, он весь раскроется. И если он сонный, он через пять минут спит. И сколько еще подобных бессмысленных подозрений, основанных на незнании ребенка!

Раз я заметил, как несколько старших мальчиков, таинственно пошептавшись, повели малышей в уборную. Малыши возвращались в сильном смущении. Мне стоило больших усилий усидеть на месте и продолжать писать. А забава была невинная. Один из ребят (он работал у фотографа) накрыл фартуком коробку из-под сигар; желающих сниматься он устанавливал у стенки, под краном, и, когда малыши с приятным выражением лица ждали, что их сейчас снимут, им по счету «три» пускали на голову струю холодной воды.

Превосходный урок разумной осторожности для малышей! Облитые водой, они больше уже не пойдут в уборную по первому таинственному приглашению.

Воспитатель, слишком односторонне следящий за нравственностью детей! Боюсь, у тебя самого не все благополучно.

17. Теоретик делит детей на категории

согласно темпераментам, типам интеллекта и склонностям; практик знает прежде всего детей «удобных» и «неудобных»:

обычных, с которыми не приходится возиться, и исключительных, на которых идет уйма времени.

«Неудобные дети: самый младший, ниже обычного возраста; самый старший, критически настроенный и своенравный; вялый, несобранный и хилый; и горячий, настырный.

Ребенок, который перерос интернатскую дисциплину, которому она в тягость, которого унижает режим спальни, столовой, молитвы, игры, прогулки.

Ребенок, у которого из уха течет гной, вскочил чирий, сошел ноготь, слезятся глаза, болит голова, жар, кашель.

Ребенок, который медленно одевается, умывается, причесывается, ест. Последним стелет постель, последним вешает полотенце, тарелку его и стакан всегда приходится дожидаться, задерживает уборку спальни и со стола и отправку посуды на кухню.

Ребенок, который поминутно обращается к тебе с вопросами, жалуется, требует, плачет, клянчит, который не любит общества других детей и назойливо тянется к тебе, вечно чего-нибудь не знает, что-нибудь да просит, в чем-либо нуждается, хочет сказать что-то важное.

Ребенок, который грубо ответил, обидел кого-нибудь из техперсонала, поссорился, подрался, бросался камнями, нарочно что-то сломал или порвал, отвечает на все «не хочу».

Ребенок впечатлительный и капризный, которому больно от пустяшного замечания, хмурого взгляда, для которого холодное безразличие – наказание.

Симпатичный шалунишка, который заткнет тебе камешками умывальник, покатается на дверях, открутит кран, закроет вьюшку, отвинтит звонок, запачкает стену синим карандашом, исцарапает гвоздем подоконники, вырежет на столе буквы. Убийственно изобретательный и неутомимый.

Вот похитители твоего времени, тираны твоего терпения, ферменты твоей совести. Ты борешься с ними, а знаешь, что это не их вина.

18. В шесть часов утра дети встают.

Тебе нужно только сказать: «Дети, вставать!» – ничего больше.

На самом же деле, если ты велишь сотне ребят встать, восемьдесят «удобных» встанут, оденутся, умоются и будут готовы к новому сигналу «завтракать». Восьмерым же ты должен повторить это дважды, пятерым – трижды. На троих тебе придется

прикрикнуть. Двоих разбудить. У одного болит голова: хворает или, может быть, притворяется?

Девяносто ребят одеваются сами, двоим же ты должен помочь, а то не успеют. У одного потерялась подвязка, у другого отморожен палец и башмак не надевается. Еще у одного на шнурке сделался узелок. Кто-то кому-то мешает стелить постель. Кто-то не дает мыло, еще кто-то толкается, или брызгается, умываясь, или перепутал полотенца, или льет на пол. Надел правый башмак на левую ногу, не может – оборвалась пуговица – застегнуть фартук; кто-то, видно, взял блузу – минуту назад была! Кто-то плачет: «Это мой тазик, я всегда в нем умываюсь», – но ведь тот сегодня первый пришел.

Восемьдесят ребят ты напитал пятью минутами своего времени, десять ребят поглотили у тебя по минуте, а с двумя ты провозился почти полчаса.

То же самое будет и завтра, только не этот, а тот потеряет, заболеет, плохо постелит постель.

То же самое будет и через месяц, и через год, и через пять лет.

19. Ты должен был только сказать:

«Ребята, вставать!» – и все. А ведь ты не успел бы.

Не успел бы, не найди один из «удобных» ребят пропавшую подвязку или блузу, не принеси другой ребенку с отмороженным пальцем запасных башмаков, не развяжи узелка третий.

Ведь за подвязкой надо было лезть под кровать, башмаки принести из дальней комнаты, а над узлом изрядно попотел твой заместитель, орудуя сначала ногтями, потом зубами, потом найденным вчера гвоздем и, наконец, одолженным с этой целью вязальным крючком.

Ты не можешь не заметить, что один ребенок чаще теряет, а другой чаще находит, один делает узлы, а другой развязывает. Один часто болеет, а другой всегда здоров. Один требует помощи, а другой сам тебе помогает. Предположим, ты не испытываешь нерасположения к первым и благодарности ко вторым.

Но вот сегодня с трудом встает тот, который вчера долго разговаривал, лежа в постели. Младший стелет постель лучше, чем старший. Тот, у кого болит горло, пьет воду из-под крана, хотя ты и предупредил, что вода холодная, а он потный. Сам подумай, что ты тогда скажешь, хотя ты и знаешь, и понимаешь, и со всем миришься и прощаешь.

Чем больше этих «неудобных», тем больше из твоих

шестнадцати рабочих часов уйдет на возню, беготню, воркотню и тем меньше останется времени на «высокое», «чистое» (читай раздел «Воспитатель обязан»).

И меньше времени, и меньше сил…

20. Помощь, которую дети оказывают воспитателю, может быть совершенно бескорыстной.

Ребенок помогает, раз ему хочется, помогает, раз сегодня хочется, а за завтра он не отвечает.

Но такой капризный, самолюбивый и честный помощник возьмется не за каждую работу. Он легко остынет, повстречайся неожиданная трудность; обидится, вырази воспитатель неудовольствие; сомневается, спрашивает, нуждается в проверке и в указаниях. Сам он навязывать тебе свою помощь не будет; его надо найти, поощрить, ободрить; попроси – сделает это охотно, прикажи – не захочет. Полагаться на него нельзя, он может подвести, когда более всего нужен.

Надзиратель легко найдет среди ребят помощника другого типа. Ловкий, энергичный, наглый, двуличный и корыстный, он сам навяжет свою помощь; прогони его – он вернется, нужен – вырастет как из-под земли, по глазам увидит, чего ты хочешь, выполнит любое поручение, возьмется за все.

Если выполнит плохо – вывернется, наврет. Отчитай его – прикинется тише воды, ниже травы. Такой всегда рапортует: «Все в порядке».

Если недобросовестный, неспособный или просто вымотавшийся воспитатель, не входя в малые ребячьи дела и заботы, передоверит такому дежурному свою власть, тот его выручит, легко заменит. И из ребенка, который отыщет, позовет, принесет, уберет, присмотрит, напомнит, знает, слышал, скажет, он скоро превратится в настоящего заместителя.

Это не невинная школьная подлиза, это грозный фельдфебель интерната-казармы.

21. Дежурному легче справиться с ребятами, чем взрослому.

Надзиратель и ударит, так не изо всей силы, пригрозит сдержанно, накажет, так за провинность. А надзиратель из ребят ударит не по мягкому месту, а по голове или в живот, ведь это больнее, пригрозит не наказанием, а с виду наивным: «Погоди, вот зарежу тебя ночью складным ножом»; хладнокровнейшим

образом обвинит невинного и заставит признаться в несовершенном преступлении: «Скажешь, что съел, взял, сломал», – и малыш, трепеща, повторяет: «Это я сломал, это я украл».

Основная масса детей боится его больше, чем воспитателя, ведь дежурный все знает, он с ними все время вместе. Непослушные дети ненавидят, редко мстят, чаще подкупают.

Теперь у маленького тирана завелись уже помощники, заместители. Он уже ничего не делает сам, только командует, доносит на противников и отвечает за все перед начальством.

Нужно хорошо различать: это не фаворит, не любимчик, это настоящий помощник, доверенный слуга – наушник. Он заботится об удобствах хозяина, хозяин его терпит и, хотя и знает, что он врет, обманывает и наживается на нем, не может без него обойтись – а впрочем, ждет местечка получше.

22. Таинственные угрозы исподтишка заменяют явные и шумные запрещенные драки:

«Погоди вот, я скажу воспитателю. Погоди, уж и задам же я тебе ночью» – вот магические заклятия, которыми ловкий и двуличный заставит молчать, поддаться, смириться младшего, глупенького, более слабого и честного.

Уборная и спальня – вот два места, где свободно обмениваются тайнами и где концентрируется конспиративная жизнь интерната. Воспитатели ошибаются, полагая, что спальня и уборная требуют лишь односторонней бдительности.

Я знаю случай, когда мальчик подполз ночью к кровати врага и щипал его, драл за уши, таскал за волосы, предупреждая: «Тише! Крикнешь, разбудишь воспитателя, и тебя исключат».

Я знаю случаи, когда дежурный коротко, до самого мяса обстригал ногти нелюбимым товарищам. Другой дежурный нарочно приготовил холодную ванну мальчику, с которым был в ссоре.

В интернате может укорениться террор злых сил, отравляя атмосферу, ширя моральные эпидемии, калеча и опустошая. В этой атмосфере лжи, принуждения, укрывательств, гнета, насилия, тайных расправ, ложных доносов, страха и молчания – в атмосфере, насыщенной миазмами морального гниения, вспыхивают эпидемии онанизма и уголовных преступлений.

Воспитатель, попав в подобную клоаку, бежит прочь, а если не может убежать, обо всем утаивает.

23. Дети быстро подметят, что надзиратель скрывает от начальства

– что те ребята, кого похвалили, пользуются у него симпатией, а те, из-за кого пришлось выслушать замечание, ему антипатичны.

Между надзирателем и детьми заключается немое соглашение: будем делать вид, что все превосходно, а случись «что-нибудь такое» – скроем.

И до главного руководителя в его укромной канцелярии уже доходит немногое, за стены же учреждения не выходит ничего. Дети совершают ряд недозволенных, заслуживающих наказания поступков, а он по недомыслию или по преступной небрежности все покрывает.

Может, поэтому-то интернатские дети такие неразговорчивые и отвечают охотно лишь на самые банальные вопросы: «Тебе хорошо здесь? А ты послушный?» – и молчат, когда могут «засыпаться». Может, поэтому-то на интернате лежит печать каких-то дурных тайн, и разговор с ребенком, который, перед тем как ответить, переглядывается с воспитателем, стесняет и неприятен?

В третьей части этой книги я расскажу, как при организации Дома Сирот мы обеспечили себе детскую помощь, не опасаясь каких-либо дурных последствий, потому что ввели гласность.

24. Будни с их хлопотами и возней имеют своих «удобных» и «неудобных» детей;

дни торжественных ярмарок, дни показов – своих.

Для воспитателя, который ведет уроки пения, таким «удобным» будет ребенок с самым звонким голосом; для воспитателя – преподавателя гимнастики самый ловкий гимнаст. Первый думает о показательном хоре, второй о публичном состязании.

Дети способные, воспитанные, смелые принимают гостей во время парадного визита, выставляя в выгодном свете учреждение, хорошо свидетельствуя о воспитателе. Миловидный ребенок преподнесет букет достойной особе.

Разве воспитатель может не быть им за это благодарным? Но что из того, что ребенок спел, сыграл на скрипке, ловко провел свою роль в комической пьеске? Это не его заслуга. И, полный укоров совести, честный воспитатель старается подавить приятное волнение.

Правильно ли это? И может ли притворное равнодушие обмануть ребенка, а если обманет, то не обидит ли? Для ребенка это важный, торжественный, памятный день; немного ошеломленный, а больше всего испуганный присутствием многочисленных сановников и вообще посторонних, ребенок подбежит к тому, кто ему близок, потому что ценит прежде всего его похвалу, ждет ее, имеет на то право…

Не позволяй им зазнаваться, но отличить их ты должен…

А что тогда будет с положением о безусловном равенстве всех детей? Но это положение – ложь.

25. У воспитателя-практика всегда есть дети, которые вызывают в нем приятное чувство,

вознаграждая за потраченный труд, – дети воскресных дней его души, – он любит их независимо от подлинной их цены и пользы, которую они приносят.

Славные, потому что миловидные; славные, потому что ясноглазые, веселые, подвижные, улыбающиеся; славные, потому что маленькие, беспомощные, отвлекающиеся; славные, потому что критически настроенные, смелые, склонные к бунту.

В зависимости от духовного облика и идеалов воспитателя разным воспитателям близки и дороги разные дети.

Один импонирует своей энергией, другой трогает добродушием, третий будит воспоминания о твоем собственном детстве, четвертый вызывает искреннее беспокойство за его судьбу, в пятом боишься его порыва ввысь, в шестом – пугливой покорности.

А среди всех этих многочисленных славных ребят ты любишь одного как самое близкое существо, кому желаешь всего самого лучшего, чьи слезы причиняют самую сильную боль, чьего расположения стремишься добиться и кем не хотел бы быть забытым.

Как это случилось, когда? Ты не знаешь. Чувство пришло внезапно, без всякого повода, неожиданно, как любовь.

Не скрывай: тебя выдадут улыбка, голос, взгляд.

А остальные дети? Не бойся, они не обидятся: и у них есть любимцы.

26. Молодые и чувствительные воспитатели

склонны любить этого самого тихого и запуганного, с

печальными глазами и с тоской на душе.

К этим забытым в тени и обращают они свое горячее чувство, хотят завоевать их доверие, ждут признаний: что чувствует, о чем думает этот ангел с утомленно опущенными крыльями?

Все ребята удивляются: «За что его любить, ведь он такой глупый?» И ребята, которые раньше обходили твоего любимца, считая круглым нулем, или, самое большее, толкали, если стоял у них на дороге, теперь сознательно, планомерно его преследуют. Ребята ревнуют, потому что выбор сделан неудачно.

Воспитатель вступает в неравную борьбу за любимца – и проигрывает. Поняв ошибку, воспитатель старается его полегоньку, незаметно от себя отстранить. Тот понял и отошел, печально глядя, как бы с упреком, своими влажными глазами. Воспитатель страдает и сердится и на себя и на ребят.

Поэт, если бы ты знал, что в больших, осененных длинными ресницами глазах этого поэтичного ребенка скрыта одна только тайна – тайна наследственного туберкулеза, – ты, может быть, вместо признаний скорее ожидал бы приступов кашля и не целовал бы его, а поил рыбьим жиром с гваяколом[22]. Ты избавил бы и его, и себя, и остальных ребят от многих тяжелых минут.

27. Бывает, что ты полюбил ребенка без взаимности.

Ему хочется играть в мяч, в войну, бегать наперегонки, а тебе хочется погладить, прижать к себе, приласкать. Это его сердит, раздражает, унижает, и он или отодвигается, или обвивает ручонками шею и просит новое платье. В этом виноват ты, а не он.

Бывает, что несколько человек из персонала добиваются расположения одного и того же ребенка; тогда маленький фаворит искусно лавирует, стараясь никого не обидеть. Ведь ты позволяешь ему позже ложиться спать, экономка сменит рваные чулки, а кухарка угостит яблоками или изюмом.

Бывает, что чувственный или уже развращенный ребенок находит в ласке удовольствие. Он любит погладить твою руку, она такая мягкая! Скажет, что твои волосы приятно пахнут, поцелует в ухо, или в шею, или по очереди каждый любимый пальчик. Смотри правде в глаза: это сладострастная ласка.

В ребенке заложены эротические чувства. Все живое должно расти и размножаться: этот закон природы охватывает людей, животных и растения. Половое чувство не появляется вдруг и из ничего; оно еще дремлет, но его тихое дыхание уже слышно. У детей есть явно или скрыто чувственные движения, объятия,

поцелуи, игры.

Но воспитателю нет надобности воздевать очи к небу, разводить в недоумении руками, открещиваться с возмущением.

Сообщи жизни ребенка размах, чтобы он не скучал, позволь ему бегать и шуметь и спать сколько хочет, и половое чувство пустит ростки спокойно, не марая и не принося вреда.

28. Пытливое око науки обнаружило сексуальное начало и в родительском чувстве.

От него не свободны ни мать, кормящая грудью младенца, ни отец, прижавший к губам холодную руку умершего ребенка.

Потрепать по щечке, погладить по головке, подоткнуть одеяльце, даже помолиться за счастье своего дитяти, когда оно спокойно спит в колыбели, – все это нормальное проявление здорового эротического чувства, а бросать ребенка на прислугу и находить высочайшее удовольствие в пустой болтовне в кафе – его извращение.

Для извращенной, притупленной чувственности эти ощущения слишком слабы и уже неуловимы. Здесь мать должна осыпать поцелуями ножки, спинку и животик ребенка, чтобы испытать чувство, которое здоровая мать получает от легкого прикосновения. Простой честной чувственности мало, нужно сладострастие.

Ты удивляешься и, может быть, не хочешь мне верить? А может, я сказал то, что ты уже сам предчувствовал, подозревал, но с гневом отвергал?

Ибо ты не знаешь, что инстинкт размножения в его разнородных проявлениях колеблется от возвышенных творческих порывов до низменнейшего преступления.

Ты обязан дать себе отчет в чувстве, которое испытываешь к детям, и следить за ним, ибо дети могут растлить и тебя, своего воспитателя и воспитанника.

За четырьмя стенами дома, школы, интерната скрыты мрачные тайны. Иногда их на миг осветит молния уголовного скандала. И опять тьма.

Указанное насилие над детскими душами, которое допускается современным воспитанием, рабство, тайна и безапелляционная власть неизбежно таят в себе и произвол и преступления.

29. «Воспитатель – апостол… Будущее народа… Счастье будущих поколений…»

Но где в этом моя собственная жизнь, мое собственное будущее, мое собственное счастье, мое собственное сердце?

Я раздаю мысли, советы, предостережения, чувства, раздаю щедро. Когда поминутно подходит все новый и новый ребенок с новым и новым требованием, просьбой или вопросом, отнимая время, мысль, чувство, ты иногда с болью видишь, что ты, солнце этой толпы, сам остываешь и, светя им, теряешь за лучом луч.

Все детям, а что же мне?

Дети набираются знаний, опыта, моральных принципов; они обогащаются – я теряю. Как же мне дальше распоряжаться запасом душевных сил, чтобы не оказаться банкротом?

Допустим, у воспитателя нет молодости, предъявляющей свои права, семьи, сковавшей по рукам и ногам, одолевающих материальных забот, замучивших физических недомоганий. Отдав себя целиком святому делу воспитания, воспитатель не должен отказываться от чувств.

Как уберечь их от крушения?

Когда он возвращается в дом, который должен быть его домом, и не может сердечно приветствовать всех, разве не в праве он улыбнуться одному? Когда он покидает вечером спальню и не может нежно попрощаться со всеми, разве не вправе он одного или двоих выделить отдельным: «Спи, сынок, спи, баловник»? Или, распекая за мелкие провинности и произнося суровые слова, прощать взглядом?

Если даже он ошибается и выбрал не самого стоящего, ну что из этого? Приятное чувство от общения с ним покроет ряд неприятных; полученной от любимого улыбкой воспитатель одарит многих.

Быть может, и есть воспитатели, которым все дети одинаково безразличны или ненавистны, но таких, которым все до одного были бы одинаково милы и дороги, нет.

30. Предположим, что существует абсолютное равенство.

Нет ни «удобных», ни «неудобных», ни милых, ни немилых. Для всех одинаковые куски хлеба и порция супа, одинаковое количество сна и бодрствования, одинаковые строгости и поблажки и абсолютное тождество одежды, порций, режима, чувств. Несмотря на явную абсурдность, допустим, что так и должно быть. Никаких привилегий, никаких исключений, никаких отличий – все это портит.

И даже тогда воспитатель имеет право ошибаться, отвечая за последствия совершаемых им ошибок.

Письма Песталоцци[23] о его пребывании в Станце – это прекраснейшее из произведений воспитателя-практика.

«…Один из самых больших моих любимцев злоупотребил моей верной любовью и несправедливо стал угрожать другому ребенку; это возмутило меня, и я сурово дал ему почувствовать свое негодование».

О, диво: у великого Песталоцци были любимчики, Песталоцци гневался!

Ошибся, чересчур доверившись или захвалив, и в первую очередь был наказан сам: обманулся!

Подчас просто недоумеваешь, как быстро, как жестоко приходится воспитателю расплачиваться за совершенные им ошибки. Пускай он их тщательно исправляет.

К сожалению, иногда в самых важных вопросах это ему не под силу.

31. Не шуметь!

Ребята дают разрядку только части энергии, скопившейся у них в горле, в легких, в душе; только части крика, который живет в их мускулах. Послушные дети подавляют крик до предела возможного.

«Тише!» – вот девиз класса.

Нельзя шуметь за обедом.

Не шуметь в спальне!

Ребята шумят трогательно тихо, бегают до слез осторожно, чтобы не сдвинуть стол, обходят друг друга, уступают, только не было бы ссоры, только бы чего-нибудь не вышло, а то опять услышат ненавистное: «Только без шума».

Нельзя кричать и во дворе – беспокоят соседей. А единственная их вина – это то, что в городе каждый метр земли стоит дорого.

«Вы не в лесу». Циничное замечание, грубое издевательство над ребенком, что он не может быть там, где ему следует быть.

Разрешите им рассыпаться по лужайке – и не будет никакого крика, лишь милое щебетание человечьих пташек.

Если не все, то по крайней мере значительное большинство ребят любит двигаться и шуметь. От свободы двигаться и кричать зависит их физическое и моральное здоровье. А ты, зная это, должен одергивать:

– Сидите спокойно и тихо.

32. Ты всегда делаешь ошибку: борешься со справедливым

упорством ребенка:

– Я не хочу!

Не хочу ложиться спать, хотя часы пробили, ведь ароматный вечер улыбается мне кусочком звездного неба. Не хочу идти в школу, ведь ночью выпал первый снег и так весело на свете. Не хочу вставать, ведь холодно, грустно. Лучше не пообедать, а доиграть партию в лапту. Не буду просить прощения у учительницы, она наказала несправедливо. Не хочу готовить уроки, я читаю Робинзона. Не надену коротких штанов, засмеют.

Нет, ты это сделаешь.

Бывает, отдаешь приказ сердито, но без внутреннего убеждения, так как тебе самому приказали, а не исполнить нельзя.

Значит, слушайся уже не только меня, который взвешивает каждое распоряжение, прежде чем отдать, но и этих многочисленных безымянных, чьи законы жестоки и несправедливы.

Учись у них, уважай их, верь!

– Не хочу! – это крик ребячьей души, а ты должен его подавить, ведь современный человек живет в обществе, а не в лесу.

Нет, ты это сделаешь.

Сделаешь, а то будет хаос.

Чем незаметней ты сломаешь сопротивление, тем лучше, а чем скорей и основательней, тем безболезненней обеспечишь дисциплину и достигнешь необходимого минимума порядка. И горе тебе, если, слишком мягкий, ты этого не сумеешь сделать.

В обстановке дезорганизации и расхлябанности могут нормально развиваться только немногие, исключительные дети, из десятков же не будет толка.

33. Есть ошибки, которые ты будешь совершать всегда, потому что ты человек, а не машина.

Грустный, усталый, больной, ты с горечью замечаешь в ребенке черту характера, которая делает взрослых плохими и вредными: лживость, холодный расчет, пошлое чванство, дрянненькую хитрость, хищную жадность; не поступишь ли ты опрометчиво?

У меня не сходится счет. Поминутно кто-нибудь да входит, хотя вход в канцелярию детям в какой-то мере воспрещен. Последним входит мальчуган, неся мне в подарок букетик; букет

я выбрасываю в открытое окно, а его самого вывожу за ухо за дверь.

К чему множить примеры неразумных и грубых поступков?

Но ребенок простит. Обидится, рассердится, а подумает и очень часто доверчиво припишет вину себе. Несколько наиболее впечатлительных ребят будут тебя избегать, когда ты злишься или занят. Но и они простят, если знают, что, в общем, им желают добра.

Это не какая-нибудь сверхъестественная интуиция, когда ребенок знает, кто его любит, а бдительность зависимого существа, которое обязано тебя изучить, раз в твоих руках его благополучие. Так, раб-чиновник до тех пор приглядывается и мучительно думает о своем шефе, пока не изучит все его привычки, вкусы, настроения – движения губ, жесты, блеск глаз. И знает, когда попросить отпуск или повысить жалованье, порой целые недели терпеливо выжидая подходящей минуты. Дайте им независимость, и они утратят эту наблюдательность.

Ребенок простит и бестактность, и несправедливость, но не привяжется к воспитателю-педанту или сухому деспоту. А всякую фальшь гадливо отбросит или поднимет на смех.

34. Воспитателю не избежать ошибок,

вытекающих из порочного навыка к избитым выражениям и общепринятым поступкам и из обычного отношения к детям как к существам низшим, не отвечающим за себя, забавным своей наивной неопытностью.

Если станешь относиться к их заботам, желаниям, вопросам презрительно, шутливо или покровительственно, ты всегда кого-нибудь больно заденешь.

Ребенок имеет право требовать уважения к своему горю, хотя бы он потерял камешек, желанию, хотя бы хотел пройтись без пальто по морозцу, к нелепому на вид вопросу. Ты безучастен к его потере, коротким «нельзя» отклоняешь просьбу, двумя словами «вот дурачок» пресекаешь сомнения.

А знаешь, почему мальчуган хотел надеть в жаркий день пелерину? На коленке, на чулке у него безобразная заплатка, а в саду будет девочка, которую он любит.

У тебя нет времени, ты не можешь все время следить, вдумываться, искать скрытые мотивы явно нелепого желания, проникать в неисследованные тайники детской логики, фантазии, искания истины – приспособляться к стремлениям и вкусам ребенка.

Ты будешь делать эти ошибки, потому что не ошибается только тот, кто ничего не делает.

35. Я вспыльчив.

Олимпийское спокойствие и философское равновесие духа не мой удел. Плохо. Ну что же, коли иначе я не могу.

Когда меня как какого-нибудь эконома отругает хозяйка-жизнь, я злюсь, что раб-ребенок не понимает, с каким трудом я добываю для него цепи длиннее на одно звено, на грамм легче. Я вижу сопротивление там, где мне нельзя уступить, и говорю, как чиновник: «ты должен», а как естествоиспытатель: «тебе не сделать». То я – батрак – злюсь, что скот лезет в потраву, то я – человек – радуюсь, что дети живут. Попеременно я то тюремщик – слежу за предписанным циркулярами порядком, – то равный среди равных, раб среди сотоварищей-рабов, бунтую против деспота-закона.

Когда я врезаюсь лбом в проблему и бессилен, когда я слышу о грозных событиях и не могу их отвратить, я – сам страх, само предвидение, – глядя на их доверчивость и беззаботность, испытываю гневную скорбь и беспредельную нежность.

Когда я замечаю в ребенке бессмертную искру похищенного у богов огня – блеск непокорной мысли, гордость гнева, порыв энтузиазма, осеннюю грусть, сладость жертвы, застенчивое достоинство, энергичные, радостные, уверенные, активные поиски причин и целей, настойчивость попыток, грозный голос совести, – я смиренно преклоняю колени, я хуже тебя, я слабый, я трус.

Что же я еще для вас, как не балласт, мешающий вольному полету, паутина на ваших ярких крыльях, ножницы, кровавая обязанность которых срезать буйные побеги?

Я стою у вас на дороге и беспомощно топчусь на месте, брюзжу, пристаю, замалчиваю, неискренне убеждаю – бесцветный и смешной.

36. Хороший воспитатель от плохого отличается только количеством сделанных ошибок и причиненного детям вреда.

Есть ошибки, которые хороший воспитатель делает только раз и, критически оценив, больше не повторяет, долго помня свою ошибку. Если хороший воспитатель от усталости поступит бестактно или несправедливо, он приложит все усилия, чтобы

как-то механизировать мелкие надоедливые обязанности, ведь он знает, что все неладное от нехватки у него времени. Плохой воспитатель свои ошибки сваливает на детей.

Хороший воспитатель знает, что стоит подумать и над пустяшным эпизодом, за ним может стоять целая проблема – не пренебрегает ничем.

Хороший воспитатель знает, что он делает по требованию торжествующих властей, господствующей церкви, в силу укоренившейся традиции, принятого обычая, под железным диктатом существующих условий. И он знает, что диктат этот имеет в виду добро детей лишь постольку, поскольку учит гнуть спины, подчиняться, рассчитывать, приучает к будущим компромиссам.

Плохой воспитатель полагает, что дети и в самом деле должны не шуметь и не пачкать платье, а добросовестно зубрить грамматические правила.

Умный воспитатель не куксится, когда он не понимает детей, а размышляет, ищет, спрашивает их самих. И они его научат не задевать их слишком чувствительно – было б желание научиться!

37. «У меня наказаний нет», –

говорит воспитатель, иногда и не подозревая, что не только есть, но и очень суровые.

Нет темного карцера, но есть изоляция и лишение свободы. Поставит в угол, посадит за отдельный стол, не позволит съездить домой. Отберет мячик, магнит, картинку, пузырек из-под одеколона – значит, есть и конфискация собственности. Запретит ложиться спать вместе со старшими, не позволит на праздник надеть новое платье– значит, и лишение особых прав и льгот. Наконец, разве это не наказание, если воспитатель холоден, недружелюбен, недоволен?

Ты применяешь наказания, ты только смягчил или изменил их форму. Дети боятся, будь это большое, маленькое или только символическое наказание. Понимаешь: дети боятся – значит, наказания существуют.

Можно высечь самолюбие и чувства ребенка, как раньше секли розгами тело.

38. Наказаний нет, я ему только объясняю, что он плохо поступил.

А как ты это объяснишь?

Скажешь, что, если не исправится, будешь вынужден его исключить? Наивный! Ты грозишь смертью! И не исключишь: тот, кого в прошлом году исключили, был больной, ненормальный, а этот здоровый, симпатичный сорванец, из него выйдет дельный парень; ты его хочешь только попугать. Ведь и нянька не отдаст ребенка нищему и не заведет его в лес, чтобы его волки съели, и она только грозится.

Вызовешь опекунов на беседу – еще более изощренная угроза.

Ты грозишь, что заставишь спать в коридоре, есть на лестнице, наденешь на него слюнявчик – всегда грозишь наказанием ступенью выше тех, которые в ходу.

Иногда угрозы бесплотны, неопределенны:

«В последний раз тебе говорю! – Увидишь, все это плохо кончится! – Доиграешься, наконец! – Больше повторять не стану, делай что хочешь. – Теперь уж я за тебя примусь всерьез!» Само разнообразие оборотов доказывает, что они широко распространены, и добавлю, что ими злоупотребляют.

Иногда ребенок верит всецело и всегда хотя бы наполовину.

«И что только теперь со мной будет?»

Правда, воспитатель пока не наказал, ну а если накажет, то когда и как? Боязнь неизвестного, неожиданного. Если ты его наказал – он уже обрел душевное спокойствие, а если ты ему только пригрозил, то, проснувшись на другой день, он готов будет тебя возненавидеть за то, что ты его так мучишь.

Можно угрозами держать детей в полном повиновении и при отсутствии критического отношения к себе думать, что это мягкий способ воздействия, тогда как на самом деле невыполненная угроза большое наказание…

39. Только что плакал – и уже смеется.

Существует ошибочное, основанное на поверхностном наблюдении убеждение, что дети быстро забывают печали, обиды и решения. Едва поссорились, как уже вместе играют. Час назад обещал исправиться, и снова шкодит.

Нет, дети долго помнят обиды, они припомнят тебе оскорбление, нанесенное год назад. А не выполняет вынужденное обещание потому, что не может.

Заразившись общим весельем, ребенок бегает и играет, но он вернется к своим невеселым думам в тиши – за книжкой или вечером перед сном.

Порой замечаешь, что ребенок тебя избегает. Не подбежит с

вопросом, не улыбнется, проходя мимо, не войдет к тебе в комнату.

– А я думал, вы еще сердитесь, – ответит, если спросить.

И с трудом вспоминаешь, что на прошлой неделе ты сказал ему из-за какого-то мелкого проступка что-то не совсем приятное, несколько повысив голос. И самолюбивый или впечатлительный ребенок пережил в душе незаметно для тебя много неприятных минут.

Ребенок помнит.

Вдова в глубоком трауре, забывшись в шутливой беседе, громко рассмеется и тут же спохватится: «Ах, я смеюсь, а мой бедный муж…» Она знает: так надо. Ты быстро научишь детей этому искусству: сделай выговор, что он веселый, а должен быть грустным и сокрушенным, и он послушается. Мне не раз случалось видеть, как принимавший живое участие в играх мальчик делал печальное лицо, поймав мой грозный взгляд. «Ох, правда, неприлично веселиться, когда на тебя сердятся».

Помни, есть дети, которые только прикидываются, что им все равно: пусть, мол, воспитатель не думает, что они боятся, огорчены, помнят. А если цель наказания – сбить с них спесь, так это уже для них становится делом чести. И это дети, которые, пожалуй, острее всего воспринимают и долго помнят.

40. Наказаний нет – только выговор, напоминания – слова.

Ну а если под этими словами кроется желание опозорить?

«Взгляни, как выглядит твоя тетрадка! На кого ты похож! Ну и отличился! Погляди-ка, что он устроил!»

А публика-товарищи обязаны иронически улыбаться и выражать удивление и презрение. Это делают не все – и чем ребята честнее, тем они сдержаннее в выражении нелестного мнения.

Существует другой вид наказания: упорное пренебрежение, унизительное примирение с существующим положением вещей.

– Ты еще не съел? Опять последний? Опять забыл?

Посмотришь укоризненно, вздохнешь с отчаянием, махнешь безнадежно рукой.

Сознавая свою вину, правонарушитель вешает голову, а иногда, полный внутреннего бунта и неприязни, косится исподлобья на травящую его свору, чтобы при случае задать кому следует.

– Дай мне то, дай мне это, – чаще, чем другие, повторял один мальчик.

В довольно резкой форме я приструнил его за эту некрасивую привычку. Год спустя, записывая детские прозвища, я столкнулся с отголоском моего бестактного выступления – у этого мальчика было мучительнейшее для самолюбия прозвище: «Даймнеэто-попрошайка».

Высмеивание – большое и очень болезненное наказание.

41. Ты взываешь к чувствам.

– Так вот как ты меня любишь? Так-то ты выполняешь обещание?

Ласковой просьбой, добродушным укором, поцелуем в залог желанного исправления ты наконец добиваешься нового обещания.

А у ребенка тяжело на душе: признательный за доброту и великодушное прощение, беспомощный, часто не веря в исправление, он возобновил обещание, решив еще раз вступить в жестокий бой со своей вспыльчивостью, ленью, рассеянностью – с собой.

– А что будет, если я опять забуду, опоздаю, ударю, дерзко отвечу, потеряю?

Порой поцелуй налагает более тяжкие оковы, чем розга.

Разве ты не замечал, что если ребенок после данного обещания исправиться что-нибудь натворил, то уж держись: за первой провинностью следует и вторая, и третья?

Это боль понесенного поражения и досада на воспитателя за то, что, коварно вырвав у него обещание, он принудил его к неравному бою. И если ты вторично взовешь к его совести и чувствам, он тебя резко оттолкнет.

На гнев ты отвечаешь бурной вспышкой гнева, криком. Ребенок не слушает, он только чувствует, что ты выкидываешь его из своего сердца, лишаешь расположения. Чужой, одинокий – вокруг пустота. А ты в исступлении обрушиваешь на него все, какие есть, наказания: угрозу, упреки, насмешку и более существенные меры.

Обрати внимание, с каким сочувствием смотрят на него товарищи, как ласково стараются утешить:

– Это он только так говорит. Не бойся – это ничего, не горюй, он забудет.

И все это осторожно, чтобы не досталось от воспитателя и не влетело от взбунтовавшейся жертвы.

Всякий раз, учинив «великий скандал», я испытывал наряду с неприятным ощущением светлое чувство. Я был несправедлив к

одному, но зато многих научил великой добродетели – солидарности в несчастье. Маленькие рабы знают, что такое боль.

42. Иногда, выговаривая ребенку, ты читаешь в его взгляде тысячу бунтовщических мыслей.

«Ты, может, думаешь, я забыл? Я все помню».

Неумело изображая раскаяние, ребенок говорит тебе злыми глазами:

«Я не виноват, что у тебя такая хорошая память».

Я: – Я был терпелив. Ждал, может, исправишься.

Он: «Эка беда. Не надо было ждать».

Я: – Я думал, ты, в конце концов, возьмешься за ум. Я ошибался.

Он: «Умные не ошибаются».

Я: – Раз я прощаю, ты, поди, думаешь, что тебе все можно?

Он: «Вовсе я так не думаю. И когда это только кончится!»

Я: – Нет, с тобой невозможно выдержать.

Он: «Болтай, болтай, ты сегодня зол, как черт, вот и цепляешься…».

Подчас ребенок во время нагоняя проявляет удивительный стоицизм.

– Сколько раз я тебе повторял: не смей прыгать по кровати! – мечу я громы и молнии. – Кровать это тебе не игрушка. Хочешь играть – играй в мячик, решай кроссворды…

– А что это такое – «кроссворды»? – спрашивает он с любопытством.

Вместо ответа я дал ему по рукам…

В другой раз, после бурного разговора, у меня спросили:

– Скажите, пожалуйста, отчего, когда кто-нибудь злится, он делается красный?

В то время когда я напрягал голосовые связки и ум, чтобы обратить его на стезю добродетели, он, видите ли, изучал игру красок у меня на лице! Я поцеловал его – он был очарователен.

43. Дети правильно ненавидят огульные обвинения.

«С вами добром нельзя… Опять вы… Если вы не исправитесь…»

Почему за проступок одного или нескольких должны отвечать все?

Если повод к взбучке дал маленький циник, он останется

доволен: вместо полной порции гнева ему досталась лишь часть. Честный же будет слишком потрясен, видя столько невинных жертв своего преступления.

Иногда буря разражается над определенной группой детей: «совсем никудышные мальчишки» – или наоборот: «на редкость испорченные девчонки», чаще же всего: «старшие, вместо того чтобы показать пример… смотрите, как хорошо ведут себя малыши».

Здесь, кроме справедливого гнева невинных, мы вызываем смущение у тех, кого хвалим, которые знают за собой много грехов и помнят, как сами стояли у позорного столба. Наконец, мы даем возможность нехорошо торжествовать маленьким насмешникам: «ага… а видите… эге…».

Однажды я хотел особо торжественно прореагировать на невыясненную кражу. Я вошел в спальню к мальчикам, когда они уже засыпали, и, стуча в такт о спинку кровати, громко заговорил:

– Опять кража! С этим надо кончать. Жалко времени и труда на то, чтобы растить воров…

Эту же довольно длинную речь я повторил в спальне девочек.

На другой день между мальчиками и девочками шел такой разговор:

– И у вас он орал?

– Ясно, орал.

– Говорил, что всех выгонит?

– Говорил.

– И стучал кулаком по кровати?

– Да еще как, изо всей силы.

– А по чьей он кровати стучал? У нас так по Манюськиной.

Каждый раз, выступая с огульным обвинением, я огорчал наиболее честных, раздражал всех и делал из себя посмешище в глазах критически настроенных: «Ничего, пусть себе немножко позлится – это ему полезно».

44. Разве воспитатель не понимает, что значительная часть наказаний несправедлива?

Драка.

– Он меня первый ударил.

– А он дразнился… Взял и не отдает!

– Я только так, ради шутки (помешал, испачкал)…

– Это он меня толкнул, а не я.

И ты наказал или обоих (почему?), или старшего, который должен уступить младшему (почему?), или того, кто по простой

случайности ударил больнее, вреднее для здоровья. Ты наказал, драться нельзя. А жаловаться можно?

Ребенок пролил, сломал.

– Я нечаянно.

Он повторяет тебе твои собственные слова: ты ведь велишь прощать, если ему причинят вред нечаянно.

– Я не знал… Я думал, можно.

Он опоздал, потому что… он это умеет делать, но…

Объяснения правильные, а тебе кажутся уверткой.

Это двойная несправедливость: ты и не веришь, хотя он говорит правду, да еще несправедливо наказываешь.

Иногда условное запрещение случайно становится категорическим, а то и вовсе перестает быть запрещением.

В спальне шуметь нельзя, а говорить вполголоса можно. Если тебе весело, ты и сам посмеешься над невинной проделкой, а если устал, прекратишь обычную для спальни болтовню, хотя бы только резко заметив:

«Довольно болтать… Ни гу-гу… Кто скажет хоть слово…»

В канцелярию детям входить не разрешается, но они входят. Как раз сегодня у тебя месячный отчет, тебе нужен покой. Мальчуган не знал, вошел, и ему влетело. Если бы ты его даже не вывел за ухо, если бы только сказал: «Чего прилез? Вон сейчас же!» – твой гнев – незаслуженное наказание.

45. Во время игры в мяч он разбил стекло —

ты простил, стекло бьют редко, не знаешь, кто собственно, виноват, не любишь наказывать.

Но когда разбито уже четвертое стекло, когда разбил его хронический озорник, за которым вдобавок значится в школе плохая отметка, ты наказываешь – криком, угрозой, злостью.

– Я нечаянно, – отвечает он смело, а по-твоему, дерзко.

…Четвертое окно… озорник… плохой ученик… лентяй… еще дерзит… Воспитатель, уверяю тебя, ты дашь ему по рукам. А ведь ребенку не понять, да и не надо ему мириться с тем, что ты его наказал для примера, потому что, как менее впечатлительный, он удобный объект для эффектного наказания; и что ты подверг его наказанию не за один этот поступок, а за всю его деятельность в совокупности.

Он знает только, что детям А, Б, В ты простил, а его вот несправедливо наказал…

Допустим, ты поступил по-другому: отобрал у ребят мяч.

– Играть в мяч нельзя.

И это несправедливо: наказание коснулось десятка невинных ребят.

Еще мягче: ты предупреждаешь, что, если они еще раз разобьют стекло, ты отберешь мяч, то есть применяешь несправедливо наказание – угрозу – ко всем ребятам, хотя виноваты будут только четверо.

И из этих четверых не все виноваты, потому что один разбил стекло, на котором уже была трещина, другой разбил не целиком, а только с уголка, а третий, оно правда, и разбил, но ведь его подтолкнули, и виноват, собственно, только этот четвертый, который всегда сделает что-нибудь такое, из-за чего воспитатель злится.

46. Ты простил безоговорочно.

Ты полагаешь, ты поступил правильно? Ошибаешься.

«Да, попробуй-ка я это сделать», – думает один.

«Ему все можно, – думает другой, – воспитатель его любит».

Опять несправедливость.

Есть дети, для которых насупленные брови, резкое замечание или мягкое: «Ты меня огорчил» – достаточное наказание. Но если ты желаешь такого ребенка простить, другие должны понять, почему ты это делаешь, и он сам должен понять, что ему можно не больше, чем остальным. Иначе ты его избалуешь, распустишь и отдашь на растерзание затронутой в своих правах толпе. Ты совершишь ошибку, и он и остальные дети тебя накажут.

Забудь на минутку о четырех выбитых стеклах, а собственно говоря, о двух, раз на одном уже была трещина, а у второго отбит только уголок. Забудь и погляди, сколько ребят, сбившись в кучки, обсуждают несчастный случай. И в каждой кто-нибудь агитирует за тебя или против.

«Правые» утверждают, что стекло дорогое и что у воспитателя будут неприятности в правлении – слишком, мол, добрый, дети не слушаются. У него всегда непорядок: следовало наказать строже.

«Левые» (сторонники игры в мяч):

– Ни во что играть нельзя, все запрещают. Сделай что-нибудь, сразу в крик, и пошло: угрозы, скандалы. Нельзя же целый день сидеть, точно кукла какая.

И только «центр» принимает все с доверием и смирением.

Не улыбайся снисходительно – это не шутка, не мелочи; это и есть жизнь в казармах.

Значит, раз и навсегда, принципиально и во всех случаях

отказаться от наказаний, предоставив детям полную свободу? А если своеволие ребенка-единицы ограничивает права массы? Своевольный и сам не учится, и другим не дает, и свою постель не постелет, и чужую разворошит, и свое пальто запропастит, да еще чужое возьмет – что тогда?

47. «Некрасиво жаловаться, я не разрешаю жаловаться».

А что делать ребенку, если его обокрали, оскорбили отца или мать, наговорили на него товарищам, если ему угрожают, подбивают на плохое?

Некрасиво жаловаться. Кто установил это правило? Дети ли переняли его от плохих воспитателей, или воспитатели от плохих детей? Потому что оно удобно только для плохих и самых плохих.

Тихих и беспомощных будут обижать, эксплуатировать, обирать, а позвать на помощь, потребовать справедливости – нельзя! Обидчики торжествуют, обиженные страдают.

Недобросовестному, неумелому воспитателю удобно не знать, что вытворяют ребята, он машет рукой на их споры, не умея их умно рассудить.

«Лучше всего пускай сами мирятся». И тут, когда дело коснулось его собственного удобства, его вера в них заходит так далеко, что он полагается на их разум, опыт, справедливость и предоставляет в столь важной области свободу действий.

Свободу? Ну нет: драться нельзя, ссориться нельзя, ты даже не разрешишь ему выйти из игры, не дашь устраниться. Ребенок поссорился и не хочет – всего-навсего – рядом спать, сидеть за столом, ходить в одной паре. Такое справедливое, естественное желание – и нельзя.

Дети легко ссорятся? Неправда, они дружны и снисходительны. Попробуй засади человек сорок служащих в одну комнату на неудобные скамьи и держи по пяти часов кряду за ответственной работой под неусыпным надзором начальника – да они глаза друг другу выцарапают!

Вслушайся в детские жалобы и изучай их, и ты найдешь способ во многом им помочь. Сосед задел локтем тетрадку, и поперек страницы поехала некрасивая черта, или перо воткнулось в бумагу, разбрызгивая чернила. Самая частая жалоба в классе.

48. Особый характер носят жалобы на переменах.

– Он не дает играть, он мешает…

Перемена приводит некоторых ребят в дикое, полубессознательное состояние. Носятся, скачут, толкаются, бессмысленные крики, бестолковые движения, безответственные поступки. Вот он бежит куда глаза глядят, наталкиваясь на идущих, размахивая руками, издавая возгласы, наконец, ударяет первого встречного ученика. Обрати внимание, как часто тот, кого толкнули или ударили, сердито обернется и молча посторонится.

А есть дети, которые пристанут ни за что ни про что и не отстанут. «Уйди, оставь» для них сигнал как раз не уходить. Ребята не любят таких, презирают за отсутствие самолюбия и такта и жалуются:

«Мы играем, а он… Господин воспитатель, он всегда… Стоит нам начать играть, как он…»

Жалобщик в гневе («вскипятился»), в голосе отчаяние. Перемена короткая, жалко каждой драгоценной минуты, а тут отравляют, крадут у тебя последние минуты свободы…

Помни, ребенок обращается к тебе только в крайнем случае, выведенный из терпения, беспомощный, не желающий драться. Он зря теряет время и рискует получить небрежный или резкий ответ. У тебя должна быть наготове привычная фраза, это сэкономит тебе работу мысли.

– Мешает? Позови-ка его сюда, – говорю я.

Часто все на этом и кончается. Надо было отогнать нахала, тот, видя, что товарищ пошел жаловаться, спрятался, – значит, цель достигнута.

Если жалобщик возвращается: «А он не хочет идти» – я грозно говорю тогда: «Скажи, чтобы немедленно явился».

Вообще дети жалуются очень редко и неохотно. Если некоторый процент жалуется часто, надо это изучить и подумать почему. Ты никогда не узнаешь детей, пренебрегая их жалобами.

49. «Господин воспитатель, можно? Разрешите? Вы мне позволите?»

Мне кажется, воспитатель, который не любит жалоб, в равной мере не переносит и просьб. Желая, однако, и тут подыскать убедительную мотивировку, он ссылается на принцип, гласящий:

– Все дети на равных правах. Никаких исключений, никаких привилегий.

Справедливо ли это? Или, может быть, только удобно?

Необходимость часто отвечать: «Нельзя. – Не позволю. – Не разрешаю» – неприятная необходимость. Когда нам кажется, что

мы свели запреты и приказы до минимума, нас сердит, если ребята требуют дальнейших уступок. Иногда мы и признаем справедливость просьбы, да запрещаем, так как одна удовлетворенная просьба вызывает целый ряд просьб других детей. Мы стремимся достичь идеала, чтобы дети знали определенные границы и большего не требовали.

Но если ты взвалишь на себя тяжелую обязанность не просто отклонять детские пожелания, а выслушивать их, если будешь их записывать и разбивать по рубрикам, ты убедишься, что бывают желания повседневные и совершенно исключительные.

Постоянные назойливые просьбы о перемене места за столом. Мы позволили ребятам раз в месяц меняться местами. Об этой незначительной реформе можно было бы написать обширную монографию, столько в ней положительных сторон, а обязаны мы ею исключительно неотвязным просьбам.

Горе ребятам и воспитателю, который умеет подавить каждое не предусмотренное регламентом желание. Благодаря им, как и благодаря жалобам, ты познаешь большинство тайн детской души.

50. Кроме детей, которые обращаются к воспитателю по своему делу, бывают просьбы через послов.

«Он спрашивает, не разрешите ли вы ему? а можно ему?..»

Долгое время этот вид просителей меня злил, и по многим причинам.

Часто послами бывают дети, у которых и своих дел хватает, и уже успели тебе с ними надоесть; приходят обычно они не вовремя, когда ты торопишься, занят, не в настроении; просьбы часто такие, что ответ должен бы быть явно отрицательным; это создает впечатление протекции – а не припишет ли посол себе заслугу благоприятного решения? Наконец, в этом есть вроде как бы неуважение: «Приди-ка сам, изволь побеспокоиться, а не проси через адвоката».

Бесплодность борьбы с такими просьбами заставляла искать более глубокую причину этого явления. И я нашел ее.

Я обнаружил общечеловеческую, а не чисто детскую тонкость души. Резкий ответ не обижает просящего за другого, лично не заинтересованный проситель не видит недовольного лица, кривой усмешки, нетерпеливого жеста. Ему важен отказ как таковой.

Мне случалось видеть, как настоящий проситель наблюдал издали, какой эффект вызовет его просьба, готовый по первому зову подойти и дать разъяснения.

Когда мы ввели в Доме Сирот систему письменного общения с детьми, количество просьб через послов значительно сократилось, и у нас появился готовый ответ:

«Пусть напишет, чего он хочет и почему».

51. До тошноты часто повторяется ex cathedra[24] предписание отвечать детям на вопросы.

И, слепо поверив в него, бедный воспитатель вступает в конфликт с совестью, потому что не может, не умеет, не обладает достаточным терпением непрерывно выслушивать вопросы и вечно давать ответы. И даже не подозревает, что чем чаще он бывает вынужден отделаться коротким «не надоедай» от маленького приставалы, тем он лучше как воспитатель.

«Я хорошо написал, вычистил башмаки, вымыл уши?»

Если первый спрашивает, потому что у него есть сомнения, то уже следующие желают только обратить на себя внимание, прервать начатую работу, получить лишнюю похвалу.

Бывают вопросы трудные, на которые лучше не отвечать совсем, чем отделываться поверхностным, непонятным объяснением. Поймет, когда будет изучать физику, космографию, химию. Поймет, когда будет изучать физиологию. А вот этого никто не знает, даже взрослые, даже учитель – никто.

Следует принять во внимание самого ребенка: вдумчивый он или поверхностный, что побудило его спросить – беспредметное ли любопытство или желание разрешить мучающий его вопрос, тайну природы, этическую проблему – и, наконец, возможность ответа. И мое «посмотри в книжке – тебе не понять – не знаю, спроси у меня через неделю» или «не морочь мне голову» будет результатом многих правильно учтенных обстоятельств.

Я смотрю с подозрением на воспитателя, который утверждает, что он терпеливо отвечает детям на вопросы. Коли не врет, он, возможно, настолько чужд детям, что они действительно редко и лишь в виде исключения обращаются к нему с вопросами.

52. Если жалобы, просьбы и вопросы – ключ к познанию детской души,

то сделанное шепотом признание – настежь распахнутые в нее ворота.

Вот добровольное признание, сделанное через несколько месяцев после имевшего место факта:

«Мы очень на вас были злы, он и я. Вот мы и уговорились, что один из нас заберется ночью через окно к вам в комнату, возьмет очки и выбросит в уборной, а потом подумали, что ведь жалко выбрасывать, что мы только спрячем. Мы не спали и ждали до двенадцати часов ночи. Когда я уже встал, чтобы идти, один мальчик проснулся и пошел в уборную. Но я потом все равно опять встал. Влез я в окно – сердце во как колотится! Очки лежали на столе. Вы спали. Я их взял и спрятал у себя под подушкой. Потом-то мы испугались. Не знали, что и делать. Потом он сказал: «Надо положить на место». А я ему сказал, чтобы он положил. А он не захотел. Тогда я опять встал, но уже в комнату не влезал, а просто положил и немножечко еще подтолкнул».

Зная обоих, я понимаю, откуда исходила инициатива, как вырабатывался план действий и почему месть не была доведена до конца.

Одному этому факту можно было бы посвятить целый трактат, такой это богатый материал для размышлений.

53. Улыбаясь ребенку – ждешь в ответ улыбку.

Рассказывая что-нибудь любопытное – ждешь внимания. Сердишься – ребенок не должен огорчиться.

Это значит, ты получаешь нормальную реакцию на раздражение. А бывает и по-другому: ребенок реагирует парадоксально. Ты имеешь право удивиться, обязан задуматься, но не сердись, не дуйся.

Ты подходишь к ребенку с дружеским чувством, а он отворачивается с досадой, а то и явно тебя избегает: может быть, это ты перед ним виноват, а может быть, это он провинился, сделал что-нибудь плохое и честность не позволяет принять незаслуженную ласку. Возьми это на заметку и через неделю или месяц попроси объяснить: может быть, он забудет, может быть, скажет, а может быть, по его улыбке или смущению ты поймешь, что он помнит, только не хочет сказать. Воспитатель, отнесись к его тайне с уважением.

Однажды я приструнил ребят:

– Что это за шушуканья по углам? Прячетесь в классной комнате… Вы же знаете, я этого не люблю!

Ответом мне были: стоическая покорность, злостное упрямство, своевольная ясность духа. Мое внимание должно было бы привлечь явное отсутствие раскаяния; я не понял и подозревал преступные козни наших неслухов. А это ребята в секрете

репетировали комическую пьесу, которой думали нас порадовать. Еще сегодня я краснею при мысли, как я был смешон в своем ожесточении.

54. «У моего мальчика от меня нет секретов, он делится со мной всеми своими мыслями», – говорит мать.

Я не верю, что это так, но верю, что она этого требует, и знаю, что она делает ошибку.

Пример:

Мальчик видит на улице похороны. Величественная процессия – фонари, торжественность. За гробом следует ребенок: в своем отделанном черным крепом платье он участник исполненного таинственной поэзии обряда. И у мальчика мелькает мысль: должно быть, это приятно, когда мама умирает… И он с ужасом смотрит на мать. Ой, он не хочет, чтобы мама умирала, и откуда только такие мысли?

Ну можно ли, позволительно ли такую мысль высказать? И вправе ли мы тревожить ребенка в момент грозного конфликта с совестью?

Если ребенок поверит тебе свою тайну, радуйся, потому что его доверие – высочайшая награда, лучшее свидетельство. Но не принуждай ни просьбами, ни хитростью, ни угрозами, все способы одинаково недостойны и не сблизят тебя с воспитанником, а скорее разъединят.

Надо убедить детей в том, что мы уважаем их тайны, что вопрос «Не можешь ли ты мне сказать?» не значит «ты должен». Пусть на мое «почему» он ответит искренне, без уверток: «Я не могу вам этого сказать. – Я вам потом когда-нибудь скажу. – Никогда не скажу».

55. Однажды я заметил, как одиннадцатилетний мальчик подошел к девочке, которую он любил, и что-то шепнул ей.

В ответ она покраснела, опустила голову и недоуменно пожала плечами.

Несколько дней спустя я спросил его, с чем он тогда к ней обратился. Никакого замешательства, искреннее желание вспомнить.

– Ах да, я спросил у нее, сколько шестнадцатью шестнадцать.

Я был ему так благодарен – столько он пробудил во мне хороших задушевных мыслей.

Другой раз мне стало известно, что с одной девочкой, когда она шла вечером через сад, случилась какая-то загадочная история. Наши ребята ходят в город без провожатых и в одиночку – это входит в программу воспитания, и отказаться от этого было бы очень жаль. Мы решили удвоить бдительность. Случай в саду меня сильно беспокоил. Я потребовал, чтобы она во всем созналась, припугнув, что иначе не буду пускать одну.

Она сказала, что, когда шла по саду, пролетавшая птичка испачкала ей шляпку: «Сделала мне на голову».

Мне кажется, из нас двоих я был более сконфужен.

Будь мы более деликатны по отношению к детям, как часто нам приходилось бы сгорать со стыда за ту нечистоплотность жизни, которую они застали и от которой мы их не в силах уберечь.

56. Тихий шепот признаний подчас бывает шепотом доносов.

Не возмущайся лицемерно: ты выслушаешь доносчика, твоя обязанность выслушивать.

– Он вас ругает, обозвал нехорошим словом.

– Откуда ты знаешь, что он меня ругает?

– Нас много слышало.

Значит, услышал случайно, не подслушал.

– Ну ладно, только зачем ты мне это говоришь?

Смущение: ну сказал и сказал.

– Ну а знаешь ты, почему он меня ругал?

– Разозлился, что вы…

Суть доноса – ерундовая, цель – неясная. Наверное, думал заинтересовать воспитателя, импонировала мысль, что вот, мол, владеет великой тайной и делится ею со старшим.

– А ты сам не ругаешься, когда злишься?

– Иногда и ругаюсь.

– Не делай этого, это дурная привычка.

Не читай ему нравоучений, может быть, он хотел тебе добра, а если нет, несколько ставящих в тупик вопросов и отсутствие интереса к сообщению – достаточное наказание.

57. Преступная цель: желал отомстить.

– Старшие мальчики говорят разные свинства, и у них какие-то неприличные картинки есть и стихи.

– Какие такие картинки и стихи?

Не знает. Он спрятался и подслушивал. А говорит потому, что такие картинки иметь не разрешается. Он хочет, чтобы этих мальчишек наказали.

– А ты, случайно, не просил показать тебе картинку?

Просил, да они не захотели, сказали, что он мал еще.

– А я могу им сказать, от кого я узнал?

Нет, нельзя: они его побьют.

– Раз ты мне не позволяешь сказать, от кого я это знаю, то я не могу им ничего сделать. Они могут подумать на кого-нибудь другого и побьют его.

Ну ладно, он не боится: поступайте как знаете.

– Спасибо, что сказал. При случае я поговорю с ними, попрошу больше этого не делать.

Я говорю ему «спасибо»: он заметил то, что я сам обязан был заметить. А разговор о том, что месть уродлива, я откладываю на после. На сегодня довольно, он ожидал другого эффекта – выстрел не попал в цель.

58. Дело, может быть, очень серьезное, цель – благая.

Он был в доме, где скарлатина. – Малыши забиваются в раздевалку и курят, они дом поджечь могут. – Икс подговаривает Игрека украсть. – Зет относит сторожу еду и взамен получает яблоки. – Вчера на улице какой-то господин предлагал девочке пойти в кондитерскую и прокатиться на автомобиле.

Ребенок знает, зачем он это говорит. Заметив опасность или заслуживающий наказания поступок, он колебался, не знал, что делать, и вот приходит посоветоваться, потому что тебе доверяет. Ребята рассердятся, будут избегать его – что ж, ничего не поделаешь. Он свой долг выполнил: предостерег.

Я должен относиться к нему как к товарищу, который помог мне решить трудный вопрос. Ребенок оказал мне большую услугу. А теперь мы вместе с ним думаем, как быть дальше.

Помни, всякий раз, когда к тебе приходит ребенок с чужой тайной, он тебя обвиняет:

«Ты не выполнил свой долг: не знаешь. А не знаешь потому, что ты пользуешься у детей доверием, да только относительным – дети тебе доверяют, да не все».

59. После того как ты узнал, не спеши.

Не давай бесчестному доносчику торжествовать: «Я, мол,

обратил внимание, я, мол, выполнил важную миссию». Твой долг защитить честного ребенка от мести – вражды. Откладывая обсуждение дела в долгий ящик, ты получаешь возможность, усилив бдительность, заметить все сам.

Дальше: если, заметив провинность, ты немедленно бьешь тревогу, дети могут быть уверены, что, раз ты молчишь, ты не знаешь.

«Откуда вы знаете, а когда вы это узнали», а почему вы сразу не сказали?» – вот о чем чаще всего спрашивают ребята, когда напоминаешь им старый грех.

Еще раз: не спеши. Выжди удобный момент и поговори с ребенком, когда он дружелюбно настроен, а само дело с течением времени перестало быть важным и актуальным. Ох, это было давно, месяц тому назад. И он тебе откровенно расскажет, что его толкнуло на дурной поступок, и как он его совершил, и что чувствовал до, во время его и после.

Дальше: не рассердишься, у тебя будет время обдумать, взвесить, подготовиться. От разумного решения зависит подчас все твое дальнейшее отношение к ребенку или к группе ребят.

Пользуясь твоим хорошим настроением, он просит у тебя ящик с ключиком.

– С большим удовольствием. Будешь лучше прятать свои неприличные картинки, чтобы малыши не нашли.

Пристыжен, ошеломлен, удивлен.

Теперь он захочет с тобой поговорить. Не спеши! Чуть остыв, он сам отдаст тебе картинку (утратит прелесть новизны), скажет, от кого получил, кому давал посмотреть. Чем ты спокойнее говоришь, тем все проще, чем умнее, тем ближе к сути дела.

60. Мой принцип: «Пусть дитя грешит».

Не будем стараться предупреждать каждое движение, колеблется – подсказывать дорогу, оступится – лететь на помощь. Помни, в минуты тягчайшей душевной борьбы нас может не оказаться рядом.

«Пусть дитя грешит».

Когда со страстью борется еще слабая воля, пусть дитя терпит поражение. Помни: в конфликтах с совестью вырабатывается моральная стойкость.

«Пусть дитя грешит».

Ибо, если ребенок не ошибается в детстве и, всячески опекаемый и охраняемый, не учится бороться с искушениями, он вырастает пассивно-нравственным – по отсутствию возможности

согрешить, а не активно-нравственным – нравственным благодаря сильному сдерживающему началу.

Не говори ему:

«Грех мне противен».

Скажи лучше:

«Не удивляюсь, что ты согрешил».

Помни:

«Ребенок имеет право солгать, выманить, вынудить, украсть. Ребенок не имеет права лгать, выманивать, вынуждать, красть».

Если ребенку ни разу не представился случай выковырять из кулича изюминки и тайком съесть их, он не мог стать честным и не будет им, когда возмужает.

– Возмутительно!

Лжешь.

– Я тебя презираю!

Лжешь.

– Никогда я от тебя этого не ожидал… Значит, даже тебе нельзя доверять?

То-то и плохо, что не ожидал. Плохо и то, что безоговорочно доверял. Никудышный ты воспитатель: не знаешь даже, что ребенок – человек.

Ты возмущаешься не потому, что видишь грозящую ребенку опасность, а потому, что ребенок может испортить репутацию твоего учреждения, твоей педагогической системы и лично твою: ты заботишься исключительно о себе.

61. Позволь детям ошибаться и радостно стремиться к исправлению.

Детям хочется смеяться, бегать, шалить. Воспитатель! Если для тебя жизнь – кладбище, позволь им в ней видеть лужайку. Сам во власянице – банкрот бренного счастья или кающийся грешник – имей мудрую снисходительную улыбку.

Здесь должна – должна царить атмосфера полной терпимости к шутке, проказе, насмешке и подвоху и наивному греху лжи. Здесь не место суровому долгу, каменной серьезности, железной необходимости, непоколебимому убеждению.

Всякий раз, впадая в тон монастырского колокола, я делал ошибку.

Верь мне, интернатская жизнь потому нам кажется мутной, что мы требуем от нее слишком высокого идейного уровня. В сотый раз повторяю: в казарменной обстановке интерната не воспитаешь ни дивно цельной честности, ни пугливой чистоты,

ни девственной невинности чувств, не знающих, что зло существует.

И не потому ли ты так любишь этих своих честных, беззаветных, кротких, что знаешь, как им будет тяжко на свете?

Да и может ли обойтись любовь к правде без знания дорог, которыми ходит кривда? Разве ты желаешь, чтобы отрезвление пришло внезапно, когда жизнь кулаком хама смажет по идеалам? Разве, увидав тогда твою первую ложь, не перестанет сразу твой воспитанник верить во все твои правды?

Если жизнь требует клыков, разве вправе мы вооружать детей одним румянцем стыда да тихими вздохами?

Твоя обязанность – воспитывать людей, а не овечек, работников, не проповедников: в здоровом теле здоровый дух. А здоровый дух не сентиментален и не любит быть жертвой. Я желаю, чтобы лицемерие обвинило меня в безнравственности!

62. Дети лгут.

Лгут, когда боятся и знают, что правда не выйдет наружу.

Лгут, когда им бывает стыдно.

Лгут, когда ты их заставляешь сказать правду, которую они не хотят или не могут сказать.

Лгут, когда им кажется, что так надо.

– Кто это пролил?

– Я, – признается кто-нибудь и попытается оправдаться, если знает, что ты ему за это скажешь только: «Возьми тряпочку и подотри» – и самое большее добавишь: «разиня».

Он признается и в серьезном проступке, если будет знать, что воспитатель станет усиленно доискиваться, решив во что бы то ни стало узнать правду. Пример: нелюбимому мальчику налили в постель воды. Никто не признается. Я предупредил, что, пока виновный не сознается, не выпущу никого из спальни. Прошел тот час, когда старшие отправляются на работу; приближается время завтрака. Завтракать ребята будут в спальне. В школу они не пойдут, и так опоздали. В спальне шепот: совещаются. Часть ребят, безусловно, не виновата, остальные в разной степени под подозрением. Ребята уже, наверное, догадываются, кто мог это сделать, возможно, уже знают, возможно, уговаривают сознаться.

– Господин воспитатель…

– Это ты сделал?

– Я.

Наказание было бы излишне: подобный проступок не повторится…

Позволь ребенку хранить тайны: если ты дашь ему право сказать: «Знаю, но не скажу» – он не станет лгать, что не знает.

Позволь ребенку свободно признаваться в чувстве, не отвечающем установленной заповеди.

63. «Как вас дети любят», – говорит какая-нибудь сентиментальная особа.

Бывает, заключенные любят снисходительных надзирателей. Но есть ли хоть один ребенок, который не был бы в обиде на своего воспитателя? Какое-нибудь неприятное распоряжение, какая-нибудь когда-то сказанная резкость, затаенное желание, которое он не откроет, «раз все равно из этого ничего не выйдет». Если ребята думают, что они любят, то потому, что старшие им говорят, что так должно быть; другие не хотят отставать; некоторые и сами в толк не возьмут, любят они или ненавидят; а все они, видя мои недостатки, хотели бы меня немножко переделать, сделать лучше. Бедняги не знают, что самая большая моя вина – это то, что я перестал быть ребенком.

«Как вас дети любят».

Как ребята подбежали, прильнули ко мне, обступили, когда я пришел с войны! Но разве они не больше обрадовались бы, появись в зале неожиданно белые мыши или морские свинки?

Мать, отец, воспитатель! Если ребенок полюбил тебя глубокой, всегда одинаково бескорыстной любовью, пропиши ему водные процедуры или даже немного брома.

64. Бывают минуты, когда ребенок тебя безгранично любит, когда ты ему нужен, как никто:

когда он болен и когда он испугался ночью страшного сна.

Помню ночь, проведенную в больнице у постели больной девочки. Время от времени я давал ей вдыхать кислород. Девочка дремала, крепко держа меня за руку. Каждое движение моей руки сопровождалось словами: «Мама, не уходи», которые она шептала в полузабытьи, не открывая глаз.

Помню, как, весь дрожа, в приступе безнадежного отчаяния, вошел ко мне мальчик, перепуганный сном о мертвецах. Я взял его к себе в кровать. Он рассказал сон, рассказал о покойных родителях и о своем пребывании после их смерти у дяди. Мальчик говорил задушевным шепотом, может быть, желая вознаградить за прерванный отдых, а может, из страха, что я усну

раньше, чем от него отступятся злые видения…

У меня есть письмо мальчика, полное жалоб на меня и на Дом Сирот. Мальчик написал его на прощание. В письме он жалуется, что я не понимал его и был к нему злой и несправедливый. В доказательство, что он умеет ценить доброту, приведен пример: он, мол, никогда не забудет, что, когда у него однажды болел ночью зуб, я не сердился, что меня разбудили, и не брезговал, клал ему на зуб ватку с лекарством. За все свое двухлетнее пребывание в Доме Сирот он один этот факт счел достойным сердечного упоминания. А воспитатель обязан удалять больных детей из интерната и ночью после целого дня работы спать.

65. Не будем требовать от детей ни индивидуального, ни коллективного самопожертвования.

Папа, у которого много работы, мама, у которой болит голова, усталый воспитатель – все это может тронуть раз или несколько раз; если же это постоянно – утомит, надоест, будет злить. Мы можем запугать детей так, что при первой же нашей гримасе боли или выражении неудовольствия они начнут говорить шепотом и ходить на цыпочках, но будут делать это нехотя, с перепугу, а не из чувства привязанности.

Да, дети будут послушные, серьезные – у воспитателя горе. Но пусть это случается редко, как исключение.

А разве мы, взрослые, всегда готовы уступать капризам, причудам и достопочтенным взглядам старцев?

Я думаю, многие дети вырастают в отвращении к добродетели потому, что ее безустанно внушают, перекармливая хорошими словами. Пусть ребенок сам открывает необходимость, красоту и сладость альтруизма.

Всякий раз, указывая детям на их обязанности по отношению к семье, младшим братьям и сестрам, я боюсь, что делаю ошибку.

Ребята сами принесут домой выигранные в лото картинки и конфеты, потому что им приятно видеть радость братишки, – а может быть, это только самолюбие? Что и они дают – как взрослые?

Ребенок берет в сберкассе накопленный им рубль и отдает сестре на башмаки. Прекрасный поступок! Но знает ли ребенок цену деньгам? Может быть, это просто легкомыслие?

Не сам поступок, а побуждение характеризует нравственный облик и потенциальные возможности ребенка.

66. Ребенок подавлен нашим авторитетом, обязанностью быть нам благодарным, уважать нас.

Ребенок все это чувствует, но по-другому, по-своему.

Ребята уважают тебя за то, что у тебя есть часы, что ты получил письмо с иностранной маркой, что имеешь право носить при себе спички, поздно ложиться спать, подписываешься красными чернилами, что ящик у тебя запирается на ключ, – за то, что ты обладаешь всеми привилегиями взрослых. Намного меньше ребята уважают тебя за образование, в котором всегда усмотрят недостатки: «А вы умеете говорить по-китайски? А считать до миллиарда?»

Воспитатель рассказывает интересные сказки, а кухарка и сторож знают еще интереснее. Воспитатель играет на скрипке, а товарищ, играя в лапту, подкидывает мяч выше.

Добродушным детям импонируют все взрослые; настроенные же критически не склоняют головы ни перед нашим умом, ни перед нашей нравственностью. Взрослые врут, жульничают, они неискренние, прибегают к некрасивым уловкам. Если взрослые не курят потихоньку, то только потому, что могут курить открыто, ведь они делают что хотят.

Чем больше ты заботишься о поддержании авторитета, тем больше его роняешь; чем ты осторожнее, тем скорее его потеряешь. Если ты только не смешон до последней степени, не абсолютно туп и не стараешься по-дурацки вкрасться в доверие у ребят, заигрывая и делая поблажки, они станут тебя на свой лад уважать.

На свой лад – это как? Я не знаю.

Ребята будут смеяться, что ты худой и высокий – толстый – лысый, что у тебя на лбу бородавка, что, когда ты сердишься, у тебя шевелится нос, а когда смеешься, голова уходит в плечи. И станут тебе подражать, и захотят быть худыми или толстыми и шевелить носом, когда сердятся.

Позволь им в какую-нибудь исключительную минуту в редкой задушевной беседе сказать тебе по-товарищески, что они о тебе думают.

– Вы такой странный. Иногда я вас люблю, а иногда так просто убил бы со злости.

– Когда вы что-нибудь говорите, кажется, что все это правда. А подумаешь и видишь, что вы ведь это только так говорите, потому что мы дети.

– Никогда нельзя узнать, что вы о нас на самом деле думаете.

– И выходит, что и посмеяться над вами нельзя, раз вы только иногда смешной.

67. Никто не запротестовал, что я в повести «Слава»[25] позволил одному из героев украсть.

Я долго колебался, но не мог поступить иначе: этот паренек, с такой силой желаний и таким живым воображением, должен был один раз украсть.

Ребенок крадет, если ему чего-нибудь так крепко хочется, что он не в силах устоять.

Ребенок крадет, когда чего-нибудь очень много, – значит, одно можно взять. Крадет, когда не знает, кто хозяин. Крадет, если у него самого украли. Крадет, раз ему нужно. Крадет, потому что его подговорили.

Объектом кражи может быть камушек, орех, обертка от карамельки, гвоздик, спичечная коробка, осколок красного стекла.

Бывает, что все дети воруют, что детские кражи допускаются. Эти маленькие, не имеющие цены предметы составляют не то личную, не то общую собственность.

– Нате вам лоскутки, играйте.

А перессорятся – что тогда?

– Перестаньте ссориться: вон у тебя сколько, дай и ему.

Ребенок подает тебе найденное им сломанное перышко:

– Возьми и выброси.

Ребенок нашел разорванную картинку, шнурок, бусинку. Если можно выбросить, значит, можно и взять себе?

И мало-помалу перышко, иголка, кусочек резинки, карандаш, наперсток, наконец, каждый валяющийся на окне, столе или на полу предмет становится как бы общей собственностью. И если в семье из-за этого каждый день сотня ссор, в интернате их будут тысячи.

Есть два способа: один – недостойный – не позволять детям держать у себя разный «хлам» и другой – правильный – у каждой вещи есть свой хозяин и все, что найдено, должно быть возвращено по принадлежности. Каждую пропавшую вещь надо немедленно разыскать.

Таким образом, ребенок получает ясное указание; остается только один, первый вид кражи; и поддаются подчас искушению украсть не самые плохие дети.

68. Обман – это только разновидность кражи, кража замаскированная.

Выпрашивание подарков, явно нелепые пари, азартные игры

и игры в «зелень» и в «косматое», наконец, выменивание «ценных» предметов (перочинный нож, пенал, коробка из-под шоколада) на предметы, ничего не стоящие. Наконец, долги без указаний срока.

Чаще всего воспитатель, заботясь о своем удобстве, запрещает меняться, делать подарки, играть из корыстных соображений. Этот запрет отрезает раз и навсегда пострадавшему путь к жалобе, и так уже преданной анафеме.

Сотни наиболее жизненных, любопытных, своеобразных дел не доходят до воспитателя, а одно, очень уж броское и потому разоблаченное, позволяет ему блеснуть ораторским талантом, проповедью, полной жизненной неправды. Следует запрет еще более решительный – и опять тишь да гладь до следующего скандала. Запрет имеет силу ненадолго – жизнь сметает его.

Сколько же этих отвратительных, деморализующих, обидных дел по поводу невыполненных обязательств, вымененных подарков, сознательно жульнических сделок!

Ребенок, потеряв чужой мяч или перочинный ножик, может стать рабом.

69. Воспитатель,

который приходит со сладкой иллюзией, что он вступает в этакий маленький мирок чистых, нежных, открытых сердечек, чьи симпатии и доверие легко снискать, скоро разочаруется.

И вместо того чтобы винить тех, кто ввел его в заблуждение, и себя самого, что поверил, он будет дуться на детей, подорвавших его веру в них. А разве они виноваты, что тебе показали заманчивые стороны работы и скрыли шипы?

Среди детей столько же плохих людей, сколько и среди взрослых; только у детей нет то ли надобности, то ли возможности себя проявить.

Все, что творится в грязном мире взрослых, существует и в мире детей. Ты найдешь здесь представителей всех типов людей и образцы всех их недостойных поступков. Дети подражают жизни, речам и стремлениям воспитавшей их среды, ибо имеют в зародыше все страсти взрослых.

И если я завтра встречаю группу детей, я уже сегодня обязан знать, кто они. Там будут ласковые, пассивные, добродушные, доверчивые ребята – вплоть до самых злостных, явно враждебных и полных двуличной инициативы или притворно уступчивых, конспиративно злостных малолетних преступников и интриганов.

Я предвижу необходимость борьбы за режим и безопасность и бездушных и честных. Я призову к сотрудничеству

положительные элементы ребячьей толпы, противопоставлю их злым силам. И только после того, как ясно представлю себе границы педагогических влияний на данном участке, разверну планомерную воспитательную работу.

Я могу внедрить традиции правды, порядка, трудолюбия, честности, искренности, но я не в силах изменить природу ребенка. Береза так и останется березой, дуб дубом, лопух лопухом. Я могу пробудить то, что дремлет в душе ребенка, но не могу ничего создать заново. И буду смешон, если стану сердиться из-за этого на себя или на него.

70. Я заметил у частных воспитателей нелюбовь к неискренним детям.

Я хотел бы обратить внимание воспитателей на то, что рабство, в каком мы держим детей, воспитывает в них ложь, умение злоупотреблять нашим расположением, лицемерное угодничество, комедию привязанности из расчета. Поражены этим недугом в разной степени все.

Загляни в души твоих «неискренних». Бедные дети! Иногда это самолюбивые, но без реальных к тому данных (а может, просто непонятые?); иногда это слабые физически и некрасивые, всеми гонимые; иногда это приучаемые на стороне к ханжеству, калечимые и порченные как тобой самим, который их не любит, так и теми, кто, не замечая фальши их привязанности, благодарности и образцовости, наделяет их особыми правами.

Если такой холодный, злой ребенок подошел к тебе и приласкался, ты, хотя и знаешь, что он это сделал из расчета, не вправе его оттолкнуть. Может быть, он просто не умеет по-другому, а может, другие, которые тебя обманывают привлекательнее и ловчее, еще более лживы, ибо вошли в роль?

Среди тех, кто вертится около тебя больше, чем тебе бы хотелось, может, есть слабые и нелюбимые, желающие, чтобы ты окружил их заботой, защитил от обид?

Может, кто-нибудь им шепнул: будь поприветливее, дай букетик, поцелуй – и попроси. Может быть, ребенок следует указанию машинально, вопреки своей сухой, но искренней натуре, а значит, по приказу, неловко и неумело?

Меня удивило, когда один из мальчиков, сдержанный, старчески сухой, замкнутый в себе мизантроп, стал вдруг со мной душевным – первым смеялся над моими шутками, шел впереди, прокладывая дорогу, предупреждал желания. Делал он это неловко, явно желая привлечь внимание к своим поступкам. Так

продолжалось довольно долго, мне было неприятно, но я скрывал. Когда, наконец, он попросил принять в Дом Сирот его младшего брата, я почувствовал, как на глаза мои навертываются слезы: бедняга, каких ему стоило усилий быть так долго тем, чем он по существу не был!

71. Ребята, не любимые другими ребятами, и ребята-любимцы, коноводы.

Важная тема, разработка ее даст ключ к загадочным жизненным успехам не за счет душевных качеств или силы, а чего-то неуловимого и нам неизвестного.

У красивых, здоровых, веселых, инициативных, смелых, талантливых ребят всегда есть товарищи, союзники, поклонники; у чересчур честолюбивых бывают и враги. Отсюда враждебные лагери. В детском коллективе случаются и мимолетные любимцы, дети возвышают их, чтобы потом порадоваться их падению.

Не удивительно, если ребенка, который умеет организовать игры, знает сказки, любит и умеет играть, охотно принимают товарищи; он оделяет своей веселостью и задором, как другой яблоками и грушами. И в конце концов, что и любить детям, как не изобилие сластей или богатство духа, дающего им радость?

Дети не любят размазней и надоед, но кто они, эти размазни и надоеды, как не слабые телом и бедные духом? Вот и идут они к воспитателю: ведь ничего не давая ребятам сами, они ничего и не получают взамен.

Так оно и должно быть, что больше всего на тебя посягают, теснее всего тебя обступают не наиболее стоящие дети. Не требуй для них всей полноты прав, они и сами немногого требуют.

Но и не отталкивай их.

72. Ребенок старается,

а я добавлю, и имеет право использовать все свои плюсы, все положительное, что в нем есть, чтобы обратить на себя внимание: приятную внешность, ловкость, память, хорошо подвешенный язык, звучный голос, происхождение. Если, не переубедив, мы станем ему мешать, мы вызовем у него неприязнь, и он усмотрит в нашем поступке придирку, а может, и зависть.

– Это наш певец, это наш гимнаст.

Может быть, это неправильно? Может быть, это портит? А может быть, только придает ребенку храбрости прямо сказать то,

что думает: да, он гордится, что лучше всех поет, что он самый ловкий.

Разве не бестактнее грубо сказать:

«Думаешь, раз хорошо поешь, раз у тебя отец войт[26], так уж тебе все можно?»

Или:

«Думаешь, обманул своей улыбкой?»

Или:

«Ты целуешь, потому что тебе что-то надо!»

Да, это так, но ты и сам так поступаешь.

Разве не подменяешь ты памятью отсутствие собственных мыслей или способностью логически мыслить отсутствие памяти? Не стараешься добиться послушания с помощью улыбки, так как не умеешь или не любишь прибегать к угрозам? Не хочешь исправить, целуя?

Разве сам ты не скрываешь своих пороков и недостатков?

Почему ты лишаешь ребенка права, которым пользуешься сам, хотя и располагаешь колоссальными преимуществами возраста и власти?

У огромного большинства детей еще нет ума. У них смекалка. Локк называет смекалку обезьяной разума[27]. Чем более благоприятные условия созревания создашь ты своим воспитанникам, тем скорее твои забавные обезьянки превратятся в людей.

73. Дети опаздывающие, последние – вот мерило терпения воспитателя.

Звонок. Непосвященные не знают, сколько нужно усилий со стороны воспитателя и сколько упорства и доброго желания со стороны детей, чтобы эта сотня по данному сигналу явилась в полном составе.

Еще только одна строка не переписанного до конца стиха, один номер в лото, одно слово неоконченного разговора, не до конца главы, а только до точки дочитанная сказка.

Уходя из класса, ты ждешь, чтобы закрыть дверь. Крича и толкаясь, летят сломя голову все, кроме одного или двух, и ты обязан ждать, пока они в последнюю минуту чего-нибудь не наденут или не вынут.

Выдаешь башмаки, пальто – то же самое.

И ты стоишь и ждешь у открытого шкафа – у лампы, чтобы ее погасить, – у ванны, чтобы спустить воду, – у стола, чтобы собрать посуду, ждешь этого одного или двух, чтобы начать или

закончить какую-нибудь работу. А у них вечно то затеряется шапка перед самым уходом, то сломается перо в начале диктанта.

«Скорее! Ну, пошевеливайся!.. И долго это будет продолжаться?.. Когда же ты, наконец, соизволишь?..»

Не сердись, такими они и должны быть.

74. Запрещение на первый взгляд не обременительное. Но борешься безрезультатно: ребята не слушаются. Не сердись.

Мы запретили по вечерам разговаривать в спальне.

– Целый день в вашем распоряжении, могли наболтаться. А теперь спать.

Видно, что-то не позволяет подчиниться этому, казалось бы, справедливому требованию, раз ребята разговаривают вполголоса, шепотом. Стоит шум. Прикрикнешь – тишина, но ненадолго. Сегодня, завтра, вчера – то же самое. Значит, осталось только взяться за палку – применить насилие – или дознаться, в чем дело.

– О чем ты вчера разговаривал в спальне?

– Я ему рассказывал, как мы жили дома, когда еще папка живой был.

– Я у него спросил, почему поляки не любят евреев?

– Я говорил, пусть исправится, тогда вы на него не будете злиться.

– Я говорил, что, когда я вырасту большой, я поеду к эскимосам и научу их читать и строить дома.

Грубым окриком: «Тихо там» – я прервал бы эти четыре разговора.

Вместо проступка перед тобой раскрылись сокровенные думы и заботы твоих детей. В шуме и ярмарочной суете нет места тихим признаниям, печальным воспоминаниям, дружеским советам, вопросам по секрету. Тебе надоедает шум с утра и до ночи и хочется перед сном хотя бы минуту покоя – того же хотят и дети…

По утрам ты запрещаешь им разговаривать до определенного часа? И что делать тому, кто проснулся раньше, кто каждый день просыпается раньше?

И в этой бесцельной борьбе за утреннюю тишину в спальне одержали победу дети, а я сделал открытие, если и не основополагающее, то уж, во всяком случае, первостепенной важности.

75. Другой пример.

Мне часто случалось задавать детям вопросы:

«Что поделываешь, что у тебя слышно, почему ты такой невеселый, как поживают твои домашние?»

И часто слышать в ответ:

«Да ничего, все в порядке, я не невеселый».

Я был доволен: на то, чтобы показать ребенку, что я им интересуюсь и к нему расположен, я тратил ничтожные доли минуты. Проходя мимо, я часто гладил кого-нибудь по головке.

Через некоторое время я обратил внимание на то, что дети не любят ни эти ласки, ни вопросы. Одни отвечали нехотя, как бы с некоторым смущением; другие с холодной сдержанностью, а то и с иронической улыбкой. Раз ко мне обратился по довольно важному делу мальчик, всего минуту назад давший стандартный ответ на вопрос. От поглаживания по головке дети, в другое время нежные и чувствительные, явно уклонялись.

Признаюсь, это меня раздражало, я сердился и наконец понял. В этих привычных, небрежно брошенных вопросах ребенок не видит ни искреннего интереса, ни возможности обратиться с просьбой. Он прав: подавая целую коробку конфет, ты рассчитываешь, что гость возьмет одну и не самую большую. Ты потчуешь ребенка долей минуты, он дает тебе требуемый ответ: «Все в порядке», но, исполнив долг вежливости, остается в обиде на тебя за притворный интерес к его особе, не желая, чтобы к нему обращались, чтобы только отделаться, мимоходом.

– Ну как, вам лучше? – спрашивает врач на обходе в больнице.

По тону голоса и движениям больной видит, что врач торопится, и нехотя отвечает:

– Спасибо, лучше.

76. Дети не привыкли к фальши светских условностей и, добавлю, к обычной лжи нашей разговорной речи.

«Просто руки опускаются. – За обедом должно быть тихо, как в церкви. – На нем все так и горит. – Что ни возьмет в руки, все ломает. – Сто раз тебе говорил, больше уже я повторять не стану».

Для ребенка все это ложь.

И как ему только не стыдно говорить, что у него руки опускаются, раз он ими все время двигает? А в церкви вовсе не тихо. Штаны не сгорели, а порвались, когда он лез через забор, и их можно заштопать. Он очень много вещей берет в руки и не ломает, а если одна и сломалась, так это с каждым может случиться. Сто раз не говорили, а самое большее пять, и еще не

раз повторят.

– Ты что, оглох?

Нет, не оглох. Этот вопрос – тоже ложь.

– На глаза мне не показывайся!

И это запрещение – ложь, ведь велят же ему обедать вместе со всеми?

Сколько раз ребенок готов взбунтоваться, предпочитая получить несколько колотушек, «только бы это противное пиление кончилось!».

Быть может, убежденный в том, что воспитателей надо уважать, ребенок страдает, видя, как это уважение рассыпается в прах? Ведь насколько ребенку легче подчиняться, когда он действительно убежден в их моральном превосходстве.

77. Мы ввели в Доме Сирот реформу: за завтраком, обедом и ужином ребята получают хлеба сверх нормы, сколько хотят.

Нельзя только разбрасывать и оставлять недоеденным. Бери столько, сколько можешь съесть. Ребята не сразу приобретают соответствующий навык, ведь для многих свежий хлеб – лакомство.

Вечер, ужин окончен, малышей послали спать.

В этот момент одна из старших девочек, откусив небольшой кусочек хлеба, демонстративно швыряет остаток порции на стол, за которым я сижу, и идет дальше, шаркая ногами. Я был так изумлен, что не нашел ничего сказать, кроме: «Гадкая, наглая девчонка». В ответ презрительное пожатие плечами – слезы – обиженная, она направляется в спальню.

Я удивился, когда застал ее вскоре в постели и уже спящей.

Несколько дней спустя я понял причину этого, казалось бы, явно нелепого поступка, когда та же самая девочка заявила, что хочет ложиться спать раньше, вместе с маленькими.

Самолюбивая, она не сразу могла решиться на такое унижение – ложиться спать вместе с малышами. И вот полусознательно или подсознательно спровоцировала меня на вспышку гнева, чтобы иметь повод обидеться, расплакаться и раньше, чем положено, лечь спать…

Несколько слов о ее шаркающей походке.

Ходила она не поднимая ног, а везя их по полу. Некоторым детям это нравилось, и они стали ей подражать. Эта старческая походка у ребенка казалась мне неестественной, смешной, безобразной и, добавлю, какой-то неуважительной. Несколько позже я заметил, что такая походка не только естественна, но и

свойственна детям в период интенсивного развития. Это походка усталых.

Когда я занимался частной практикой, я не раз спрашивал:

– А вы заметили, что у вашего ребенка изменилась походка?

– Да, да, идет, надуется, точно принцесса какая. Ну просто беда, а иной раз и злость разбирает. Волочит ноги, словно столетняя старуха или бог весть как наработалась.

78. Разве уже этот один пример не доказывает, как тесно связан духовный мир с его физиологической основой?

Как ошибаются те, кто считает, что, бросив больницу ради интерната, я предал медицину! После восьми лет работы в больнице я достаточно ясно понял, что все, что не настолько случайно, как проглоченный гвоздь или сбившая ребенка машина, можно познать лишь в результате многолетнего клинического наблюдения, и притом ежедневного, в мирные периоды благополучия, а не изредка, во время болезни-катастрофы.

Берлинская больница и немецкая медицинская литература научили меня думать о том, что мы уже знаем, и постепенно и систематически идти вперед. Париж научил меня думать о том, чего мы не знаем, но желаем, должны и будем знать. Берлин – это будничный день, полный мелких забот и усилий. Париж – это праздник завтра с его ослепительным предчувствием, могучей надеждой, неожиданным триумфом. Силу желания, боль неведения, наслаждение поисков дал мне Париж; технику упрощений, изобретательность в мелочах, гармонию деталей я вынес из Берлина.

Великий синтез ребенка – вот о чем грезил я, когда, раскрасневшись от волнения, читал в парижской библиотеке удивительные творения французских классиков-клиницистов.

79. Медицине я обязан техникой исследования и дисциплиной научного мышления.

Как врач я констатирую симптомы: я вижу на коже сыпь, слышу кашель, чувствую повышение температуры, устанавливаю при помощи обоняния запах ацетона изо рта ребенка. Одни я замечаю сразу, те, что скрыты, ищу.

Как у воспитателя у меня тоже есть свои симптомы: улыбка, смех, румянец, плач, зевок, крик, вздох. Как бывает кашель сухой,

с мокротой и удушливый, так бывает и плач в три ручья, в голос и почти без слез.

Симптомы я устанавливаю беззлобно. У ребенка жар, ребенок капризничает. Я стараюсь снизить температуру, устраняя по мере возможности причину, ослабляю напряжение каприза, насколько это удается, без ущерба для детской психики.

Когда я не знаю, почему мое вмешательство как врача не приносит желательного результата, я не сержусь, а ищу. Когда я замечаю, что мое распоряжение не достигает цели и приказ не исполняется многими или одним, я не сержусь, а исследую.

Иногда на первый взгляд мелкий, ничего не значащий симптом говорит о великом законе, а изолированное явление глубоко связано с важной проблемой. Как для врача и воспитателя для меня нет мелочей: я внимательно наблюдаю то, что кажется случайным и малоценным. Легкая травма иногда разрушает хорошо устроенные послушные, но хрупкие функции организма. Микроскоп открывает в капле воды заразу, опустошающую города.

Медицина показала мне чудеса терапии и чудеса человеческих усилий подсмотреть тайны природы. Работая врачом, я много раз видел, как человек умирает и с какой безжалостной силой, разрывая материнское чрево, пробивается в мир к жизни созревший плод, чтобы стать человеком.

Благодаря медицине я научился кропотливо связывать распыленные факты и противоречивые симптомы в логичную картину диагноза. И обогащенный сознанием мощи законов природы и гения научной мысли человека, останавливаюсь перед неизвестным: ребенок.

80. Сердитый взгляд воспитателя, похвала, выговор, шутка, совет, поцелуй, сказка в качестве награды, словесное поощрение

– вот лечебные процедуры, которые надо назначать в малых и больших дозах, чаще или реже, в зависимости от данного случая и особенностей организма.

Существуют аномалии, искривления характера, которые надо терпеливо лечить у ортофренолога. Существует врожденная или благоприобретенная душевная анемия. Существует врожденная слабая сопротивляемость моральной заразе. Все это можно распознать и лечить. Слишком поспешный и потому ошибочный диагноз и несоответствующее или чрезмерно энергичное лечение приводят к ухудшению.

Голод и пресыщение в сфере духовной жизни так же материальны, как и в жизни физической. Ребенок, изголодавшийся по советам и указаниям, поглотит их, переварит и усвоит, а перекормленный моралью – испытает тошноту.

Ребячья злость одна из самых важных и любопытных областей.

Рассказываешь ему сказку – не слушает. Ты не понимаешь почему, но вместо того, чтобы удивиться, как естествоиспытатель, выходишь из себя, сердишься.

– Не хочешь слушать, ладно… Потом и попросишь – не расскажу.

– Ну и не надо, – отвечает ребенок.

А и не скажет, так подумает: по жесту, по выражению лица видишь, что он не нуждается в твоей сказке.

Целуя и обнимая маленького сорванца, я просил его исправиться. Мальчуган расплакался и сказал с отчаянием:

– Ну разве я виноват, господин воспитатель, что вы как раз не любите озорных, а только растяп? Вон велите-ка ему стать озорным, он тоже вас не послушает.

Его слезы не означали раскаяния. Он не протестовал против моих ласк и приторных речей, считая их заслуженным суровым наказанием за свои многочисленные прегрешения. Он только думал о своем будущем безнадежно: «Этот симпатичный, но глупый воспитатель не может понять, что я не могу быть другим. Зачем он так строго наказывает меня поцелуями, я ненавижу, когда целуют, дал бы уж лучше подзатыльник или велел бы все лето ходить в рваных штанах».

81. Суммируя результаты, которые дало клиническое наблюдение в больнице,

я спрашиваю: а что же нам дал интернат? Ничего.

Я спрашиваю у интерната: сколько часов сна необходимо ребенку? В учебниках гигиены приводится какая-то переписываемая из книжки в книжку неизвестно кем составленная таблица. Таблица гласит, что чем ребенок старше, тем меньше нуждается в сне – ложь. В общем, дети требуют меньше сна, чем мы привыкли думать и, добавлю, чем мы бы хотели. Количество часов сна колеблется в зависимости от стадии развития, в какой находится ребенок: часто тринадцатилетние ложатся спать вместе с маленькими, а десятилетние в это время бодры и не слушаются книжных предписаний.

Тот же самый ребенок сегодня не может дождаться звонка,

чтобы вскочить с постели, независимо от погоды и температуры в спальне, а через год вдруг становится вялым, просыпается с усилием, потягивается, медлит и от холода в спальне приходит в отчаяние.

Аппетит у ребенка: не ест, не хочет, отдает другим, увиливает, обманывает, только бы не есть.

Проходит год: не ест, а просто пожирает – крадет из буфета булки.

А любимые и ненавистные блюда?

На вопрос, какие у него два самых сильных огорчения, мальчик отвечает: «Первое, что у меня умерла мама, а второе, что меня заставляют есть горошницу».

А бывают дети, которые съедают и по три порции горохового супа.

Но разве можно говорить об индивидуальных особенностях, не зная общих законов?

А эта детская манера горбиться, когда ребята через некоторое время выпрямляются и опять сутулятся? Бледные набирают румянца и снова бледнеют. Уравновешенные становятся вдруг капризными, упрямыми, непослушными, чтобы через некоторое время опять прийти в равновесие – «исправиться».

Сколько мышьякового распутства и ортопедического надувательства исчезло бы в медицине, знай мы весны и осени развития ребенка! Да и где детей исследовать, как не в интернатах? Задача больницы – изучать болезни, резкие изменения, яркие симптомы; вся же ювелирная отделка гигиены, микронаблюдение малейших отклонений должны вестись в интернате.

82. Мы не знаем детей, хуже того – знаем по предрассудкам.

Просто стыд берет, когда на какие-то два-три произведения, действительно писавшиеся у колыбели, ссылаются все до омерзения. Просто стыд берет, когда первый попавшийся добросовестный работник становится авторитетом чуть ли не во всех вопросах. Мельчайшей детали в медицине посвящена более обширная литература, чем в педагогике целым разделам науки. Врач в интернате почетный гость, а не хозяин. Не удивительно, что кто-то съязвил, что реформа интерната – это реформа стен, а не душ. Здесь все еще царит не изучение, а нравоучение.

Читая старые клинические работы, мы видим кропотливость исследований, которая вызывает у нас порой смех и всегда удивление: например, подсчитывалось количество сыпинок на

коже при сыпных заболеваниях; врач дни и ночи не отходил от больного. Медицина теперь вправе несколько забросить клинику – возложить надежды на лабораторию. А педагогика, перескочив через клинику-интернат, сразу взялась за лабораторные работы.

Я провел в интернате каких-нибудь три года (за это время можно успеть приглядеться) и не удивляюсь, что собрал целую сокровищницу наблюдений, планов и предположений; в этом эльдорадо еще никто не был, о его существовании не знают.

83. Мы детей не знаем.

«Ребенок дошкольного возраста», «школьный возраст» – это полицейское деление там, где существует школьная рекрутчина. Период прорезывания молочных зубов, постоянных зубов, период полового созревания. Нечего удивляться, что при современном состоянии наблюдений за ребенком мы заметили только зубы и волосы под мышками.

Мы не умеем объяснить даже те противоречия в детском организме, которые бросаются в глаза: с одной стороны, жизнеспособность клеток, с другой – уязвимость. С одной стороны, возбудимость, выносливость, сила; с другой – хрупкость, неуравновешенность, утомляемость. И ни врач, ни воспитатель не знают, является ли ребенок существом «неутомимым» или хронически усталым.

Сердце ребенка? Знаю. У ребенка два сердца: центральное, переутомленное, и периферийное, в эластичных сосудах. Поэтому пульс так легко исчезает, но зато и легко восстанавливается.

Но почему у одних детей под влиянием сильного возбуждения пульс замедленный, с перебоями, а у других учащенный и без перебоев? Почему одни бледнеют, а другие краснеют? Кто прослушивал сердце у ребят, перескочивших сто раз через веревочку? Не в том ли причина кажущейся живучести, неутомимости ребенка, что у него нет опыта расходования энергии до предела? Почему пульс у девочек под влиянием сильного возбуждения более частый, чем у мальчиков; и что это значит, когда у мальчика пульс реагирует «по-девичьи», а у девочки – «по-мальчишески»?

Все эти вопросы не интернатского врача, а интернатского врача-воспитателя.

84. Воспитатель говорит: «Мой метод, мой взгляд».

И он вправе так говорить, даже если имеет слабую теоретическую подготовку и всего несколько лет работал.

Но пусть он докажет, что этот метод или взгляд подсказаны ему опытом работы в таких-то условиях, в такой-то области, на таком-то материале. Пусть обоснует свою позицию – приведет примеры, подкрепит аргументами.

Даю ему право даже на то, что является самым трудным и рискованным: право предрекать, предсказывать, что выйдет из данного ребенка.

Но пусть его никогда не покидает сознание, что он может ошибаться. Пусть ни один из его взглядов не станет ни непререкаемым убеждением, ни убеждением навсегда. Пусть сегодняшний день всегда будет только переходом от суммы вчерашних наблюдений к завтрашней, еще большей.

Каждый вопрос и каждый факт должны рассматриваться независимо от общих воззрений. Факты противоречат друг другу, и только по количеству их там и здесь можно делать предположения об общих законах.

Только при соблюдении всех этих условий работа воспитателя не будет ни монотонной, ни безнадежной. Каждый день принесет что-либо новое, неожиданное, необыкновенное, обогатит еще одним данным.

Необычная или редкая жалоба, ложь, спор, просьба, проступок, проявление непослушания, жульничества или геройства станут для него тогда столь же ценны, как для коллекционера или ученого редкая монета, окаменелость, растение, положение звезд в небе.

85. И только тогда он полюбит каждого ребенка разумной любовью, заинтересуется его духовной сущностью, потребностями и судьбой.

Чем ближе он станет ребенку, тем больше заметит в нем черт, достойных внимания. И в исследовании найдет и награду и стимул к дальнейшему исследованию, к дальнейшим усилиям.

Пример:

Злая, некрасивая, назойливая девчонка. Если и принимает участие в игре, то, чтобы ее расстроить. Задирает, чтобы пожаловаться, когда обидят. Проявишь внимание – наглеет. Слабое умственное развитие, стремлений нет, чувствительность отсутствует, никакого самолюбия, бедное воображение.

Я люблю ее как естествоиспытатель, который приглядывается к какому-либо жалконькому злому существу – и поди ж ты,

уродился этакий уродец, этакая золушка природы!

* * *

…Я строго предупредил:

– Чтобы ты мне не смел вставать с постели!

И вернулся к прерванным вечерним перевязкам.

Когда через минуту в спальне раздалось тревожное: «Господин воспитатель!» – я уже знал, что это значит.

Ясно, не послушался и встал, чтобы свести счеты с приятелем.

Я молча дал ему несколько шлепков по руке и, накинув ему на плечи одеяло, повел к себе в комнату.

Раньше, полгода тому назад, он упирался бы, вырывался, хватался за спинки кроватей и дверные косяки. Сегодня у него уже есть опыт нескольких неудачных попыток, и он идет. Удивительно точно размерен шаг: чуть быстрее значило бы, что сдается, чуть помедленнее – было бы уже сопротивлением. Я слегка подталкиваю его ладонью, лишь настолько, чтобы знал, что он идет недобровольно.

Он идет, а на его лице тень, словно душу его окутала черная туча и вот-вот прольется ливнем.

Стоит, опершись о стенку, опустив голову, не дрогнет.

Я кончаю мелкие процедуры: мажу йодом поцарапанный палец, вазелином – потрескавшиеся губы, капля глицерина на руки, ложка микстуры от кашля…

– Можешь идти.

Я иду следом – а ну как ударит по дороге? Нет, покосился только, замедлив шаг, может быть, дожидаясь, – пусть только тронет, пусть скажет: «Ага, в углу стоял!»

Дошел до своей кровати, лег, накрылся с головой одеялом, может быть, нарочно притих, чтобы я шел к себе.

Я хожу между рядами кроватей.

Вот был уже на пути к исправлению, а сегодня опять плохой день. Хлопнул дверью со зла, а дверь стеклянная. Стекло треснуло. А сказал, что это ветер, сквозняк, – я поверил.

Когда прыгали через веревочку, не хотел соблюдать очередь, а не дали, обиделся, не прыгал и всем мешал. Ребята наябедничали. Ужина не съел: не понравилась булка, а дежурный не захотел обменять.

Трудно объяснить ребятам, что ему следует больше прощать, чем им.

Шум засыпающей спальни стихает. Особенная минута,

удивительно тогда легко и хорошо думается.

Моя научная работа.

Кривые веса, графическое изображение развития, данные изменения роста, прогноз соматической и психической эволюции. Сколько надежд – какой же результат? А если никакого?

А разве мало с меня испытывать чувство радостной благодарности, что дети растут и крепнут? Разве уже одно это не достаточная награда за труд? Разве не вправе я бескорыстно читать природу: пусть зеленеют всходы?

Вот журчащий ручей, вот нива, сад, шумящий листвой. И задавать вопросы зернам колыхающихся колосьев, спрашивать капли об их назначении?

К чему обкрадывать природу, пусть хранит свои тайны.

Вот спят дети. И пожалуй, у каждого есть хоть один грех: например, оборвал и не пришил пуговицу. Как все это мелко в перспективе грозного завтра, когда ошибка порой мстит за себя целой разбитой жизнью.

Такие спокойные и тихие…

Куда мне вести вас? К великим идеям, высоким подвигам? Иль привить лишь необходимые навыки, без которых изгоняют из общества, но научив сохранять свое достоинство? Имею ли я право за эти жалкие крохи еды и заботы в течение нескольких лет требовать, приказывать и желать? Может быть, для любого из вас свой путь, пусть на вид самый плохой, будет единственно верным?

Тишину сонных дыханий и моих тревожных мыслей нарушает рыдание.

Я знаю этот плач, это он плачет. Сколько детей, столько видов плача: от тихого и сосредоточенного, капризного и неискреннего до крикливого и бесстыдно обнаженного.

Неприятно, когда дети плачут, но только это рыдание – сдавленное, безнадежное, зловещее – пугает.

Сказать «нервный ребенок» – этого мало. Как часто, не зная существа дела, мы удовлетворяемся мало знакомым названием. Нервный, потому что говорит во сне, нервный, потому что чувствительный, – живой – вялый – быстро утомляющийся – не по летам развитый – progenere, как говорят французы.

Редко, но бывают дети, которые старше своих десяти лет. Эти дети несут напластования многих поколений, в их мозговых извилинах скопилась кровавая мука многих страдальческих столетий. При малейшем раздражении имеющиеся в потенции боль, скорбь, гнев, бунт прорываются наружу, оставляя впечатление несоответствия бурной реакции незначительному раздражению.

Не ребенок плачет, то плачут столетия; причитают горе да печаль не потому, что он постоял в углу, а потому, что их угнетали, гнали, притесняли, отлучали. Я поэтизирую? Нет, просто спрашиваю, не найдя ответа.

Чувства должны быть очень напряжены, если любой пустяк может вывести из равновесия. И должны быть негативными, раз с трудом вызовешь улыбку, ясный взгляд и никогда – громкое проявление детской радости.

Я подошел к нему и произнес решительным, но ласковым шепотом:

– Не плачь, ребят перебудишь.

Он притих. Я вернулся к себе. Он не заснул.

Это одинокое рыдание, подавляемое по приказу, было слишком мучительно и сиротливо.

Я встал на колени у его кровати и, не обращаясь ни к какому учебнику за словами и интонациями, заговорил монотонно, вполголоса.

– Ты знаешь, я тебя люблю. Но я не могу тебе все позволить. Это ты разбил окно, а не ветер. Ребятам мешал играть. Не съел ужина. Хотел драться в спальне. Я не сержусь. Ты уже исправился: ты шел сам, не вырывался. Ты уже стал послушнее.

Он опять громко плачет. Успокаивание вызывает иногда прямо противоположное действие, возбуждает. Но взрыв, выигрывая в силе, теряет в продолжительности. Мальчик заплакал в голос, чтобы через минуту затихнуть.

– Может, ты голодный? Дать тебе булку?

Последние спазмы в горле. Он уже только всхлипывает, тихо жалуясь исстрадавшейся, обиженной, наболевшей душой.

– Поцеловать тебя на сон грядущий?

Отрицательное движение головы.

– Ну, спи, спи, сынок.

Я легонько дотронулся до его головы.

– Спи.

Боже, как уберечь эту впечатлительную душу, чтобы ее не залила грязь жизни?

.

Летние колонии

…Скажи лучше, с какими надеждами ты сюда шел, какие питал иллюзии, какие повстречал трудности, как страдал, столкнувшись с действительностью; какие делал ошибки, как, исправляя их, был вынужден отступать от общепринятых взглядов, на какие шел компромиссы…

1. Я многим обязан летним колониям.

Здесь я впервые столкнулся с детским коллективом и на практике изучил азбуку самостоятельной педагогической работы.

Полный иллюзий, лишенный опыта, юный и сентиментальный, я думал, что, много желая, я многого достигну.

Я верил, что добиться любви и доверия ребячьего мирка легко; в деревне ребятам следует дать полную свободу, мой долг – быть со всеми ровным, каждый малолетний грешник, отнесись к

нему хорошо, сразу раскается.

Я стремился сделать детям чердаков и подвалов их четырехнедельное пребывание в колонии «сплошной полосой веселья и радости», без единой слезы.

Бедные мои милые друзья, вы, кто, как и я тогда, не может дождаться, когда наконец настанет эта минута! Мне жаль вас, если, расхоложенные с самого начала, поколебленные в самых основах, приписывая вину себе, вы не сумеете быстро восстановить душевное равновесие.

Чужой опыт искушает вас, говоря:

«Видишь? Не стоит! Поступай, как я: заботься о собственном удобстве, не то полетишь ко всем чертям на радость завистникам, не принеся пользы детям, которым хочешь служить. Не стоит!»

Ты зависишь от людей опытных. Они, что ни говори, справляются со своим делом, а ты, сознайся искренне, стоишь, опустив руки в недоумении.

Бедняги, как мне вас жаль!

2. Такая легкая и благодарная задача! У тебя тридцать детей (из ста пятидесяти) и никакой программы.

Делай как знаешь. Игры, купание в речке, экскурсии, сказки – полная свобода инициативы. Экономка позаботится о еде, товарищи-воспитатели в случае чего помогут, прислуга присмотрит за порядком, деревня одарит вас прекрасными местами, солнышко – ласковыми улыбками.

Ожидая с нетерпением дня отъезда, я обдумывал отдаленные второстепенные детали, не предчувствуя ближайших серьезных задач. Раздобыл граммофон и волшебный фонарь, достал фейерверки, купил про запас шашки и домино – может быть, их не окажется среди игрушек.

Я знал, что детей придется переодеть в колонистское платье, разместить кого в спальне, кого у себя, и уж конечно изучить фамилии и лица моих тридцати ребят, а может быть, и всех ста пятидесяти. Но я об этом совершенно не думал – сделается, мол, само собой! Думая о детях, я не задавался вопросом, кто они.

Я поддался обаянию стоявшей передо мной задачи, наивно поверив в ее легкость.

3. Как запомнить тридцать фамилий, подчас трудных и схожих, и тридцать лиц?

Ни в одном из учебников об этом не упоминается, а без этого нет авторитета воспитателя и нельзя приступить ни к какому систематическому воспитанию.

Здесь возникают вопросы: какие дети и какие фамилии прежде всего запоминаются? Каковы индивидуальные особенности зрительной памяти воспитателя? И как все это сказывается на судьбах детей и вообще на работе воспитателя в учреждениях со значительным количеством ребят?

Опыт показывает, что одни дети запоминаются сами, других надо запоминать. Здесь нельзя полагаться на время, потому что, прежде чем наконец ты всех изучишь, ты наделаешь много ошибок, зачастую ставя себя в неловкое положение.

Скорее всего запоминаются калеки и ребята с особой приметой, необычные – очень маленькие или очень высокие, самые старшие, горбатые, рыжие, на редкость красивые или безобразные. Порой фамилия привлекает внимание воспитателя еще до того, как он увидел самого ребенка. Часто успех папирос или лекарства зависит от удачного названия или упаковки – к сожалению, то же бывает и с людьми.

Из целого моря впечатлений мы выхватываем легче всего запоминающиеся: при оценке человеческих качеств – то, что проще всего заметить и правильно оценить.

4. Для ребенка важно, конечно, чтобы его знали.

Особенно ребенка, обладающего некоторыми положительными качествами или умеющего в них принарядиться.

Ведь мы общаемся главным образом с детьми, которых мы знаем, – даем им поручения, то есть возможность сблизиться с нами, найти общий язык, отличиться. И они чувствуют себя увереннее, ближе к нам – они уже привилегированные.

Ребенку приятнее обратиться с просьбой или вопросом к воспитателю, который его знает, да и воспитатель охотнее выслушает ребенка, о котором он слышал, кого помнит, знает в лицо. То, чего заурядному ребенку приходится добиваться, ребенку с запоминающейся внешностью или фамилией дается само собой.

Остающиеся в тени ребята, чувствуя несправедливость или, наоборот, поверив в простоте души в свою никудышность, сторонятся тебя еще больше. Теперь, желая ближе познакомиться, ты должен суметь подойти к ним. Иначе ты их лишаешь своей помощи и совета, предоставляя в конфликтах с толпой ребят собственным силам и переживаниям.

В каждой конторе, на каждой фабрике, в каждой казарме есть свои обездоленные судьбой потому лишь, что начальник незнаком с ними, не знает о них, не помнит. Так подчас пропадают зря ценные силы.

И дети, быстро приобретя опыт, ждут при первой встрече с тобой: маленький Мицкевич[28] или Собеский[29] – шутливого вопроса, красивенький – приветливой улыбки, а дурнушка-рыжик или Баран наперед знают, что от нового окружения жди новой беды. И если ты на красивенького, самоуверенного лишь подольше и повнимательнее взглянул, а злополучную фамилию прочел быстрее и тише, ты уже оправдал надежды первого и подтвердил опасения второго.

5. вспыльчивых или надоедливых и плохо воспитанных или воспитанных лучше, чем обычно,

скорее всего, познаешь на основании внутренних достоинств и недостатков.

Сами о себе дают знать, сея тревогу, проделки озорников и плаксивые визги зануд; дети из бедных семей доставляют хлопоты своим одичанием; дети из более обеспеченных семей и подхалимы привлекают внимание хорошими манерами. Будут там, наконец, и ребята проворные и себе на уме, которые силком навяжут тебе помощь, совет, справку.

И все эти дети: красивенькие, с громкой фамилией или из состоятельных семей – настойчиво требуют, чтобы я признал их и выдвинул на первый план из серой толпы, которая должна остаться в тени, и удивляются, если я не делаю этого сразу, и возмущаются, если я этого вообще не хочу делать, и используют все способы борьбы, какие в ходу у взрослых.

Молоденький князь в школе для богатых, сынишка войта в народной школе, если сами не додумаются и не потребуют, так их кто-нибудь подучит – требуй, а не получил, чего хотел, мсти:

«Скажи, что учитель бьет, не молился, нехорошо отзывается о начальстве, плохо учит, совсем с нами не занимается». Или испачкают тебе мелом стул, загадят уборную, устроят беспорядок во время инспекторского обхода, взбунтуют бесцветных и равнодушных и втянут в некрасивую историю самых невинных, как раз тех, кого ты желаешь оградить от обид.

Радостно ожидая дня отъезда в колонию, я по своей наивности не подозревал, сколько нужно такта и осмотрительности, чтобы овладеть грозной оравой ребят.

6. Я не испытывал никаких опасений и тогда,

когда увидел, что некоторых я должен был по нескольку раз уговаривать не высовываться из окон вагона и не выскакивать на площадку.

Уже один мальчик собирался было встать в дверях и проследить, а другой записывать фамилии непослушных. Я отверг оба проекта, резко заметив:

– За собой следи, и тебе не стыдно записывать товарищей?

– Они мне не товарищи, – презрительно буркнул мальчишка.

Я по-детски возмутился.

Были и такие, которые умирали от жажды; этим я терпеливо и безрезультатно объяснял, что сразу по приезде на место они напьются молока.

Я слишком уж заботливо утешал мальчика, ревевшего потому, что его разлучили с матерью; чересчур старательно следил, как бы кто не выпал из окна, и, желая сдружиться с группой, тратил драгоценное время на пустые разговоры, вроде: «А ты уже был в деревне? А тебе жалко, что с тобой не едет младший братишка?»

Я принял от ребят деньги и открытки, стараясь поскорее покончить с этим низменным занятием: шутливо пробирая, когда кто-нибудь давал уже смятые и запачканные открытки, и с досадой успокаивая тех, кто, видя, как я бесцеремонно обращаюсь с их собственностью, предупреждал, что его открытки чистые, а сдаваемая на хранение монета новая и блестящая. Что делать с зубными щетками, которые они тоже хотели было мне отдать, я не знал: «Пускай пока побудут у вас».

7. я гордо констатировал,

покинув с чувством облегчения поезд, что все обошлось благополучно и все ребята налицо. Оставалась еще часть пути на лошадях.

Будь у меня крупица опыта, я мог бы предвидеть, что ребята, не предупреди их, бросятся как попало к телегам; юркие и предприимчивые захватят самые удобные места, а неуклюжие перетеряют мешки с одеждой и с этими своими несчастными зубными щетками; ребят придется пересаживать и поднимется крик и суматоха.

Порядок целиком зависит от умения предвидеть. Предвидя, я могу все предотвратить.

Отправляясь на более или менее длительную прогулку, я

обязан предупредить ребят, чтобы они сходили в уборную, не то шепнут мне по секрету, что им хочется в уборную, в трамвае или на улице…

На прогулке мы подходим к колодцу с оградой. Я останавливаю ребят:

– Встаньте парами. Будете подходить к колодцу по четыре человека.

Не предупреди я, никакие усилия не помогли бы сохранить порядок. И выйдет ли драка, потопчут ли ребята газон или развалят ограду – виноваты не дети, а неопытность воспитателя.

Все это мелочи; такой опыт при желании приобретается быстро, но отсутствие его сказывается моментально, определяя порой все дальнейшие взаимоотношения ребят и воспитателя.

Путь в колонию был для меня сущей мукой. Когда первый мальчик соскочил с телеги – надоело ехать, – мне следовало велеть ему сесть обратно, а я не сделал этого. И вот дети, проделав остаток пути частью на телегах, частью пешком, отчаянно голося, толкаясь и теряя мешки и молитвенники, возбужденные и ошеломленные, вваливаются на веранду.

8. Ни в одном учебнике педагогики не сказано,

что там, где тридцать ребят переодеваются в казенную одежду, обязательно найдутся несколько таких, кому все рубашки будут длинны или узки в плечах или в вороте.

Груды белья и верхней одежды, вертлявая разошедшаяся ребятня и отсутствие опыта у воспитателя… Переодев нескольких, и я, и дети убеждаемся, что одни добрые желания не заменяют сноровки.

С нескрываемой радостью я принял помощь экономки, которая безо всяких усилий и спешки быстро управилась не только с детьми, но и с бельем (его я успел-таки перепутать). Нескольких недовольных слишком длинными рукавами, отсутствием пуговиц или тем, что широки штаны, она успокоила, обещав завтра же все уладить.

Секрет ее триумфа, а моего поражения состоял в том, что я хотел, чтобы все было к лицу, хорошо сидело и вдобавок было красиво, а она знала, что это невозможно; я занялся несколькими (остальные ждали в нетерпении), а она сразу раздала половину рубашек, малышам – самые маленькие, средним и самым большим – большие, предоставив собственной их инициативе более точную подборку по фигуре. То же со штанами и блузами. В результате ловкие и хозяйственные ребята оказались одетыми в

свой размер, а нерасторопные и непрактичные – словно маленькие ярмарочные клоуны. Но – а это главное – когда позвонили к ужину, все ребята были переодеты, а их собственное платье упаковано в мешки, снабжено номерками и сдано в кладовую.

9. Как рассадить детей за столом?

Я не учел и эту проблему. В последнюю минуту я наспех решил, исходя из главного принципа «свобода»: пускай сидят как хотят. Я не подумал, что, в сущности, только четыре угловых места особые, а все остальные одинаковые, и, значит, из-за этих четырех мест будут ссоры, и тем крупнее, чем больше найдется на эти места любителей.

Я не учел, что споры из-за этих четырех мест будут повторяться за каждой едой, что те, кто занял их первыми, станут упорствовать, ссылаясь на право первенства, а остальные – на право равенства.

Я не учел, что при постоянной смене мест и симпатий ребята будут менять и соседей, а значит, опять ссоры при раздаче молока и супа, обладающих свойством проливаться и пропадать для еды.

Я не учел и того, что при постоянной смене мест мне будет труднее изучить ребят.

Я даже был так глуп, что предоставил детям самим выбрать себе кровати: где кто хочет. Ей-ей, если бы мне самому дали выбрать, я не знал бы, на чем остановиться. Распоряжение это было так явно нелепо, что я быстро его отменил, однако не настолько быстро, чтобы и тут не обошлось без крика и суматохи. Я уложил детей по списку и почувствовал огромное облегчение, когда наконец настала относительная тишина.

Я неясно представлял причины своего поражения, но был слишком ошеломлен, чтобы искать их источники.

10. Экономка в третий раз звала меня ужинать; остальные надзиратели давно покинули свои спальни.

Я считал, что в первый вечер не следует оставлять ребят одних: ребята могут перетрусить, плакать, но опытная экономка утверждала, что они устали и уснут. И как ей было не поверить? Действительно, большинство уже спало.

Я ушел, но ненадолго: пришлось вернуться и сделать перевязку мальчику с рассеченным пряжкой лбом; второму

воителю подбили глаз: цвет синяка менялся в течение ряда дней с красного на желтый, с желтого на черный и с черного на грязно-серый.

– Неплохо для начала сезона, – сказала экономка.

Я нашел ее замечание резким и обидным; и тем более несправедливым, что она сама уговорила меня уйти из спальни.

Следовало учесть, что если одни дети и уснут, то другие, возбужденные переменой обстановки, не смогут уснуть и, только тронь, перессорятся и передерутся. Я готовился не мирить несогласных, а утешать тоскующих и печальных, но – о диво! – тот, кто хныкал дорогой, теперь крепко спал.

Я не заметил главного: такой серьезный поступок, как драка, является грозным предзнаменованием, показывая, что мой авторитет пошатнулся уже в первый день моей незадачливой деятельности.

Добавлю, что все лицо у одного из участников драки было в оспинках; вероятно, это сыграло некоторую роль в ссоре, столь фатально закончившейся для моих радужных надежд. «Ни единой слезы» стояло в программе; а слезы были уже по дороге в колонию, и теперь – кровь.

11. Ночью я спал плохо.

Кто-то из ребят, не привыкший спать один на узкой кровати, съехал с набитого свежей соломой матраца и с шумом свалился на пол. Кто-то то ли застонал, то ли забормотал во сне; то опять мне представилось, что мальчик с подбитым глазом может потерять зрение. Нервы были натянуты, как струны.

Я проработал десять лет репетитором и не был ни юнцом, ни новичком на педагогической ниве, прочел массу книг о детской психике. Несмотря на это, я был бессилен постичь тайну коллективной души ребячьего общества. Что оно выдвигает какие-то новые требования, которые застали меня врасплох, не подлежало сомнению. Самолюбие мое страдало, овладевала усталость – как, уже?

Может быть, я и тешил еще себя надеждой, что после первого, как-никак исключительного, дня наступят те долгожданные, излучающие улыбку, но что делать, чтобы обеспечить себе спокойное завтра, я не знал.

12. Основная моя ошибка была та,

что я отмахнулся с досадой от помощи прошлогоднего дежурного: на первых порах он был бы незаменим.

И пусть стоял бы в дверях вагона и следил, и пусть даже записывал бы, если так у них всегда было. И пусть сказал бы, как сделать, чтобы ребята не прятали от меня деньги, и как ребята обычно сидят за столом, и как спят, и куда ходят купаться.

Анализ всех этих ошибок был бы бесконечно поучителен. К сожалению, если я и делал записи, то опуская неудачи, раны были слишком свежи и чувствительны. Теперь, четырнадцать лет спустя, я уже не помню подробностей. Знаю лишь, что ребята жаловались, что они голодные и болят ноги от хождения босиком; что на вилках песчинки и холодно без пелерин; знаю, опытный надзиратель возмущался, глядя на беспорядок и разболтанность у меня в группе, а экономка давала указания касательно благополучия моей особы, которой я, слишком усердствуя, наносил урон. Знаю, сторож жаловался, что ребята загадили лес и разрушали веранду – вытаскивали кирпичи из столбов; что моя группа, когда умывается, расходует больше всех воды, а ведь ее приходится накачивать в бак.

Наконец, на пятый или шестой вечер настало и это, самое худшее.

13. Ребята лежали в постели в полутемной спальне, как вдруг начался кошачий концерт.

Кто-то резко свистнул, кто-то запел, еще один залаял, зарычал, опять кто-то свистнул, и все это с некоторыми паузами, в разных углах зала.

Я понял.

А ведь у меня были сторонники среди ребят. Я беседовал с ребятами, объяснял им, обращался к ним с просьбами, встречая и понимание и хорошее отношение. Но я не умел ни выявить, ни тем более организовать положительные элементы моей группы. И вот самолюбивые и неискренние ребята, чьи надежды я обманул, а помощь с презрением отверг, быстро столкнулись между собой, воспользовавшись моей неопытностью, и, увидя мою слабость, бросили вызов.

Я медленно ходил между кроватями; ребята, как примерные, лежали с закрытыми глазами, кое-кто даже натянул на голову одеяло – и глумились напропалую, бросали вызов, бунтовали.

У нас в гимназии был учитель, вся вина которого заключалась в том, что, слишком снисходительный, он не мог справиться с классом. С ужасом вспоминаю оргии злобных

выходок, которыми мы его преследовали.

Так умеют мстить ненавистной власти лишь рабы, почуяв свою силу. И в каждой школе-деспоте всегда есть среди персонала подобная жертва, которая молча страдает, одинаково страшась начальства и детей.

За эти несколько минут, которые длились целую вечность, я пережил многое.

14. Так вот ответ на мое доброе отношение, энтузиазм, труд?

Острая боль пронзила мое сердце. Хрустальный дворец мечты рухнул, разбившись вдребезги.

Гнев и уязвленное самолюбие: я стану посмешищем в глазах тех, кого превосхожу чувствами, кого хотел переубедить, увлечь примером, быть может, заставить себя ценить.

Я встал посреди зала и спокойно глуховатым голосом заявил: «Поймаю, отколочу». Сердце готово было выскочить, губы прыгали. Меня прервал свист. Я схватил свистуна и выдрал за уши, а когда он было запротестовал, пригрозил вышвырнуть на веранду, где бегала спущенная на ночь с цепи собака.

Знаете, кого я ударил? Такого, который свистнул всего один раз, в первый раз. Зачем он это сделал, он не умел объяснить.

Какой превосходный урок дали мне дети!

В белых перчатках, с бутоньеркой в петлице я шел к голодным, холодным и обездоленным за приятными впечатлениями и сладкими воспоминаниями. Я хотел откупиться от своих обязанностей несколькими улыбками и дешевыми фейерверками; я даже не потрудился выучить фамилии, раздать белье, позаботиться о чистоте в уборной. Я ждал от ребят симпатии, закрывая глаза на пороки, взращенные в закутках столичной жизни.

Я думал о развлечениях, не о работе; бунт ребят показал мне отрицательные стороны радостных каникул.

И что же? Вместо того чтобы подвести итог своим ошибкам, я, обозлясь, науськал на парнишку собак.

Мои коллеги пришли сюда поневоле, ради заработка; я – ради идеи; может быть, дети почуяли фальшь и покарали.

15. один мальчик предупредил меня,

под вечер следующего дня, что волнения повторятся и,

вздумай я бить, ребята не дадутся – припасли палки.

Надлежало действовать быстро и энергично. Я поставил на окно яркую лампу и сразу, как вошел, забрал палки и отнес к себе: завтра, мол, возвращу.

Поняли ли они, что их предали, оробели ли из-за яркого света, зачеркнуло ли их планы отсутствие оружие для самообороны – достаточно, что я победил.

Заговор, бунт, измена, репрессии – так ответила жизнь на мои мечтания.

– Завтра я с вами поговорю, – гласило грозное обещание вместо сентиментального «спокойной ночи, детки», которым я потчевал их первые вечера.

Как победитель я проявил такт.

И опять жизнь научила меня, что истоки нашего благополучия порой лежат там, где, как полагали мы, постигла нас катастрофа, что бурный кризис – часто начало выздоровления.

Я не только не потерял расположения ребят, наоборот, наше взаимное доверие возросло. Для них это был мелкий эпизод, для меня – переломное событие.

Я понял, что дети – сила, которую можно привлечь к совместной работе или оттолкнуть, сила, с которой приходится считаться. Эту истину, по странному стечению обстоятельств, я постиг благодаря палке.

Проводя на другой день в лесу беседу, я впервые говорил с ребятами, а не ребятам, и говорил не о том, какими я хочу, чтобы они были, а о том, какими они сами хотят и какими могут быть. Может быть, именно тогда я впервые понял, что у детей можно многому научиться, что и дети требуют, ставят условия и делают оговорки, и имеют на то право.

16. Форменная одежда тяготит детей

не потому, что она одинакового покроя и цвета, а потому, что часть детей из-за несоответствующей одежды испытывает физические страдания.

Сапожник не учтет особенностей ноги ребенка, если зоркий воспитатель не заметит их, не поймет и не укажет. Дайте нюне удобную обувь, и он, может быть, станет подвижным и веселым. По уставу колонии дети летом должны ходить босиком – это большая радость для тех, кто и в городе ходил босым, и пытка для некоторых с исключительно нежной кожей. Малокровным и малоподвижным ребятам нужна более теплая одежда.

Как отличить каприз от действительной потребности в интернате, если это нелегко сделать даже в семье? Как установить границу между тем, к чему ребенок легко привыкает, что составляет мимолетное неудобство, и тем, что является особенностью его организма, индивидуальным отличием единицы в толпе?

В интернате существует единая для всех норма сна. И тут доза сна рассчитана на среднюю детскую потребность, хотя отклонения значительны. У тебя всегда будут вечно сонные дети и такие, с которыми ты вынужден тщетно бороться за утреннюю тишину в спальне. Ведь это сущая мука для ребенка лежать в постели и не спать, как и вставать, когда он еще сонный.

Наконец, единая для всех норма питания, которая не учитывает возраст и совершенно обходит стороной различие аппетитов детей приблизительно одного возраста.

Вот откуда у нас в интернате несчастные дети, неудобно или недостаточно тепло одетые, вечно клюющие носом или, наоборот, нарушающие дисциплину в отношении сна, полуголодные и голодные.

Все это вопросы первостепенной важности, решающие в деле воспитания.

17. Нет более печального зрелища,

чем голодные ребятишки, рвущиеся за добавкой или ссорящиеся из-за куска хлеба; нет фактора более деморализующего, чем торговля пищей.

На этой почве возникают острейшие разногласия между добросовестным воспитателем и добросовестной экономкой. Воспитатель быстро поймет, что голодающего ребенка не перевоспитаешь, голод – дурной советчик.

Родители могут сказать: «Хлеба нет» – и не потеряют из-за этого любви и уважения; воспитатель имеет право сказать так лишь в виде исключения, повторяю, лишь в виде исключения и лишь тогда, когда он сам голодает. Разницу между обычным средним детским рационом и большим аппетитом следует восполнять хлебом – кто сколько хочет и может съесть.

Знаю, ребята станут носить хлеб в карманах, прятать под подушку, оставлять на подоконниках и топить в уборных. Так будет с неделю, при неумных воспитателях – с месяц, но не дольше.

Можно наказать ребенка, который так поступает, но нельзя угрожать:

– Мы вам перестанем выдавать хлеб.

Более предусмотрительные тогда, опасаясь обещанных репрессий, станут делать запасы.

Знаю, ребята будут обжираться хлебом, а нормальная еда пойдет на помойку. Наверное, там, где неопрятно приготовленная невкусная пища столкнется с не вконец изголодавшимися ребятами, она будет вынуждена отступить перед не слишком заманчивым, но и не противным вчерашним хлебом.

Знаю, объестся тот или другой дуралей – заботы, волнения; но, верьте мне, он это сделает раз, другой – не больше; не имеют опыта лишь те, за кем слишком следят.

18. Несогласия будут даже там, где между экономкой и надзирателями царит полная гармония.

Если дети сыты, часть приготовленной еды иногда остается. Жаркий день, спешка из-за экскурсии, чуть подгорело молоко – а уже экономка с попреками:

– Половина каши не съедена, а вот хлеб, который нашли под верандой…

Пусть воспитатель выпьет для примера полный стакан подгоревшего молока; пусть предупредит ребят, что, если они не съедят суп, прогулки не будет; и пусть дает хлеба вволю, но небольшими кусками; пусть посчитается с печалями экономки, но выдача хлеба должна остаться, нельзя капитулировать, ни на один день нельзя.

Воспитатель склонен относиться несерьезно к заботам экономки; экономка склонна видеть эту несерьезность и там, где ее нет. Но при обоюдном добром желании несогласия будут лишь такие, какие и должны быть между людьми, которые работают в одной области, но на разных участках. Надо быть тактичным, а воспитателю, который, вспылив, может забыться и сказать: «Занимайтесь лучше своими горшками и не суйтесь к детям», – я напомню, что экономка имеет полное право ответить:

– А вы вашим ребятам получше зады подтирайте, а то прачка никак белье не отстирает.

В самом деле, если экономка обязана следить за чистотой на кухне, то воспитатель и за чистотой белья. Добрая воля подскажет им правила тактичного поведения, вразумит, что оба они служат одному и тому же доброму делу.

Если только она налицо, это добрая воля.

19. Дети уже сыты.

Ты считаешь, что преодолел сопротивление – нет, оно лишь

притаилось. Возможно, суп сегодня нарочно пересолен, а рис разварился в кисель.

Возможно, порции мяса нарочно большие и, кроме того, картошки вволю, а на десерт прокисшие вишни: «Пусть, мол, у него ребята расхвораются, увидит, чем это пахнет». Весь рис в помойном ведре, после соленого супа ребята напьются воды, а крыжовник или кислое молоко довершат остальное.

Помни, юный воспитатель, если ребенок бывает изощренно жесток, он это делает бессознательно, по подсказке. Коварство же взрослого, которому ты помеха, безгранично.

Обездоленные и забытые мстят здесь за пережитые обиды. Обманутые в честолюбивых стремлениях тешат себя здесь бесконтрольной властью, требуя почета, милостиво принимая услуги, деспотично повелевая. Серые и неспособные, смиренные и лицемерные найдут здесь хлеб ценою молчания и самой грязной работы. Если ты мешаешь им, не надейся, что они уступят без долгой, упорной и яростной борьбы; слишком быстрая и легкая победа таит в себе зачатки поражения: враг ждет, когда ты устанешь, а тем временем старается усыпить твою бдительность или собрать против тебя улики.

Если поздно вечером к тебе в комнату вошла молоденькая горничная с поручением от экономки, это может быть простой случайностью, а могло и иметь особую цель. Чем ты моложе и неопытнее, Тем осмотрительнее ты должен поступать, осторожнее говорить и быть начеку, когда что-нибудь уж очень легко тебе дается.

20. Хочешь ли ты плыть по течению,

подчиняясь власть имущим, опираясь на ловкачей и проныр, помыкая маленькими людьми, подавляя непокорных и непослушных; хочешь ли ты во все вникать, удовлетворять каждое справедливое требование, не допускать злоупотреблений и выслушивать жалобы – у тебя должны быть враги, будь ты министр или скромный воспитатель. Если ты слишком рьяно, неосмотрительно и уверенно вступишь в бой, ты обожжешься разок-другой и, быть может, потеряешь охоту продолжать экспериментировать ценою душевного спокойствия, а подчас и ценою средств к существованию и всей своей будущности. Чем легкомысленнее взлет, тем опаснее падение…

А впрочем, не верь мне, я лгу, я старый брюзга. Действуй, как тебе велит сердце, стремительно, напористо, без компромиссов и колебаний… Выживут тебя – придут новые, встанут на твое место,

поведут дальше. С нечестным – никаких сделок, разгильдяя – прочь с дороги, подлеца – в морду. У тебя нет опыта – тем лучше. Если опыт указывает дорогу, которой ты можешь ползти всю жизнь, так ты его не захочешь: лучше час, да парить в небе… А победят тебя… что ж, не будешь достопочтенным для седых и лысых, зато для юных останешься героем.

Брось кукситься – сам хотел…

Не говори, что тебя не предупредили, ввели в заблуждение, обманули…

21. Речь моя о позавчерашнем шуме была приблизительно такова: «Я побил мальчика – я поступил плохо.

Я пригрозил выбросить его на веранду, где его покусает собака, – это очень гадко. Но кто виноват в том, что я совершил два гадких поступка? Виноваты ребята, которые нарочно шумели, чтобы я разозлился. Возможно, я наказал невиновного. Но кто виноват? Виноваты ребята, которые нашалили и попрятались, пользуясь темнотой. А вчера почему было тихо? Потому что горела лампа. Значит, это вы виноваты, что я поступил несправедливо. Мне очень стыдно, но пускай и вам будет стыдно. Я сознался, а теперь вы сознайтесь. Дети бывают хорошие и плохие. Каждый плохой ребенок может исправиться, коли захочет, я ему в этом охотно помогу. Но и вы помогите мне остаться хорошим, чтобы я с вами не испортился. Мне очень досадно, что у одного из вас подбит глаз, а у другого забинтована голова, что пан Х вами недоволен и что на вас жалуется сторож».

Потом каждый говорил: хороший он и послушный, или так себе, или и сам не знает, какой он; потом говорили: очень им хочется исправиться, или только немножко, или вовсе не хочется. Все это мною записывалось. Я узнал, кто правые, кто левые и кто центр в группе…

Бывают же сборники политических и судебных речей и проповедей. А почему нет печатных речей воспитателей к ребятам? Всем кажется, что это легко – говорить с детишками. Некоторые обращения к детям я писал по неделе и больше.

22. Мы все вместе решали, что делать,

чтобы ребята не загаживали лес, не шумели за столом, не бросали куда попало хлеб и шли по сигналу купаться или к столу.

Я продолжал делать все те ошибки, от которых желаю вас

уберечь, но уже заручился у части ребят моей группы обещанием мне помогать.

Глупости сами мстили за себя тщетностью усилий и бесполезной тратой энергии. Ребята пожимали плечами, порой старались переубедить меня; часто я уступал.

Помню разговор об отметках по поведению. Я не хотел ставить оценок: все заслуживают пятерку, каждый старается быть хорошим, а если не может, наказывать не за что.

– Не напишу я, что у меня пятерка, он подумает, что я плохо себя веду.

– Вот у других воспитателей – у сорванца и то хоть тройка, да есть, а я послушный – и у меня ничего.

– Если я сделал что-нибудь плохое и вы поставили мне отметку, я знаю, что с этим уже покончено.

– Без оценок и слушаться не хочется, а почему, сам не знаю.

– А я не так. Когда вы ставите отметки, а я сделал что-нибудь плохое, я думаю: и пусть ставит мне тройку. А не поставите – неприятно.

Обдумайте каждый из доводов, и вы увидите, какие важные тут затронуты вопросы и как ясно обозначились индивидуальные особенности ребят.

Я уступил: каждый сам называет заслуженную им отметку; некоторые с огорчением: «Не знаю».

23. Я довольно долго придерживался ложного взгляда, что номер унижает ребенка.

Я упорно не хотел ставить ребят в пары, сажать по порядку номеров за стол. А дети номерам рады: ему девять лет и у него девятый номер, у него двадцатый номер, а тетка его живет как раз в доме № 20. И разве унижает театрального зрителя, что у него номер на билете?

Воспитатель обязан знать ребят, уметь назвать в задушевной беседе уменьшительным именем, каким зовет мама. Надо знать и семью воспитанника – спросить о больной сестренке, о дяде, оставшемся без работы.

Если кровати закрепляются по порядку номеров, пятерым из тридцати шести захочется переменить место: одному захочется спать рядом с братишкой, другому – потому что сосед разговаривает во сне, третий хочет быть поближе к комнате воспитателя, а четвертому страшно.

Ребята ходят купаться парами по порядку номеров; если кто–либо хочет переменить место, чтобы пойти вместе с приятелем,

номер не должен служить препятствием, пусть ребенок сменит пару или место.

Уже в первые дни пребывания в колонии номер может стать как бы фамилией, сквозь которую проглядывает личность ребенка, пока не проклюнется наконец полностью его нравственный и умственный облик. Тогда неизбежный номер не приносит вреда.

24. Я нес свои чувства детям, а те не хотели их, плохо переносили, пугались.

Я наивно считал, что за четыре недели можно исцелить любое страдание, залечить всякую рану. Я терял время попусту.

Я окружал заботой наименее стоящих ребят, вместо того чтобы оставить их в покое.

С умилением вспоминаю, как, идя навстречу моим просьбам, ребята принимали в игру таких, которые мешали играть, и уступали задирам, еще больше наглевшим от поблажек.

Даю чудесный мяч не умеющему толком играть глупышу, и он носит его в кармане, ведь у всех равные права на мяч: я давал его «справедливо», по очереди.

Я добивался от честных ребят, не желавших брать на себя невыполнимые обязательства, «добровольного» обещания исправиться.

И радовался, что дело идет на лад, не считаясь ни с бессонными ночами, ни с шедшими на убыль силами. К ребятам, их спорам, делам и играм я относился свысока – все это были для меня тогда «мелочи».

25. Работа в летних колониях тяжелая, но зато благодарная.

Ты сразу получаешь большое число ребят, в любом же другом интернате они добавляются по одному или небольшими группами к уже имеющимся, прошедшим известную обработку. Присмотр за детьми на большой территории тоже нелегкое дело. Особенно тяжела первая, организационная неделя, да и последняя требует от воспитателя усиленной бдительности: ребята, все мысли которых обращены к городу, снова во власти городских привычек.

Добросовестный и неопытный воспитатель может тут почти безболезненно испытать свои силы; на живой работе он быстро ознакомится с проблемами воспитания в интернате и, не отвечая за дальнейшее, может объективнее оценить свои пороки и

недостатки. Осознав ошибки, он имеет возможность в следующем сезоне, с новой партией ребят, без свидетелей прошлых ошибок начать все заново, на новых основаниях.

Ему не надо экономить силы и рассчитывать энергию и душевный подъем на большой срок. Устал – лето кончится, отдохнет.

Приобретенный опыт в первый месяц даст ему радостное сознание наличия прогресса в следующем, он быстро заметит разницу, а это поощрит его к дальнейшим усилиям.

Кажется лишь, что работа первого сезона потеряна невозвратно: во втором сезоне будут приятели, знакомые или родственники ребят, бывших в первом сезоне. Поговори с ними, и ты увидишь, что они уже знают тебя и твои требования: еще до того, как тебя увидеть, они уже чувствуют к тебе симпатию и готовы признать твой авторитет.

26. Второй сезон начался под более счастливой звездой.

Получив накануне отъезда список, я принялся заучивать подряд все фамилии. Некоторые внушали доверие, иные – опасения. Я не шучу, сами подумайте, как это звучит: маляр Пылища, крестьянин Улита, сапожник Недоля.

Вооружившись тетрадью и карандашом, я записывал все, что поразило меня в ребенке при первом знакомстве. Оценками первого впечатления были плюсы, минусы или знаки вопроса против фамилии. Короткое «симпатичный, сорванец, ротозей, неряха, дерзит» – первой характеристикой, которая могла подтвердиться или не подтвердиться, но давала общее представление о ребенке.

Так библиотекарь разбирает партию книг, с любопытством обшаривая взглядом заглавие, формат, обложку. Приятное занятие: ого, будет что почитать!

Я отметил особо рекомендованных ребят, ребят, которых провожало много народу, у кого было много подарков в дорогу, и опоздавших. Уже есть в тетрадке первые вопросы, просьбы, советы, тем и любопытные, что они первые. Если один роняет регистрационный листок, а сосед поспешно поднимает его и подает, улыбаясь; если один быстро и громко отвечает, когда его вызывают по списку: «Здесь», а за другого отвечает мать; один отталкивает того, кто занял его место, а другой жалуется; один вежливо кланяется, а другой угрюмо озирается по сторонам – все это имеет для воспитателя громадное значение и, подмеченное и запечатленное в памяти или в записной книжке, служит ценным

познавательным материалом.

27. Забирая у ребят почтовые открытки, я кладу их в пронумерованные и сложенные вдвое листки бумаги,

потому что одни открытки разлинованы, другие засалены или помяты.

Совершенно справедливо обижались ребята в первом сезоне, что им дают, когда они пишут домой, не их открытки.

Деньги я завертывал в пронумерованные бумажки и завязывал в носовой платок, тоже приготовленный накануне. Это – вклад, чужая собственность, тем более неприкосновенный, что сделан по принуждению. Отдавая свои десять грошей, ребенок вверяет тебе все состояние: ты обязан относиться к нему серьезно.

В дверях вагона стоял дежурный, у каждого окна – тоже. У меня было время перекинуться несколькими словами с каждым ребенком, и записная книжка опять пополнилась новыми деталями.

Я отмечал, кто клянчил попить, ябедничал, подрался у окошка.

В третий раз продефилировала передо мной вся группа, когда я ставил химическим карандашом номера на мешках. И тут, когда я называл фамилию, одни подходили быстро, а других приходилось выкликать по нескольку раз. Были и такие, которые, вместо того чтобы глядеть в окно, с любопытством следили, обступив меня, за тем, что я делал. И опять кто-то плакал: я послал одного мальчика его утешить, у него это лучше выйдет, а впрочем, пускай даже поплачет.

28. Я предупредил, что на станции нас будут ждать повозки,

и чтобы ребята сходили в уборную сейчас, в вагоне; что нельзя помногу забираться на повозку и нельзя по дороге слезать и что, если у кого окажется не его размера одежда, завтра же ему ее обменяют. Два прошлогодних колониста помогут раздать молоко, трое других – одежду.

Я старался завязать деловую дружбу, а не пустой флирт.

Я отметил, у кого грязные уши, длинные ногти, грязная рубашка: если мать перед отъездом не привела ребенка в порядок, значит, она не только бедна, но и небрежна; иногда такой ребенок живет самостоятельно, без надзора, а то и вовсе нет матери. Когда я переодену их и умою, эта деталь будет

утрачена.

Я соглашался на любое предложение помочь мне, в чем-либо меня выручить. Я знал, что моя задача – организация и контроль, что самому мне всего не одолеть и что я сдам экзамен на хорошего воспитателя, если у меня будет время на наиболее важные дела и на заботу о детях, исключительных по своему здоровью, темпераменту, запущенности, никудышности или большой духовной ценности.

И когда переодетые ребята сели по порядку номеров за стол, я стал изучать лица.

Я уже сейчас знал свою группу лучше, чем в прошлом сезоне после нескольких дней работы.

29. Одного я узнаю по веснушкам, другого по бровям, третьего по родимому пятнышку на носу, четвертого по форме черепа.

Всегда остается несколько таких, в ком ты усматриваешь несуществующее сходство и долгое время путаешь. Этих трудностей школьный учитель не знает, ученики у него закреплены неподвижно на партах; зато хорошо знают их школьный надзиратель, инспектор, директор. И легко шалить такому неприметному, коли ответ за себя и за других держат два-три козла отпущения.

«Ага, попался, тебе не впервой, ты всегда».

А настоящий виновник посмеивается втихомолку.

Я потому так настаиваю на быстром ознакомлении со всеми ребятами, что всякие вредные предубеждения (как в пользу ребенка, так и против него) вытекают именно из этого незнания детей.

Я не очень, кажется, удалюсь от истины, если скажу, что у миловидного со славной рожицей ребенка есть все данные считаться хорошим, а у некрасивого или с каким-либо физическим недостатком – плохим. Отсюда одинаково несправедливое предубеждение некоторых воспитателей против красивых детей. Еще раз повторяю: воспитатель, который не знает хотя бы одного из своих воспитанников, безусловно и в любом случае окажется плохим воспитателем.

30. Вечером, когда все уже были в постели, я провел беседу о ребятах предыдущего сезона.

«Я расскажу о ребятах, которые спали на пятой,

одиннадцатой, двадцатой и тридцать второй кроватях. Один из них оказался очень славным малым, другой был всегда и всем недоволен, третий очень растолстел, а с четвертым как-то ночью случилась беда: он сделал под себя, и ребята сначала нехорошо смеялись над ним, а потом убедились, что это слабый и больной мальчик, и взяли над ним шефство. И где-то они теперь и о чем думают?»

В этих четырех взятых из жизни рассказиках были и мораль, и распорядок дня, и более сложные проблемы колонистского житья-бытья.

Я предупредил ребят, что делать, если они ночью испугаются или слишком рано завтра проснутся.

И все заснули – кроме двоих.

У одного дома остался больной дедушка, и мальчик все о нем думал; а другому мать говорила на сон грядущий «спокойной ночи». Этого последнего, одного из тридцати восьми, надо было в тот вечер, чтобы он мог заснуть, поцеловать. И я подумал, что как раз его, одного из самых впечатлительных, я мог в прошлом сезоне при общем сумятице и возбуждении отругать или выдрать по ошибке за уши.

Уже в первый вечер у меня осталось время на записи: в одной тетрадке – о первом дне в колонии, в другой – о каждом ребенке. И о доброй половине ребят я хоть что-то, хоть самую малость, а уже записал.

31. Назавтра чуть свет я уже был в спальне и опять, прежде чем ребята разбегутся и смешаются, учился узнавать свою группу.

В течение всего дня я спрашивал то одного, то другого, как его зовут.

– А меня, господин воспитатель? А меня как зовут?

Похожих друг на друга или тех, кто казался мне похожим, я ставил рядом и изучал, а ребята указывали мне приметы, по которым можно их различить.

С каждым часом прибывали все новые детали, посвящавшие меня в личную жизнь или в ту или иную область духовной жизни ребенка.

Быстро, словно по волшебству, под влиянием деревни и ласковой руки воспитателя смятые души сперва с удивлением и страхом, а потом все доверчивее и радостнее начинают тянуться к тому, что красиво и гармонично.

Но существует предел возможностей воспитателя, и его не

перейдешь никаким чудом. Проснется душа чуткая и богатая, уставшая от неблагоприятных условий; убогую же и вялую еле станет на болезненную гримасу. Тебе жаль? У тебя всего лишь четыре короткие недели…

Врожденная самобытная честность жадно прильнет к новым формам светлой жизни, двуличие с досадой отвернется.

Бывают злаки, которые оживают от одного дождя, и совсем увядшие и больные, бывают и сорняки, с трудом воспринимающие культуру.

32. Внимательно присматриваясь к тому, как организуется ребячье общество, я понял трудности первого сезона.

Положительные ребята еще только осматриваются на новом месте, робко и сдержанно знакомясь и сближаясь, а отрицательные силы уже успели сорганизоваться, задать тон и добиться послушания.

Ребенок, который понимает необходимость режима, ограничений и приспосабливания, помогает работе воспитателя пассивно, не мешая ему, подчиняясь имеющей в виду общее благо программе. Тот же, который хочет использовать, злоупотребив, добрую волю, щепетильность, некоторую неуверенность, доброжелательность или слабость воспитателя, действует сразу активно и наступательно.

Диву даешься, как может двенадцатилетний мальчишка, разлученный с семьей, в новых для него условиях, под присмотром воспитателей, среди незнакомых ребят не чувствовать ни стеснения, ни замешательства и уже в первый день требовать, оказывать сопротивление, составлять заговоры, выискивать друзей, перетягивать на свою сторону пассивных и безынициативных – объявить себя диктатором и бросить демагогический лозунг.

Нельзя терять ни минуты, ты обязан тотчас выявить его и вступить в переговоры. Ты заранее ему враг, как каждая власть, которая требует и запрещает; убеди его, что ты не такая власть, какую он до сих пор встречал.

33. Пример.

В вагоне я делаю мальчику замечание, что выходить на перрон нельзя. Выходит, зову – молчит. На мой выговор отвечает с презрением: «А что тут такого? Я пить хотел». Я спрашиваю

фамилию.

– Господин воспитатель тебя записал.

– Подумаешь, важность…

Уже на него поглядывают с любопытством, уже у него сторонники – он уже импонирует. Чтобы узнать его, подчас довольно одного «ладно, ладно» или пожатия плечами. Если так в первый день, подумай, что будет завтра или через неделю?

Этим же вечером я поговорил с ним. Разговор был серьезный, деловой, равного с равным: мы выработали условия его пребывания в колонии.

В городе он продает газеты на улице, играет в карты, пьет водку, знаком с полицейским участком.

– Хочешь здесь остаться?

– Так себе.

– Не нравится?

– Еще не знаю.

– А зачем приехал?

– Женщина тут одна меня уговорила…

Сказал ее имя, фамилию и на всякий случай дал неверный адрес.

– Слушай, парень, я хочу, чтобы ты мог тут пробыть весь месяц. Об одном прошу: надоест, скажи мне, я дам тебе на билет, и ты вернешься в Варшаву; только не убегай и не подстраивай так, чтобы я отсылал тебя якобы против твоей воли. Я позволю тебе делать все, что хочешь, но порядка не нарушать и к детям не лезть. Спокойной ночи.

И подал ему руку.

Не пытайся общаться с ним, как с ребенком, он тебе прыснет в лицо или изобразит раскаяние, а сам отвернется и бросит что-нибудь язвительное, метко схваченное, чтобы поднять тебя на смех. Все, только не приторная сентиментальность; почувствовав к тебе презрение, он использует ее, чтобы тебя осмеять.

34. Был и второй такой.

В задушевной беседе с глазу на глаз, когда не глядела на него глупая, покорная и трусливая ребятня, которую он презирал, он открылся мне, расчувствовался и обещал исправиться.

На такие беседы нельзя ссылаться и не надо требовать выполнения обещаний.

Когда несколько дней спустя он хватил по лбу плошкой подтолкнувшего его во время еды мальчика и я бестактно, в резкой форме, напомнил о данном мне обещании, он ответил

ненавидящим взглядом. Через несколько дней он выкрал одежду, переоделся в лесу и пошел на вокзал.

Я хотел бы обратить внимание молодых работников, которые не знают детей из беднейших слоев, на одно обстоятельство: среди этих детей есть и вполне воспитанные, и совсем запущенные дети. Эти две категории детей не только взаимно избегают друг друга, не любят, не ценят. Но дети, воспитываемые в семьях, боятся детей уличных. Невдумчивый социолог не видит колоссальной разницы между нравственным и безнравственным ребенком: оба, дескать, бедные, живут в предместьях, в бедных районах, принадлежат к одной среде. А ведь поэтому первый и боится второго, поэтому он ему и опасен. И никто не вправе заставлять их дружить.

В последнюю неделю сезона часто слышишь, как силком навязанные незадачливые друзья грозят:

– Погоди, вернешься в Варшаву, уж я тебе отплачу.

35. Я был свидетелем отчаянных усилий определенной группы лиц открыть детские клубы в Варшаве.

Я читал и книжечку с отчетом о предпринимаемых в том же направлении попытках в Москве[30]. Одна и та же ошибка вызывала одни и те же трудности. Когда школьники потребовали исключения хулиганов, заведующая школой сказала с упреком:

«Мой сынишка играет с ними, а вы не желаете; нехорошо!»

Ее сынишка мог играть: его не изобьют, когда он вечером будет возвращаться с работы домой, и ему никто не крикнет: «Эй, ты, что это за краля с тобой?», когда пойдет в воскресенье с двоюродной сестрой в костел; к нему не пристанут: «Одолжи гривенник на папиросы».

Если ее сынишка пойдет с мамой и тетей на прогулку и к нему подбежит маленький оборвыш, а тетя в ужасе спросит: «Откуда у твоего Антося такие знакомства?», мама тоном превосходства ответит: «Это его товарищ по клубу» – и посмеется над богобоязненной отсталостью старой тетки.

Но мать-работница совершенно справедливо испугается и станет остерегаться такой дружбы.

Если взрослый рабочий вправе не желать дружить с пьяницей или вором даже не потому, что опасно, а просто потому, что марает доброе имя, сын рабочего вправе, более того, обязан избегать дурной компании.

А если хулиган лишь прикидывается хорошим, чтобы благодаря случайной встрече проникнуть в среду таких

ровесников, к каким он иначе не попал бы? Чтобы извлечь выгоду из знакомства?

Допускать товарищеские отношения между детьми, совершенно разными по своим нравственным качествам и жизненному опыту, кого лишь бедность объединяет в одну среду, – это значит вовлекать какую-то часть из них в дурную компанию, легкомысленно испытывать их моральную стойкость.

36. Я настаивал:

– Играйте вместе.

Подзадоривал:

– Вас тридцать, а он один. Значит, вы все не можете исправить одного, а он один испортит вас всех?

– А что мы должны делать, чтобы его исправить? Он не хочет с нами играть, а соглашается, так всю игру расстраивает.

Правы были дети, не я.

Лишь значительно позже я понял, что, если воспитатель хочет держать вместе с обычными детьми детей безнравственных, на нем лежит вся ответственность и обязанность за всем следить. Детям этот труд не под силу.

Даже самое, казалось бы, прекрасное теоретическое положение должно быть подтверждено. Даже самая очевидная истина, если она трудно применима на практике, должна быть добросовестно критически пересмотрена. Мы значительно опытнее детей, мы многое знаем, чего дети не знают, но что они думают и что чувствуют, они знают лучше нас.

Если ребенку чего-либо хочется, а почему – он не говорит, он или скрывает истинную причину, или не вполне ее сознает. Искусство воспитателя в том и заключается, чтобы узнать, порой догадаться, часто доискаться этих полуосознанных мотивов.

– Тут что-то кроется, – чем чаще воспитатель так думает, тем он быстрее будет совершенствоваться и тем вернее избежит ошибок, вытекающих из ложных теоретических положений.

37. Я навязывал детям общество разболтанных, физически неполноценных или несимпатичных ребят.

Это было бессмысленно.

Ребята играют в горелки. Слабосильный ребенок не умеет ни убегать, ни ловить. А нечестный нарочно будет так убегать, чтобы его быстрее поймали, он сам хочет гореть. Если ты заставишь

ребят играть с ними, ребята будут их избегать, не станут ловить.

Да и вообще кто из взрослых сядет играть в карты с шулером или таким, который не умеет играть?!

Вы даете мячик, но с условием, что и тот будет играть. Надо ли удивляться, что ребята неохотно идут на это? И можно ли их винить за то, что чувствуют к нему неприязнь? И не побьют ли, если из-за него проиграют, и кто тогда будет виноват?

Забота о детях этого типа требует большого такта. Надо следить не только за тем, чтобы их не обижали, но чтобы и они никому не мешали.

«Вечно его дожидайся. Вечно он игру расстроит. Опять из-за него воспитатель на нас сердился: что-то запретил, отобрал, чем-нибудь пригрозил».

В первом сезоне я вел целые бои из-за какого-нибудь растяпы, во втором с умилением наблюдал, как величайший забияка взял добровольно под защиту самого тихонького мальчика.

38. Не пренебрегай!

Мальчишки играли в камушки. Игра эта была известна детям бедняков еще в древнем Риме. Играющий кидает на стол или на пол пять камушков. Потом он подбрасывает один из камушков и, прежде чем его подхватить, должен быстро схватить со стола один из четырех остальных. Есть несколько степеней трудности. Для этой игры нужна ловкость и пять небольших камушков.

Жалобы, что кто-либо забрал один или все камушки, повторялись беспрестанно. Я в то время был противником жалоб.

– Мало тебе тут камней? Найди другие.

Три ошибки сразу.

Во-первых, у каждого есть право на собственность, хотя бы это был самый пустяковый, не имеющий никакой цены предмет. А что убыток легко возместить, ничего не значит. Пусть тот, кто забрал мои камушки, ищет себе другие.

Тот, кто взял их, поступил явно безнравственно, по меньшей мере несправедливо: присвоил чужую собственность.

Я сам попробовал играть в камушки и убедился, что не все камушки одинаково удобны. Слишком круглые, когда их бросаешь на стол, чересчур разлетаются, а слишком угловатые ложатся чересчур кучно.

Для игрока пять подобранных по форме и цвету камушков все равно, что пять коней одной масти и роста, пять жемчужин в колье, пять натасканных охотничьих собак.

Всегда найдутся свидетели, которые видели, помнят,

подтвердят, чьи это камушки. Справедливость была на стороне ребят.

39. «Он оскорбил мою мать». После длительного колебания: «Он назвал меня сукиным сыном».

Как воспитатель я обязан знать, что не один отец награждает подобным эпитетом насолившего ему фабричного мастера или домовладельца, когда тот не хочет ему чинить печку.

– Вы ведь знаете, какой он злюка. Раньше он со всеми дрался, а теперь только ругается – исправился. Правда, сукиным сыном зовут, когда уж очень кого хотят обидеть; зовут еще и негодяем, и мерзавцем. Чаще всего зовут со зла, подчас вовсе того не думая. Не думает же кто-нибудь всерьез, что мальчишка мерзавец, раз не дал поиграть мячика или нечаянно подтолкнул за игрой в чижа? Просто бывают люди вспыльчивые и бывают спокойные…

Я видел, ребята удивились, что я так громко и четко произношу это зачумленное слово. А делал я это потому, что все, что говорится шепотом, бродит, загнивает и дразнит воображение, и нет ничего вреднее в воспитании, чем ложная скромность. Если есть слова, о которых ты боишься говорить, что ж тогда делать с поступками? Воспитатель не может бояться слов, мыслей и поступков ребят.

Тот, кто хочет быть воспитателем детей бедняков, пусть помнит, что медицина различает praxis pauperum и praxis aurea[31], пусть помнит, что бывают развратники, говорящие изысканным языком, и герои добродетели – сквернословы. Ты должен знать среду, из которой вышли твои воспитанники.

40. Было бы слишком рискованно утверждать, что бедные дети морально устойчивее богатых.

К нам поступают тревожные сигналы относительно тех и других. Мне кажется, верно лишь одно: наблюдения велись в этих человечьих клетках, в городских квартирах, где отсутствие свободного пространства, запрещение кричать и бегать, лень и скука заставляют детей обращаться к сильным, но не беспокоящим окружающих впечатлениям и эмоциям.

На основании наблюдений над детьми в летних колониях я категорически утверждаю, что нормальный ребенок всегда предпочтет играть в мяч, бегать наперегонки, купаться, лазать по деревьям, чем забиваться тайком в угол для неведомых мечтаний.

Можно спокойно позволить мальчикам и девочкам разбрестись по лесу и не слишком присматривать за ними: они так увлекутся земляникой и грибами, что скорее надо ждать драки из-за трофея в виде гриба или ограбления сильнейшими, чем проявлений нежности.

Укромный закоулок городского двора в бедном районе и пространство между шкафами в богатой буржуазной квартире скрывают тайны, каким нет места на лужайке и в поле.

Только не держите детей ради своего удобства в постелях по одиннадцати часов в сутки – дети, особенно летом, не спят больше 8–9 часов.

41. Я с удивлением убедился в колонии, что дети не обижаются на приказы и запреты, цель которых – поддержание мира и порядка, и охотно подчиняются им.

А если кто нарушит, то чистосердечно сознается и выразит сожаление или, самое большее, скажет:

– Сам знаю, что плохо, да что поделаешь, коли по-другому не могу.

Есть дети, которые ведут отчаянную борьбу с врожденными наклонностями как раз во имя этой общей гармонии. Не следует усложнять им чрезмерными требованиями эту борьбу, а то они к ней потеряют охоту или станут дичиться.

Воспитатель обязан давать себе отчет в том, какие запреты и приказы категорические и какие допускают известные отступления. Категорически запрещается купаться одному в речке, в определенных случаях – лазать на деревья. Категорически запрещается опаздывать к обеду, в известных случаях – опаздывать, когда становятся в пары: опоздал – догонит, хоть за версту, ведь подвижный ребенок не захочет стоять и ждать, пока все соберутся.

Детям исключительным с общего согласия исключительные законы – вот труднейшая и вместе с тем благороднейшая задача для воспитателя.

Если на сто пятьдесят ребят один плавает так, что ему ничто не грозит (живет у самой Вислы, по полдня в воде, без труда переплывает реку), то ему можно с согласия ребят разрешить купаться даже одному. Ты должен иметь известную смелость и взять на себя ответственность за его жизнь.

42. Детям свойствен социальный инстинкт.

Дети могут отнестись к известному начинанию настороженно потому, что не доверяют взрослым или не поняли, но быстро одобрят его, если сами примут участие.

Что сделать, чтобы ребята не разбрасывали хлеб по лесу, не опаздывали к обеду, не дрались и не ругались? Если даже подобные обсуждения и не помогут искоренить зло, они наверняка повысят моральный уровень многих ребят, укрепят чувство солидарной ответственности и общественного долга.

Записывай, сколько ребят опаздывало и сколько регистрировалось драк в день до обсуждения. Регистрируй после обсуждения, вывеси график, и ты убедишься, что драки стали реже. Драки опять участились – второе обсуждение.

Задача даже самой хорошей речи – вызвать энтузиазм, способствовать начинанию, не останавливаться на достигнутом.

Одни слову приписывают слишком большое значение, слишком многого ждут от него, другие недооценивают, обманувшись. И те и другие заблуждаются. Одними словами ничего не сделаешь, но и без слов работа станет. Слово – всегда союзник, не заместитель.

Ты можешь ждать от слова только такого действия.

43. Общее собрание из-за непорядка в уборной.

«Когда пожар или наводнение, лучшие бегут на помощь, рискуя жизнью. Когда надо сделать что-нибудь трудное или неприятное, всегда впереди лучшие из лучших. Вот и нам надо выполнить трудную, неприятную работу, и мы обращаемся к нашим лучшим… Так кто из вас берется добровольно дежурить в уборной по полдня каждый?»

Понятно, записываются многие. Но это лишь начало. На первые два дня ты выбираешь энергичных, легко вдохновляющихся, но неустойчивых: труднее всего придется в первые несколько дней, а раз дело новое, ребята выполнят его с большим запалом. Объясни им, почему они первые.

Предложение спорщика не принимаешь, боишься склок, ребята не любят его и станут делать назло.

Отстраняешь и слишком вспыльчивого:

– Еще подерешься, не берись-ка ты лучше за это дело.

Серьезных назначаешь на следующие дни: знаешь, что не остынут.

Тихонького откладываешь еще на позже:

– Тогда уже будет легче, а завтра ты не справишься.

Предупреждаешь дежурного, что найдется такой, который

назовет его «говночистом» или «сторожем в уборной»:

– Не обижайтесь на дуралея.

Предупреждаешь, что должен делать дежурный, когда маленький недотепа загадит уборную нечаянно, и что – когда это будет сделано нарочно, назло, и как быть, если не удастся засечь виновного.

Ты должен снабдить дежурного метлой и тряпкой. Должен сам заходить туда в часы наибольшей посещаемости (утром или после обеда) и подежурить с четверть часика, а в сомнительном случае самому взять тряпку в руки и вытереть.

Ты напрасно сердишься, воспитатель: «Сколько раз говоришь им!» Это не помогает и не поможет. Так зачем говорить? Одни и сами поймут, что данное добровольно обещание обязывает, а недобросовестному я скажу: «А зачем обещал?» Это важный козырь. У ребенка нет цинизма взрослых, которые ответят тебе:

– Обещанного три года ждут.

44. Воспитателю не обойтись без помощи ребят,

конечно, при условии неусыпного надзора и частой смены юных коллег (не то заважничают, ведь власть портит!).

Надо мягко и осторожно объяснить, что дежурство не дает никаких особых прав, что это должность почетная.

Дежурных по обслуживанию за столом я сменял ежедневно из-за существовавшего обычая накладывать им большие порции. Этим я усложнял работу экономки, но считал, что иначе нельзя.

В летних колониях у меня были дежурные по постелям (по одному на каждый ряд), по подаванию тазов для мытья, по укладыванию на место игрушек, дежурный, следивший, чтобы ребята аккуратно вешали полотенца на спинках кроватей.

Дежурные, задачей которых было подбирать битые стекла, чтобы ребята, бегая, не порезали себе ноги.

При исполнении этих несложных обязанностей детей проще узнать, чем на уроках в школе: там усложняют картину способности, подготовка, случай. Здесь ребенок виден сразу: азартный он, непостоянный, самолюбивый, забияка, добросовестный или нечестный.

45. Если присматриваться в первые дни, как дети знакомятся друг с другом,

легко убеждаешься, что положительным элементам группы

нужна помощь, поддержка и прежде всего неусыпная и осторожная защита от тех немногих, кому твоя система неугодна.

Если власти обязаны охранять общество от насилия и злоупотреблений со стороны вредных элементов, то воспитатель обязан охранять ребят от кулака, угроз и оскорблений, а ребячью собственность (будь то камушек или палочка) от присвоения, а также охранять ребячью организацию (неважно, играют ли ребята в мяч или строят домики из песка).

Раз выполнив эту большую работу, потом достаточно лишь не допускать отклонений и искривлений.

Все сэкономленное с помощью ребят время мы можем посвятить воспитанию тех, кем мы желали бы особо заняться, потому что мы хотим или должны это делать, так как это ребята стоящие, опасные для коллектива или просто выходящие из нормы.

А ведь бывают не только исключительные дети, но и исключительные обстоятельства, которые берут у нас много времени. Вдруг ребенок заболел; стемнело, а четверо еще не вернулись из лесу; пожаловались, что ребята кидались камнями или шишками в нищего или воровали.

Чем больше ребят, тем больше и исключительных ребят и обстоятельств.

Гнев тут не поможет: так должно быть. Весь смысл хорошей организации в том и заключается, чтобы, несмотря на это, все шло своим чередом, мелкие дела делались сами собой и ты мог всегда сказать: «Хозяйничайте сами, я занят».

46. Уверенность в себе и разумное предвидение светлы и снисходительны, неопытность капризна и неуравновешенна.

На тридцать – сорок ребят у тебя всегда будет один ненормальный или аморальный, один очень запущенный, один злой, антиобщественный, со всем несогласный и всеми нелюбимый, один вспыльчивый, с необыкновенно яркой индивидуальностью и один болезненный или слабосильный.

Так должно быть!

Ты организуешь экскурсию: один заболеет, другой надуется, еще один не хочет идти, раз все хотят идти:

– Подумаешь, экскурсия!..

Один будет искать шапку, другой от возбуждения подерется, третьему в последнюю минуту понадобится в уборную, четвертый куда-то делся.

Дорогой у кого-то заболят голова или ноги, кто-то порежется,

кто-то разобидится, кому-то захочется пить.

Рассказываешь сказку. Один обязательно прервет тебя:

– Скажите, пожалуйста, а это какой червяк?

Другой:

– Он мне в ухо тычет соломинкой.

Третий:

– Ой, овцы идут!

Юная обида в тебе грозится:

«Если кто-нибудь еще раз прервет…»

А опытная снисходительность с улыбкой пережидает, когда пройдет стадо.

47. Небольшое, но ценное замечание.

Если ты трудолюбив, добросовестен и более одарен как воспитатель, не суди товарищей строго.

Не давай им почувствовать свое превосходство. Если ты желаешь детям добра, ты должен избегать всяких столкновений с коллегами.

Я был самым усердным воспитателем в колонии, да это и не могло быть иначе. Я стосковался по работе с детьми, другим воспитателям она приелась. Меня привлекала простота деревенской жизни, они не видели очарования ни в набитых соломой матрацах, ни в простокваше.

Как-то раз, когда с одним мальчиком случилась беда и из-за этого вышел спор с прачкой, я сам выстирал у колодца испачканную рубашку и простыню. Я видел (я на это и рассчитывал) смущение прачки, замешательство экономки, недоумение товарищей по работе. Но сделай это кто другой, он, возможно, услыхал бы презрительное:

– И прекрасно. Пускай знает, чем это пахнет. Его мальчишка.

Надо избегать рассчитанных на эффект красивых жестов.

Если во внешне очень положительных поступках скрыта фальшь, они раздражают больше, чем слова.

И уж никогда не следует считать своей особой заслугой, если ты в первые дни или недели работы на новом месте усердствуешь или вводишь мелкие улучшения. Будь это иначе, это свидетельствовало бы о тебе как нельзя хуже: новый работник и должен больше всех усердствовать и видеть недостатки, которые усталому и ко всему привыкшему глазу не заметны. Я уже говорил об этом во вступлении, повторял и еще раз повторяю: воспитателю приходится быть и санитаром, он не может ни пренебрегать этой обязанностью, ни отказываться от нее; ребенка

с ночным недержанием мочи – ребенка, которого рвет, – с нарывом в ухе – ребенка, который обмарался, – с сыпью на теле или на голове – воспитатель должен посадить на горшок, умыть и сделать перевязку. И он должен это делать без тени отвращения.

Пусть воспитатель делает, что хочет, пусть практикуется в больнице, в приюте для раковых больных, в детских яслях, но он обязан закалиться.

Воспитатель детей бедняков должен приучить себя и к физической нечистоте. Педикулез[32] – постоянное заболевание убогой детворы всего мира, и воспитатель может время от времени найти вошь и у себя на одежде. Об этой болезни ему не положено говорить с возмущением или отвращением – родители, братья и сестры ребенка относятся к этому явлению спокойно и объективно; так же спокойно и объективно следует и заботиться о чистоте ребят.

Воспитатель, которого от грязных ребячьих ног тошнит, который не выносит неприятных запахов и теряет на целый день душевный покой, если – о ужас! – найдет вошь на своем пальто, – пусть идет как можно скорее работать в лавку, контору, куда хочет, только пускай больше не остается в народной школе и интернате, потому что нет ничего унизительнее, чем зарабатывать на хлеб с отвращением.

– Я хороший воспитатель, а грязь ненавижу, – говоришь ты, пожимая плечами.

Лжешь: он у тебя во рту, в легких, в крови – воздух, который испортили дети.

Меня, к счастью, от этого смертного греха воспитателей избавила раз и навсегда моя врачебная практика. «Фи» для меня не существует. Быть может, именно потому мои воспитанники любят чистоту.

48. Гениальный французский энтомолог Фабр[33] гордится, что он произвел свои эпохальные наблюдения над насекомыми, не умертвив ни одного.

Фабр наблюдал их полеты, обычаи, радости и заботы. Внимательно присматривался к насекомым, как они резвились в солнечных лучах, сражались и гибли в сраженье, искали еду, строили убежища, делали запасы. Он не возмущался, а мудрым взглядом прослеживал могущественные законы природы в их еле заметных проявлениях. Фабр был учителем в народной школе. Он наблюдал невооруженным глазом.

Воспитатель, будь Фабром детского мира!

Дом Сирот

1. Техника организации жизни интерната

в ее мельчайших и вместе с тем решающих деталях зависит от здания, в котором интернат размещен, и территории, где это здание построено.

Сколько жестоких попреков обрушивается на головы детей и персонала из-за ошибок строителя, сколько ненужных затруднений, хлопот, огорчений приносит малейший недосмотр в плане строительства! А если возможна переделка, как трудно определить это и убедить в ее необходимости! А ведь бывают ошибки, которые не исправишь.

Дом Сирот был сооружен под знаком недоверия к детям и к персоналу: «Все видеть, знать, все предотвратить». Громадный рекреационный зал – это открытая площадь, рынок. Человеку бдительному достаточно одного взгляда, чтобы охватить все. То же с большими, казарменного типа спальнями. У такого здания есть значительные преимущества, оно позволяет быстро изучить ребенка; характерное для летних колоний и сборных пунктов, откуда ребята переходят в другие, построенные иначе интернаты, оно утомляет тем, что в нем нет «спокойного угла». Шум, гам, беготня, толкотня – ребята жалуются, и жалуются справедливо.

Если можно было бы в будущем надстроить этаж, я высказался бы за гостиничную систему: коридор, а по обеим

сторонам небольшие комнаты…

Кроме изолятора для больных необходимо выделить помещение для детей, которые временно недомогают. Ушиб ребенок ногу, голова болит, не спал ночью, перевозбужден ли – пускай у него будет укромный уголок, где он может некоторое время побыть один или с товарищем. Такой ребенок, слоняющийся между разыгравшейся ребятней и всем мешающий, обиженный и одинокий, вызывает сочувствие, а иногда и гнев у окружающих…

Уборная для ночного пользования и писсуар должны находиться в непосредственной близости от большой спальни, если даже не в самой спальне. Отделять их тамбурами, коридорчиками нет смысла. Чем дальше упрятана уборная, тем она грязнее.

Укромная квартира директора в стороне от ребят лишает его возможности участвовать в педагогическом процессе. Директор будет осуществлять контроль над канцелярией и бухгалтерией, переписываться с властями, представляя интересы своего учреждения, но так и останется чужаком-гостем, а не хозяином интерната. Ведь интернат – это «мельчайшие и вместе с тем решающие детали», об этом не следует забывать. Архитектор должен поместить руководителя учреждения так, чтобы он вынужден был стать воспитателем, чтобы он видел и слышал ребенка не только тогда, когда ребенок по вызову входит к нему в кабинет.

2. Я где-то читал,

что филантропия, не излечивая общество ни от одного из социальных недугов и не удовлетворяя ни одну из его потребностей, выполняет две важные задачи.

Выявляет язвы, которые государство еще не заметило или недооценило. Филантропия изучает, начинает действовать и, видя свое бессилие, требует помощи, наконец, навязывает эту обязанность обществу или государству, которые могут оказать содействие во всей полноте.

Другая задача – это новаторство, поиски новых путей в том, что выполняется государством схематично, косно и по дешевке.

Кроме государственной повсюду существует и частная опека над сиротами. Эта опека лучше: внушительнее здания, обильнее еда, не столь стесненный бюджет, гибче педагогическая система. Однако тиранию бюрократизма здесь могут заменять бесчисленные и опасные капризы влиятельного благотворителя.

Если мы примем во внимание, что иногда вся инициатива и все усилия руководства сводятся к тому, чтобы угодить неопытных попечителей, не знакомых ни с трудностями, ни с тайнами массового воспитания детей, мы поймем, почему более ценные личности еле снисходят до работы в благотворительных воспитательных учреждениях, а разные подонки и сухари так и льнут.

Знай богатые покровители, какой яд для учреждений неподходящий сотрудник, они, может быть, зареклись бы раз и навсегда навязывать и даже просто рекомендовать лиц, «правда, неподходящих, но заслуживающих поддержки». Система протекций – злодеяние, преступление.

Здесь следует сказать и о протежируемых детях.

– Этого ребенка нужно принять. Исключительное положение.

И вот ребенка приняли – во вред другим, без пользы для него самого. Всякое даже не принуждение, а легкий нажим на воспитателя, чтобы он взял ребенка вопреки своему убеждению, недопустимо.

Воспитатель должен иметь право сказать: «Это вредный ребенок». И мы обязаны ему верить. Воспитатель должен иметь много разных прав, ведь интернатская работа нелегка. В вопросах воспитания голос воспитателя – решающий.

Воспитатель должен иметь в своем распоряжении некоторую ежемесячно поступающую сумму: бывает, вещи, которые могут кому-либо показаться ненужными, крупные расходы, которые, казалось бы, можно отложить на потом, для воспитателя необходимы и безотлагательны.

Важный момент.

Если в интернате несколько попечителей, **обязательно нужно завести книжку, в которую попечители вписывали бы свои замечания, требования и вопросы**. Замечаний и требований станет меньше, попечители будут осмотрительнее, не будет противоречивых распоряжений.

Несколько слов о почетных сотрудниках. Они приносят значительную пользу, беря на себя ту заботу, на которую у поглощенного ежедневной будничной работой персонала не остается ни времени, ни сил. Один приходит и рассказывает сказку, другой забирает детей на прогулку, еще кто-нибудь дает дополнительные уроки. Только нужно, чтобы эти люди не обременяли собой персонал, как можно точнее соблюдали режим, справлялись со всем сами, ни о чем не спрашивая и ничего не требуя.

3. Год строительства Дома Сирот[34] был знаменательным

годом.

Никогда я не понимал так хорошо красоты труда и реального действия.

Сегодняшний квадратик на плане, то есть на бумаге, преображался завтра в зал, комнату, коридор. Я, привыкший к спорам о взглядах, принципах, убеждениях, теперь присутствовал на стройке! Каждое принятое сходу решение подхватывалось рабочим и воплощалось навечно. Каждую идею нужно было оценить и рассчитать с точки зрения затрат, возможностей, целесообразности. И мне кажется, что воспитатель – недоучка, если он не знает, что из дерева, железа, картона, соломы, проволоки можно изготовить десятки предметов, которые облегчают, упрощают работу, экономят драгоценное время и мысль. Полочка, табличка, вбитый в соответствующем месте гвоздь разрешают многие острые проблемы.

Дом должен был быть готов в июле, но и в октябре он не был закончен. И вот в один пасмурный, дождливый полдень в дом, битком набитый рабочими, въехали шумные, прозябшие, возбужденные, дерзкие, вооруженные палками и дубинками ребята из деревенского детдома. Ребятам дали поужинать и уложили спать. Бывший приют помещался во взятом в аренду и не приспособленном для этой цели здании. Случайная мебель, изношенная донельзя одежда, неумелые заботы глупой экономки и шустрой кухарки…

Я рассчитывал: вместе с новым помещением, новыми условиями и разумной заботой о детях дети примут и новый режим. А они, и это прежде, чем я отдал себе отчет в создавшемся положении, объявили войну! Я полагал, опыт работы в колониях застрахует меня от неприятных неожиданностей. Я ошибся. Во второй раз я столкнулся с детьми, как с опасной толпой, перед которой я был бессилен, во второй раз в муках опыта начали выковываться непреложные истины.

По отношению к новым требованиям ребята заняли позицию абсолютного сопротивления, ее не могли сломить никакие слова, принуждение же вызывало враждебность. Новый дом, о котором мы весь год мечтали, становился ненавистным. И только значительно позже я понял привязанность ребят к их старой жизни… Ее беспорядок, цыганская нищета быта и ничтожность средств давали широкий простор инициативе, взлету отдельных мощных, но кратких усилий, вдохновенности буйных дурачеств, удальству, потребности в самозабвении и беспечности. Порядок появлялся вдруг и ненадолго благодаря авторитету нескольких ребят. Здесь же должен был быть, в силу обезличенной

необходимости, постоянный порядок. Вот почему растерялись и подвели меня те дети, на помощь которых я больше всего рассчитывал. И мне кажется, воспитатель, вынужденный работать в домах, где жизнь бедна и не налажена, не должен очень уж вздыхать по идеальному порядку и комфорту – в них скрываются большие трудности, большая опасность.

В чем проявлялось сопротивление детей? В мелочах, понять которые может только воспитатель. И незначительны они, и неуловимы, а докучают, так как их много. Ты говоришь ребятам, что отходить с хлебом от стола нельзя; один тебя спрашивает: «Почему?», некоторые прячут хлеб, еще один демонстративно встает: «А я не успел съесть». Нельзя ничего прятать под подушку или матрац: «Да ведь из ящика у меня возьмут». Находишь под подушкой книжку – он, дескать, думал, «книжку можно». Запираешь умывалку: «Скорее». В ответ: «Я сейчас». – «А почему полотенце не на месте?» – «Вы ведь торопите». Один обиделся, трое ему подражают. За обедом пронесся слух, что в супе червяк – и вот заговор готов: не будут есть суп. Ты видишь двух-трех явных главарей сопротивления и упорства, угадываешь десяток тайных. Видишь, как тебе коварно портят то, что ты считал уже прочно вошедшим в быт, и встречаешь непредвиденные трудности в любом начинании. Наконец, перестаешь разбирать, где случайность, непонимание и где заведомо злая воля. Пропадает ключ. Через минуту он находится, и ты слышишь ироническое замечание.

– Вы, верно, думали, что это я спрятал?

Да, думал…

На вопрос: «Кто это сделал?» – получаешь постоянно в ответ: «Не знаем». «Кто пролил, разбил, сломал?» Объясняешь ребятам, что в том, что случилось, нет ничего страшного, просишь признаться. Молчат – не из страха, а как заговорщики…

Бывало, говоришь, а голос у тебя дрожит и на глазах беспомощные слезы.

Эти тяжелые минуты должен пережить каждый **молодой** воспитатель, каждый **новый** воспитатель. Пусть он не опускает руки, пусть не говорит прежде времени: «Не умею, нельзя работать». Слова его только с виду не оказывают действия, коллективная совесть пробуждается медленно: день ото дня будет расти число сторонников доброй воли воспитателя и его разумной системы – крепнуть лагерь приверженцев «нового курса».

Воспоминания

Один из наших отъявленных сорванцов разбил во время уборки довольно дорогой фаянсовый писсуар. Я не сдержался. Несколько дней спустя этот же мальчуган разбил бутыль с пятью литрами рыбьего жира. И на этот раз я его только слегка пожурил.

Помогло: союзник…

Как легко работается, если воспитатель чувствует, что овладел оравой, и какой это ад, когда воспитатель мечется, бессильный, а ребята знают это, чувствуют и мстительно травят. Как велика угроза обратиться к системе грубейшего насилия в угоду собственной безопасности.

Полсотни ребят, переведенных из бывшего приюта в Дом Сирот, были для нас как-никак величиной известной; их роднили с нами общие переживания и надежды, а с панной Стефанией[35], воспитательницей Дома Сирот, и взаимное большое чувство. Эти ребята, хотя и сопротивлялись попыткам организовать их, были способны к организации. Вскоре были приняты пятьдесят новеньких – новые трудности. В нашем детдоме устроили школу для приходящих, что позволило мне установить, какая пропасть лежит между аристократом-учителем и замарашкой-воспитателем.

Организационный год окончился для нас полной победой. На сто детей одна экономка, одна воспитательница, сторож и кухарка. Мы перестали зависеть от тирании случайных воспитателей и приютского техперсонала. Хозяевами, сотрудниками и руководителями дома стали дети. Все, что следует ниже, дело рук самих ребят.

Доска объявлений

На стене на видном месте, не высоко и не низко, висит доска, на которую прикрепляются кнопками приказы, сообщения и объявления.

Без доски объявлений жизнь – сплошная мука. Говоришь четко и ясно:

– Такие-то дети, скажем А, Б, В, Г, пойдут, возьмут, сделают то-то, то-то и то-то.

Немедленно к тебе подбегают Д, Е, Ж.

– А я тоже? А я? А он?

Ты повторяешь, не помогает.

Ты говоришь им:

– Подите достаньте…

Опять вопросы, шум, неразбериха.

– А когда? А куда? Зачем?

Расспросы, просьбы, толкотня выматывают тебя и выводят из терпения. Но иначе и быть не могло. Ведь не все слышали, не все поняли, не все ребята вполне уверены, что они это точно знают, наконец, и сам воспитатель в такой суматохе мог что-нибудь проглядеть.

В хаосе текущих дел воспитателю приходится давать непродуманные, неразработанные, а значит, часто порочные распоряжения, ведь всегда в последнюю минуту что-нибудь выплывет. Доска объявлений сразу же заставляет (а потом и приучает) воспитателя заблаговременно обдумать план каждого мероприятия.

Воспитатели не умеют общаться с детьми при помощи письма. Большая ошибка!

Я повесил бы доску объявлений даже там, где большинство детей не умеют читать. Дети, не зная букв, научатся хотя бы узнавать свое имя, ощутят свою зависимость от тех детей, которые читают, почувствуют потребность читать.

«Завтра в десять часов утра будет выдаваться новая одежда. Так как не вся одежда готова, не получат новую одежду А, Б, В, Г… Старую одежду будут принимать Е и Ж…»

Объявления

«Кто нашел или хотя бы видел ключик на черной тесемке?»

«Кто разбил окно в умывалке, признавайся!»

Сообщения

«Вчера в спальне мальчиков было грязно».

«Ребята рвут книжки и бросают ручки где попало».

«Говорят не “маморальная вода”, а “минеральная вода”».

«Через месяц будет пасха. Вносите предложения, как лучше провести праздники».

«Кто хочет переменить место в спальне (за столом), пусть придет завтра в классную комнату в 11 часов утра».

Сообщения, предостережения и пожелания вывешивают теперь не только воспитатели, но и дети. И чего там только нет! Доска точно живая. И ты диву даешься, как это ты без нее обходился?!

– Скажите, пожалуйста, а я тоже?..

– Посмотри на доску объявлений.

– Да я не умею читать.

– Попроси того, кто умеет…

Доска объявлений дает широкий простор для инициативы и воспитателей, и детей. Календарь, температура, важные газетные сообщения, картинка, шарада, кривая драк, список поломок и повреждений, список сбережений, вес, рост. Коли есть время и охота, ребенок останавливается перед ней, словно перед витриной магазина, и глазеет. А можно вывешивать и сведения о столицах. Какие есть столицы, сколько в каждой жителей, какие цены на продукты питания. Всего сразу и не придумать…

Почтовый ящик

Воспитатель, который уже признал пользу письменного общения с детьми, быстро убедится в необходимости почтового ящика.

Доска объявлений вооружает воспитателя привычным, а значит, не требующим особого труда ответом «прочти». Почтовый ящик дает ему возможность отложить любое решение, ответив «напиши».

Ведь часто легче написать, чем сказать. Нет воспитателя, который не получал бы писем с вопросами, просьбами, жалобами, извинениями и признаниями. Так всегда велось, почтовый ящик только закрепляет разумный обычай.

Ты вынимаешь вечером пригоршню исписанных неумелой рукой листочков и потому, что вокруг тебя тишина и покой, читаешь внимательнее, раздумывая над тем, чему не придал бы значения по недостатку времени днем.

«Я могу завтра пойти в город? Мамин брат приехал».

«Ко мне ребята пристают».

«Вы несправедливый: всем карандаши чините, а мне не хотели».

«Я больше не хочу спать около двери, потому что мне ночью кажется, что кто-то входит».

«Я на вас сержусь».

«А учительница мне в школе сказала, что я уже лучше себя веду».

«Я хотел бы с вами поговорить об одном очень важном деле».

Иногда найдешь стишок без подписи: вспомнилось – взял и написал, а потом не знал, что с ним делать, и бросил в почтовый ящик.

Вытащишь и анонимку с нецензурной руганью или угрозами.

Письма бывают обычные, изо дня в день одни и те же, и крайне редкие, необыкновенные. О том, что повторяется изо дня в день, ты успеешь еще подумать не сегодня, так завтра. Над содержанием необыкновенного письма думаешь дольше.

Почтовый ящик приучает детей:

1. Ждать ответа. Не сразу, не по первому требованию.

2. Отличать мелкие, мимолетные огорчения, заботы, желания, сомнения от серьезных огорчений, забот, желаний, сомнений. Чтобы написать, надо принять какое-то решение. Да и так дети часто хотят взять обратно уже опущенные в ящик письма.

3. Думать, мотивировать.

4. Хотеть и уметь.

– Напиши и опусти в почтовый ящик.

– Да я не умею писать.

– Попроси кого-нибудь, кто умеет.

В начале работы я сразу же совершил ошибку, от которой хочу предостеречь других: я отсылал (не без иронии) к почтовому ящику хронических надоед.

Раскусив каверзу, они совершенно справедливо обижались и на меня, и на ящик.

– Теперь с вами совсем нельзя говорить.

Подобный упрек я слышал и от воспитателей: не слишком ли это официально, письменно общаться с детьми?

Я лично утверждаю, что почтовый ящик не затрудняет, а, наоборот, облегчает словесное общение с детьми. Я выбираю детей, с которыми необходимо поговорить по-товарищески, по душам или со всей серьезностью, и могу выбрать подходящий для себя и для ребенка момент. Почтовый ящик экономит время, благодаря ему день у меня становится длиннее.

Бесспорно, бывают дети, которые не любят писать, но, пожалуй, это исключительно те, кто рассчитывает на свое обаяние – улыбку, поцелуй, кокетство – на особое расположение, удачный момент. Эти дети желают заставлять, а не просить. Тот, кто уверен в своей правоте и полагается лишь на нее, подает заявление и спокойно ждет решения.

Полка

Полка может служить дополнением к доске объявлений. В Доме Сирот полки нет, но потребность в ней ощущается. Итак, на такой полке стоят: словарь, сборник пословиц, энциклопедия, план и описание города Варшавы, календарь, хрестоматии, руководства по играм: теннису, футболу и т. д. Несколько комплектов шашек для общего пользования. Библиотека ребятам необходима; выдача настольных игр в определенные дни и часы и надзор дежурного гарантируют их сохранность; а в сущности, должна же быть какая-то опытная станция для изучения свободно проявляемых социальных инстинктов ребенка? Ничего не поделаешь, ребята будут рвать, ломать и терять.

На полке есть место и для детских тетрадок. Один записывает полюбившиеся ему песенки, другой шутки и прибаутки, третий загадки, четвертый сны. Тетрадь учета драк и ссор, опозданий, потерь, поломок и повреждений. Издаваемые самими ребятами выпуски типа листовок и ежемесячники: естественно-научные, туристические, литературные и общественные.

Сюда дежурные складывают рапорты и дневники. Сюда же можно класть и дневник воспитателя. Не каждый дневник обязательно держать под замком. Мне кажется, дневник, в котором воспитатель делится пережитыми им разочарованиями, трудностями, ошибками и впечатлениями, как приятными и радостными, так и тяжелыми, может иметь большое воспитательное значение.

Здесь место и книжке учета: кто, когда и зачем идет в город и когда возвращается – и нотариальной книжке. Дети охотно обменивают, продают и перепродают свою мелкую собственность. Мы не должны смотреть на это как-то недоброжелательно и тем более запрещать. Если перочинный нож или ремень является собственностью ребенка, почему ему нельзя обменять их на пенал, магнит или увеличительное стекло? Если мы боимся нечистых сделок, споров, ссор, давайте введем нотариальные книжки, которые предотвратят злоупотребления. Если дети легкомысленны и неопытны, дадим им возможность приобрести опыт!

(Так как я придаю дневнику воспитателя большое значение, приведу несколько отрывков из своего дневника:

– Сегодня я несправедливо рассердился на одного из ребят. Несправедливо! Но я не мог поступить иначе. Ну что делать, если моя обязанность – стоять на страже равноправия? Что сказали бы ребята, разреши я одному делать то, за что наказываю других?..

– Вечером у меня в комнате собрались ребята старшего возраста. Мы говорили о будущем. Почему им так хочется стать взрослыми? Дети наивны, они думают, что быть взрослым – это значит делать все, что хочешь. Они не видят оков на нашей зрелой воле.

– Снова кража. Я знаю, где сто детей, обязательно один из них вор (один ли?). Однако я не могу с этим смириться. Я в обиде на всех, словно все в этом замешаны.

– А вот и исправился! Я было боялся поверить раньше времени, но вот уже несколько недель внимательно приглядываюсь. Может, нашел себе хорошего товарища? Ох, если бы так и осталось!

– Опять я узнал об одной некрасивой истории. Делаю вид, что ничего не знаю. Так это неприятно – то и знай ворчать, браниться, злиться, дознаваться.

– Странный мальчик. Все мы его уважаем. Он мог бы иметь большое влияние на товарищей, а сторонится всех наших начинаний. На удивление чуждый всем и замкнутый ребенок. И это в нем не эгоизм и не враждебное отношение, он просто не может по-другому, а жаль…

– Уж такой нынче приятный денек! Все ребята здоровые, веселые, деятельные. Все шло как-то хорошо, быстро и складно. Таких бы денечков побольше!)

Шкаф находок

Воспитатель косо поглядывает на содержимое детских карманов и ящиков. И чего там только нет: картинки, открытки, шнурки, гвозди, камни, тряпочки, бусы, коробки, пузырьки, цветные стеклышки, марки, птичьи перья, шишки, каштаны, ленточки, засушенные листья и цветы, вырезанные из бумаги фигурки, трамвайные билеты, обломки чего-то, что уже было, завязи чего-то, что еще только чем-то станет. У каждой мелочи имеется своя, часто очень путаная история, свое особое происхождение, свое особое значение, иногда очень большое для ребячьей души.

Тут есть и воспоминания о прошлом, и порыв к будущему. Маленькая раковинка – это мечты о морском путешествии; винтик и несколько проволочек – аэроплан, гордое стремление к полетам; глаз давно разбитой куклы – память о любимом существе, которого уже нет и не будет. Найдешь и фотографию матери, и завернутые в розовую промокашку два гроша – подарок покойного дедушки.

Прибывают новые предметы, часть старых теряет прежнее значение. Ребенок меняет, дарит, а потом жалеет и отбирает.

Я боюсь, что невежда-воспитатель, не понимая, а значит, ни с чем не считаясь, в гневе на то, что заедают выдвижные ящики и рвутся карманы, обозленный из-за вечных споров и беспокойства, что у ребят то все пропадает, то опять находится – понакидано, понабросано, понашвыряно, в приступе плохого настроения возьмет да и соберет все эти сокровища в кучу и выбросит весь мусор в печку. Он совершает неслыханное злоупотребление, варварское злодеяние. Как ты смеешь, дубина, распоряжаться чужой собственностью? Как ты смеешь потом требовать от детей, чтобы они что-нибудь уважали и кого-нибудь любили? Ты сжигаешь не бумажки, а любовь к традициям, мечты о красивой жизни.

Задача воспитателя – добиваться, чтобы у каждого ребенка было что-то, что являлось бы не безымянной собственностью учреждения, а его личной собственностью, и чтобы он мог эту свою собственность хранить в безопасном месте. Когда ребенок кладет что-нибудь в свой ящик, он должен быть уверен, что у него это никто не тронет; ведь две бусинки – это для него драгоценные сережки, обертка от шоколада – акции рантье, дневник – сданный в архив секретный документ. Мало того, твой долг помочь ребенку найти потерянные им предметы.

Так значит, стеклянный шкаф для находок. Ведь у каждого,

даже самого мелкого предмета есть свой хозяин. Закатилось ли что-нибудь под стол, забыто ли на окне или наполовину засыпано песком во дворе – все это должно попасть в шкаф.

Чем меньше в данном интернате «ничьих» предметов, чем больше собственных мелочей, тем сильнее тебя допечет обязанность постоянно получать и выдавать находки и выслушивать жалобы на то, что «у меня пропало». А как ты поступаешь с тем, что тебе отдают как находку? Кладешь в карман: пример бесчестного отношения.

В Доме Сирот есть почтовый ящик находок. Дежурный из ящика перекладывает их в стеклянный шкаф и в определенные часы возвращает владельцам.

В период острой борьбы за порядок я передавал в «шкаф находок» каждую валявшуюся без призора шапку, не повешенный на место фартук, забытую на столе книжку.

Ларек

Законные, справедливые требования ребят: тетрадка, карандаш, перо, шнурок для ботинок, иголка, наперсток, пуговица, мыло – и так с утра до вечера. Сущее наказание! Вечно у них что-нибудь кончается, ломается, обрывается, вечно им что-то нужно – ни минуты покоя!

Значит, ларек – маленькая комнатка или, пожалуй, скорее даже шкаф, в конце концов, может быть, даже просто ящик. Но ты выдаешь раз в день, в определенное время. Кто опоздал или забыл, должен ждать до следующего дня. О чем тут спорить?!

Выдавая, ты записываешь, кто, что и когда получил. Если ты обвинишь ребенка в том, что он ломает перья, у тебя будет возможность подтвердить это фактами, цифрами, сравнить с другими. Некоторые предметы выдаются в ларьке бесплатно, другие продаются по низкой цене.

Вешалка для половых щеток

Следовало бы озаглавить: дежурства. Я предпочел написать «вешалка для половых щеток», чтобы подчеркнуть, что дежурство ничего не даст, если мы одновременно не добьемся от ребят уважения к половой щетке, тряпке, помойному ведру, совку для мусора.

Рабочие инструменты уже завоевали некоторое уважение. И хотя книга по-прежнему продолжает занимать привилегированное положение, молоток, рубанок, клещи вышли уже из своего убежища в темном углу или из ящика под кроватью, а швейная машина даже допущена на господскую половину.

В Доме Сирот мы извлекли щетку и тряпку из чулана под лестницей и поместили их не только на видном, но и на почетном месте – рядом с парадным входом в спальню. И странное дело, на свету все это «простонародье» облагородилось, приобрело одухотворенность и стало ласкать взоры своей эстетической внешностью.

На две спальни у нас шесть половых щеток. Будь их меньше, сколько споров, ссор и драк прошло бы перед нашими глазами! Если мы придерживаемся взгляда, что хорошо вытертый стол равноценен старательно переписанной странице, если мы заботимся о том, чтобы труд воспитывал и формировал ребенка, а не просто хотим заменить детским трудом труд домашней прислуги, мы должны этот вопрос изучить, и не кое-как, а основательно, распределив работу между всеми, – и проверять, и наблюдать, и менять дежурных, и посвятить этому много времени и мыслей.

Сто ребят – это сто работников, поддерживающих порядок и ведущих хозяйство, сто разных уровней, сто разных степеней силы, знаний, темпераментов или характеров, безразличия или желания быть полезным.

Упорядочение дежурств – это не начало, а окончание организационной работы, не какая-нибудь одна беседа, а несколько месяцев напряженной работы рук и зоркой творческой мысли.

Прежде всего надо знать работу и знать детей. Я видел в интернатах такую невероятную небрежность при распределении обязанностей, что дежурства деморализовали, выматывали ребят, учили их ненавидеть всякую помощь интернату.

Бывают дежурства легкие, не требующие ни физической силы, ни умения, ни особых душевных качеств, легко контролируемые, выполняемые пассивно, без применения орудий

труда, например: расставить стулья, подобрать бумажки.

Кто вытирает пыль, у того уже есть тряпочка, за которую он отвечает.

В классах, где четверо дежурных, требуется координация действий.

Дежурства бывают утренние и вечерние, ежедневные и еженедельные (раздача белья, купание, стрижка волос), разовые (выколачивание матрасов), летние (уборные во дворе) и зимние (уборка снега).

Каждый месяц составляется и вывешивается новый список дежурных. Этому предшествует подача ребятами заявлений.

Например:

«Я хочу быть дежурным по спальне». «Я хочу убирать класс и заведовать банными простынями». «Я хочу дежурить по умывалке, а если это нельзя, то в раздевалке». «А я хочу в уборной и еще хочу быть подавальщицей за восьмым столом».

На каждое дежурство есть свои кандидаты, которые подают заявки на вакантные должности, договариваются между собой, добиваются согласия, ведут многочисленные переговоры.

Плохому дежурному приходится изрядно набегаться, наволноваться и наобещать, чтобы закрепить за собой место.

«Я с тобой не хочу, ты дерешься, опаздываешь – ты ленивый».

К сожалению, мы не учитываем и десятой доли этой большой воспитательной работы. У каждой должности есть свои плохие и хорошие стороны, и каждая работа требует умения ладить с людьми. На новом дежурстве ребенок сталкивается с неожиданными радостями и трудностями. То, что он делает что-то новое, заставляет его стараться, а чуть работа приелась, появляется необходимость напрячь энергию, чтобы завоевать облюбованное место или удержаться на старом.

Здесь достигается полное равноправие возрастов и полов: младший, но старательный быстро продвигается по работе, мальчик слушает девочку.

Там, где на одном участке несколько дежурных, один из них старший. На каждом этаже есть свой ответственный дежурный. В этом делении нет ничего искусственного. Заведовать работой другого – тяжелая обязанность, ответственность – неприятная вещь. Люди, не посвященные во все детали нашей работы, предъявляли нам обвинения по поводу этой градации. Каждый должен сам себя контролировать; однако не все и не всегда в жизни получается так, как оно должно быть. Некоторый процент небрежных, недобросовестных и легкомысленных встречается и среди ребят; впрочем, надо ведь не только контролировать, кто-то должен и учить, и помогать. И тут воспитатель, если он желает

иметь время на более длительные беседы с отдельными детьми, обязан прибегнуть к письменной форме общения с основной массой ребят. Поэтажные и старшие дежурные по важнейшим видам хозяйства отчитываются каждый вечер в своем дежурстве, подавая дневники.

Хотя в Доме Сирот только часть дежурств платные, я лично придерживаюсь мнения, что оплачиваться должны все дежурства. Мы желаем воспитать хороших граждан, но у нас нет необходимости воспитывать идеалистов. Дом Сирот заботится о детях, у которых нет родителей, не из милости и, заменяя в материальном отношении умерших родителей, не имеет права не предъявлять к детям требований. Почему мы не должны, и как можно раньше, научить ребенка понимать, что такое деньги и плата за труд, чтобы ребенок знал цену независимости, которую дает заработок; чтобы ребенок знал плохие и хорошие стороны владения собственностью? Ни один воспитатель не вырастит из сотни детей сотню идеальных людей; а объявись несколько самородков, горе им, если они не будут уметь считать. Ибо деньги дают все, кроме счастья; нет, дают даже и счастье, и разум, и здоровье, и нравственность. Но ты покажи ребенку, что деньги приносят и несчастье, и болезни, и лишают рассудка. Пусть ребенок на заработанные им деньги объестся мороженым, и пусть у него заболит живот; пусть он из-за гривенника поссорится с товарищем; пусть проиграет, потеряет, пусть у него их украдут; пусть и пожалеет, что купил, пусть польстится на доходное дежурство и убедится, что не стоило; пусть оплатит причиненный им ущерб.

Опекунская комиссия

Вместо объяснений привожу дневник одного из наших сорвиголов, адресованный к девочке-опекунше, вместе с ее замечаниями.

16 апреля

«Я хотел бы быть столяром. Когда я поеду путешествовать, я смогу тогда сделать себе сундук и в этот сундук положу разные свои вещи и одежду и уеду, и куплю саблю и ружье. Если нападут дикие звери, я буду защищаться. Я очень люблю Гелю, но на девочке из Дома Сирот я не женюсь».

Замечание опекунши: «Геля тоже тебя любит, но не очень, потому что ты хулиган. А почему ты не хочешь жениться на девочке из нашего детдома?»

«Я не хочу брать жену из нашего детдома потому, что мне будет стыдно. Когда я поеду путешествовать, чтобы открыть часть света, я научусь хорошо плавать даже в океане. Я поеду в Америку, буду много работать, заработаю денег, куплю себе автомобиль и проживу там три недели. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Спокойной ночи. А ты будешь мне писать?»

«Я и Р. разговаривали о том, как мы жили дома. Я сказал, что у меня отец был портным, а у Р. отец сапожник. А теперь мы словно в тюрьме, потому что мы не дома. И если у кого нет ни отца, ни матери, то жизнь у него пропащая. Я рассказал ему, как отец посылал меня за пуговицами, а Р. отец посылал за гвоздями и т. д. Я забыл».

Замечание опекунши: «Пиши разборчивее».

«Вот как будет. Когда я вернусь из путешествия, я женюсь. Посоветуй, на ком мне жениться: на Доре, на Геле или на Мане. Я не знаю, кого взять в жены. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Дора сказала, что ты еще сопляк. Маня не соглашается, а Геля смеется».

«Ведь я не просил тебя их спрашивать, я только написал, кого я люблю. Теперь я ужасно расстроился, мне стыдно, я ведь только тебе одной написал, кого я люблю. И что теперь будет? Ведь мне стыдно к ним подойти. Пожалуйста, скажи мне, за какой стол мне сесть, чтобы хорошо себя вести, и напиши мне какую-нибудь длинную-предлинную сказку. И пожалуйста, никому не показывай, а то я теперь боюсь писать. И мне очень хочется знать, как выглядит австралиец, какие они там».

Замечание опекунши: «Раз ни Доре, ни Мане, ни Геле не

стыдно, так и тебе нечего стыдиться. В маленькой тетрадке сказки не пишут. Если ребята тебя примут, садись за третий стол. Австралийца я постараюсь тебе показать. А твой дневник я больше не стану показывать».

«Хоть бы мне уже исполнилось двенадцать лет! То-то было бы счастье! Когда я стану уезжать, я со всеми попрощаюсь. Я не знаю, что писать».

Замечание опекунши: «Ты сказал, что тебе столько всего хочется написать и что ты не знаешь, хватит ли тебе бумаги, а теперь не знаешь, что писать?»

«Пожалуйста, посоветуй мне что-нибудь, у меня страшное горе и нечистая совесть. Вот это какое горе: не знаю почему, но на уроках у меня из головы не идет один мой недостаток – и боюсь я его, – как бы я не украл. Я не хочу никого огорчать и стараюсь исправиться. И чтобы об этом моем недостатке не думать, я думаю о путешествиях. Спокойной ночи».

Замечание опекунши: «Ты очень хорошо сделал, что написал мне об этом. Я с тобой поговорю и что-нибудь посоветую. Но когда я говорю, чур, не обижаться».

«Я уже исправился. Я дружу с Г., и он меня уже исправил. И я очень стараюсь. А почему мне можно ходить в город раз в две недели? Ведь я такой же, как и все, чем они меня лучше? А они ходят каждую неделю, а я раз в две недели. Я хочу быть таким, как все. Бабушка просила меня приходить каждую неделю, а мне стыдно сказать, что меня не пускают».

Замечание опекунши: «Ты сам знаешь, почему тебе нельзя ходить в город, как всем. Я попрошу, но сомневаюсь, удастся ли».

«У меня и так были неприятности, потому что когда меня выгнали из школы, то должны были выгнать и из Дома Сирот, если меня не примут обратно в школу. А теперь я уже опять хожу в школу. Я уже знаю 35 народов. И у меня есть книжка о путешествиях. Правильная книжка. Мне очень хочется какую-нибудь коробку. Пожалуйста, ответь».

Замечание опекунши: «Я дам тебе коробку, у себя поищу или где-нибудь достану. А ты можешь мне написать, зачем тебе эта коробка?»

«Мне эта коробка очень нужна, у меня много вещей: письма, книжки, очень много нужных вещей… Теперь я уже ни с кем не дружу, мне не с кем. А когда эта тетрадка кончится, мне дадут новую? Я некрасиво написал, на двух линейках. Я буду писать обо всем, буду записывать всякие огорчения, что я сделал плохого и о чем думаю. Мне надо написать очень много разных любопытных вещей».

Мальчику было девять лет, опекунше – двенадцать.

Общее собрание

Мыслей у детей не меньше, и они не беднее и не хуже, чем у взрослых, только они другие. В нашем мышлении образы линялые, ветхие, чувства тусклые и словно покрытые пылью. А дети думают сердцем, не умом. Поэтому нам так трудно найти с детьми общий язык, поэтому нет более сложного искусства, чем умение с ними говорить. Долгое время мне казалось, что с детьми нужно говорить просто, понятно, занимательно, образно, убедительно. Теперь я думаю по-другому: мы должны говорить коротко и с чувством, не подыскивая слова и выражения, говорить искренне. Я предпочел бы теперь сказать ребятам: «Мое требование к вам несправедливо, оскорбительно, невыполнимо, но я обязан это от вас требовать», чем обосновать такое требование и ждать, чтобы ребята признали за мной правоту.

Собрать детей, разжалобить или, наоборот, отругать их и добиться нужного тебе постановления – это не собрание.

Собрать детей, произнести речь, разжечь их и выбрать нескольких, чтобы они взяли на себя обязательства и ответственность, – это не собрание.

Собрать детей, сказать, что я не могу справиться, и пускай они сами что-нибудь придумают, чтобы было лучше, – это не собрание.

Галдеж, бестолочь – голосуют, лишь бы отделаться, – это пародия на собрание.

Частые речи и частые собрания с целью поставить или разрешить какие-либо животрепещущие вопросы опошляют этот способ вызова коллективной реакции.

Собрание должно иметь деловой характер, замечания ребят выслушиваться внимательно и честно – никакой фальши или нажима, – решение откладывать до того момента, когда воспитатель выработает план действий. Если воспитатель может что-либо не знать, не уметь или не мочь, то и ребята имеют право не знать, не уметь или не мочь.

И никаких невыполнимых обещаний! Обещают глупые и бездумные, а умные и честные сердятся или вышучивают.

Чтобы найти общий язык с детьми, надо поработать. Само собой это не приходит! Ребенок должен знать, что он может взять слово, что это стоит делать, что это не вызовет гнева или неприязни, что его поймут. Мало того, он должен быть уверен, что товарищи его не высмеют и не заподозрят в желании подмазаться к воспитателю. Собрание требует чистой и достойной моральной атмосферы. Нет более бессмысленной

комедии, чем нарочито подстроенные выборы и голосования с заранее известным результатом.

Кроме того, ребята должны научиться вести собрание. Ведь совещаться всем скопом нелегко.

И еще одно условие. Принуждать к участию в обсуждениях и голосованиях не надо. Есть дети, которые не хотят участвовать в обсуждениях. Надо ли их заставлять?

– Болтают и болтают, а толку чуть.

– К чему собираться, и так ведь по-своему сделаете.

– Что это за собрание, когда никто ничего сказать не может, сразу же все смеются или сердятся.

Пренебрегать этой критикой или объяснять вообще дурным отношением не следует. И правильно, что ребята, способные критиковать, жалуются…

Если я теперь отношусь к собраниям со всей строгостью, то в начале своей работы в Доме Сирот я переоценивал их значение, злоупотребляя словом.

Как бы то ни было, собрания пробуждают коллективную совесть, укрепляют чувство общей ответственности, словом, оставляют след. Однако будьте осторожны. В ребячьей толпе нет и не может быть абсолютного товарищества и солидарности. С одним у меня общего только крыша над головой и звонок на подъем, с другим – школа, с третьим – одни и те же склонности, с четвертым у меня – дружба, с пятым – любовь. Дети имеют право жить группами и отдельно, своим умом и трудом.

Газета

Воспитательное учреждение без газеты кажется мне беспорядочным и безнадежным топтанием на месте и брюзжанием воспитателей, повторением одного и того же без определенной цели и без контроля над детьми, чем-то временным и случайным, без традиции, без воспоминаний, без перспектив.

Газета – это прочное звено, она связывает неделю с неделей и сплачивает детей, воспитателей и техперсонал в единое целое.

Газету читают вслух всем детям.

В газете находит свое выражение каждое изменение, улучшение или реформа, каждый недочет, каждое пожелание.

Можно писать о них в двух строках в хронике, в статье и в передовой. Можно только отметить:

«А подрался с Б». Или: «Все чаще и чаще происходят драки. Вот опять имела место драка между А к Б. Мы не знаем, из-за чего они подрались, но разве обязательно каждый спор должен кончаться дракой?» Или: «Долой кулачную расправу!» Или: «С этим надо раз и навсегда покончить». Под сенсационным заголовком излагается вопрос о драках.

Для воспитателя, который обязан понять ребенка и себя, газета – прекрасный регулятор его слов и поступков. Газета – это живая хроника его работы, усилий, ошибок, трудностей, с которыми он боролся. Газета – это подтверждение его способностей, свидетельство о его деятельности, защита перед возможными упреками. Газета – это научный документ, которому нет цены.

Может быть, вскоре в учительских семинариях будут введены лекции по педагогической журналистике.

Товарищеский суд

Если я посвящаю суду непропорционально много места, то это делается в убеждении, что детский товарищеский суд может положить начало детскому равноправию, привести к конституции, заставить взрослых провозгласить декларацию прав ребенка. У ребенка есть право на серьезное отношение к его делам и на справедливое их рассмотрение. До сих пор все зависело от доброй воли и хорошего или плохого настроения воспитателя. Ребенок не имел права протестовать. Деспотизму надо положить конец!

Кодекс товарищеского суда

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить. Если он совершил проступок потому, что не знал, теперь он уже знает. Если он совершил проступок нечаянно, он станет осмотрительнее. Если он совершил проступок потому, что ему трудно привыкнуть поступать по-другому, он постарается привыкнуть. Если он совершил проступок потому, что его уговорили ребята, он больше уже не станет их слушать.

Если кто-нибудь совершил проступок, лучше всего его простить в надежде, что он исправится.

Но суд обязан защищать тихих ребят, чтобы их не обижали сильные, суд обязан защищать добросовестных и трудолюбивых, чтобы им не мешали разболтанные и лентяи, суд обязан заботиться, чтобы был порядок, потому что от беспорядка больше всего страдают добрые, тихие и добросовестные люди.

Суд – это еще не сама справедливость, но он обязан стремиться к справедливости; суд – это еще не сама истина, но он жаждет истины.

Судьи могут ошибаться. Судьи могут наказывать за поступки, которые и им самим случается совершать, и называть плохим то, что и им самим доводится делать.

Но позор тому судье, который сознательно вынесет несправедливый приговор.

Как подавать в суд?

На видном месте висит доска. На этой доске каждый может записать свое дело: свою фамилию и фамилию того, на кого он подает в суд. Можно подать в суд на себя самого, на любого ребенка, на любого воспитателя, на любого взрослого.

Каждый вечер секретарь вписывает дела в книгу, а на следующий день собирает показания. Показания могут даваться

устно или письменно.

Судьи

Суд собирается раз в неделю. Судьи выбираются жеребьевкой из тех ребят, на которых за всю неделю ни разу не подавали в суд. На каждые пятьдесят дел выбирается по пяти судей.

Может получиться так, что имеется, например, сто двадцать дел. Значит, надо пятнадцать судей. А такого количества ребят, у которых не было бы на неделе ни одного дела, нет. Тогда тянут жребий все, а на группы разбиваются так, чтобы никому не приходилось вести своего дела.

Решения принимаются согласно кодексу, причем секретарь имеет право с согласия судей передавать некоторые дела на рассмотрение судебного совета или на расширенное судебное заседание, чтобы их разбирали при всех и все всё слышали и точно знали. Секретарем суда является воспитатель. Приговоры заносятся в книгу и зачитываются перед всеми. Недовольные приговором могут подавать свои дела на повторное рассмотрение, однако не раньше, чем по истечении месяца.

Судебный совет

Судебный совет должен состоять из воспитателя и двух судей, избираемых на три месяца тайным голосованием.

Кроме вынесения приговоров судебный совет занимается разработкой обязательных для всех законов.

Поскольку у судей из совета тоже могут быть свои судебные дела, в судебный совет выбираются пять судей, судят же каждое дело только трое.

Секретарь

Секретарь не судит, а только собирает показания и зачитывает их на заседаниях суда. Секретарь ведет судебную доску, книгу показаний и приговоров, стенную доску поломок и повреждений, заведует фондом материальных потерь, ведет кривую приговоров и редактирует газету.

Забота суда о порядке

Если кто-нибудь опаздывает, шумит, мешает, не кладет вещи на место, не соблюдает очередь, сорит, разводит грязь в доме, входит туда, куда вход запрещен, пристает, ссорится и дерется, он нарушает порядок. И надо подумать, как с ним быть.

Суд может или простить, или сказать, что обвиняемый поступает плохо, или просить совет позволить нарушителю уклониться от соблюдения режима. Совет может дать ему время

подумать о своем поведении.

Совет может позволить кому-нибудь одному делать то, что никому не разрешается. Пускай этот один будет исключением.

Забота о выполнении обязанностей

Кто не хочет учиться или работать и делает все небрежно, тот причиняет себе вред и никому не приносит пользы.

Если суд не помогает, надо обратиться в совет – может быть, этот мальчик болен, может быть, ему надо дать время привыкнуть, а может быть, совсем освободить от работы?

Забота о людях

Разные ребята живут у нас вместе. Этот маленький, а тот большой; один сильный, а другой слабый; этот умный, а тот не такой умный; один веселый, другой печальный; один здоровый, а у другого что-нибудь болит. Суд смотрит за тем, чтобы большой не обижал маленького, маленький не мешал старшему. Чтобы умный не эксплуатировал и не высмеивал тех, кто поглупее. Чтобы забияка не лез сам, но чтобы и его не задевали. Чтобы веселый не подстраивал глупых шуток над невеселыми.

Суд должен следить, чтобы каждый имел то, что ему нужно, тогда не будет несчастных и озлобленных.

Суд может простить, а может и сказать, что кто-нибудь поступил неправильно, плохо, очень плохо.

Забота о собственности

Сад, двор, дом, стены, двери, окна, лестницы, печи, стекла, столы, лавки, шкафы, стулья, постели – если обо всем этом не заботиться, все будет поломано, попорчено, станет грязным и некрасивым. То же самое и с пальто, костюмами, шапками, носовыми платками, тарелками, кружками, ложками – если их потеряют, порвут, сломают, разобьют, жалко ведь, да? То же и с книжками, ручками, игрушками – портить их не надо, их надо беречь.

Иногда убыток невелик, а иногда и велик; иногда огорчение маленькое, а иногда и большое.

Тот, кто принес убыток, подает на себя в суд, который решает, должен ли подававший покрыть убыток сам, или это будет сделано из судебного фонда.

Все вышесказанное относится и к личной собственности.

Забота о здоровье

Болезнь, увечье и смерть – все это большие несчастья. Стекло можно вставить, мячик купить; ну а что сделаешь, если кому-

нибудь глаз выбили?

Если даже несчастья и не случилось, все равно надо помнить, что следует быть осторожным.

Судебный совет решает, сколько висеть на судебной доске объявлению о несчастном случае или о болезни по своей вине.

Неизвестно кто…

Кто это сделал, неизвестно. Никто не хочет признаться. Если очень стараться, узнать всегда можно. Но так неприятно искать, следить, подозревать. Если что-нибудь случилось и неизвестно, кто это сделал, то подают в суд на неизвестного. На неизвестного заводят дело, судьи судят и вывешивают приговор на судебной доске. Если этот поступок позорит все учреждение, совет постановляет пришить на знамени учреждения черный траурный лоскут.

Все так делают

Если что-нибудь часто повторяется, а всех ведь под суд не отдашь, следует хорошенько подумать, как быть.

– Все опаздывают. Никто не вешает шапку.

Неправда, не все опаздывают, а многие. И один делает это два раза в неделю, а другой раз в месяц. Но что налицо беспорядок – да, верно.

Совет решил вывесить график поведения и, если это понадобится, предпримет и еще что-нибудь, чтобы не было непорядка.

Исключения

Кто-нибудь один не может привыкнуть, кто-нибудь один нарушает режим. Перепробовали все – не помогает. Как быть?

– Если мы позволим одному то, что всем запрещается, или освободим от того, что обязаны делать все, выйдет что-нибудь плохое или не выйдет?

Судебный совет может сделать для кого-нибудь исключение до тех пор, пока тот сам не заявит, что больше не хочет. Совет постановляет, помещать этих «исключительных» на судебную доску объявлений или не помещать.

Ст. 1–99

Существует девяносто девять статей оправдывающих или таких, где говорится: суд дела не разбирал. После такого суда все остается так, словно суда и вовсе не было, или – и это единственное следствие проступка – нарушителя обязуют стараться больше так не делать.

Ст. 100

Суд не говорит, что он виновен, не объявляет ему порицания, не сердится на него. Но, рассматривая статью сотую как самое маленькое наказание, суд включает это наказание в кривую судебных приговоров.

Ст. 200

Статья двухсотая гласит: «Он поступил неправильно».

Ничего не поделаешь. С каждым может случиться. Мы просим его больше так не делать.

Ст. 300

В статье трехсотой говорится: «Он поступил плохо».

Суд осуждает.

Если при статьях сотой и двухсотой суд просит, чтобы этого больше не было, при трехсотой суд требует, чтобы это больше не повторялось.

Ст. 400

Статья четырехсотая – большая провинность.

В статье четырехсотой говорится: «Ты поступил очень плохо» или: «Ты поступаешь очень плохо».

Статья четырехсотая – это последняя попытка, последнее желание избавить виновного от стыда, последнее предостережение.

Ст. 500

В статье пятисотой говорится: «Кто совершил такой поступок, кому до такой степени нет дела до наших просьб и требований, тот или не уважает себя, или не думает о нас. Поэтому и мы его больше не можем щадить.

Приговор с именем и фамилией опубликовывается в газете на первой странице».

Ст. 600

Суд вывешивает сроком на неделю приговор на судебной доске объявлений и опубликовывает его в газете.

Если кто-нибудь получил шестисотую статью за то, что поступает так постоянно, можно вывесить кривую его поведения и на более долгий срок, тогда вместо полных имени и фамилии ставятся инициалы.

Ст. 700

Кроме того, что несет за собой статья шестисотая, по статье семисотой о содержании приговора оповещают семью.

Может быть, виновного придется исключить. Значит, надо предупредить семью. Если сразу скажешь: «Забирайте его домой» – родные могут обидеться, что, мол, не предупредили, скрыли.

Ст. 800

Статья восьмисотая как бы говорит: «Суд не помогает. Может быть, наказания, какие раньше применялись в воспитательных учреждениях, и помогли бы, но у нас таких наказаний нет.

Даем виновному неделю на размышление. За эту неделю ни он не может подавать на кого-нибудь в суд, ни на него никто не будет подавать в суд. Посмотрим, исправится ли он и надолго ли».

Приговор опубликовывается в газете, вывешивается на доске объявлений, оповещается семья.

Ст. 900

Статья девятисотая гласит:

«Мы потеряли надежду, что он может исправиться сам, без посторонней помощи».

Приговор этот как бы говорит:

«Мы ему не верим».

Или:

«Мы его боимся».

И наконец:

«Мы не хотим иметь с ним никакого дела».

Другими словами, по статье девятисотой виновный исключается из интерната. Однако он может и остаться, если кто-нибудь возьмет на поруки. И, уже исключенный, может вернуться, если найдет себе опекуна.

Опекун отвечает перед судом за все его провинности.

Опекуном может быть воспитатель или кто-нибудь из ребят.

Ст. 1000

Тысячная статья гласит:

«Исключаем».

Каждому исключенному предоставляется право по истечении трех месяцев ходатайствовать об обратном принятии в интернат.

Кривая приговоров

Как в больнице у каждого больного есть своя кривая температуры, так и на судебной доске объявлений висит график морального здоровья интерната, и по нему можно узнать, как

идут дела – плохо или хорошо.

Если на заседании суда вынесено четыре приговора по статье сотой (100 × 4 = 400), шесть приговоров по статье двухсотой (200 × 6 = 1200) и один по статье четырехсотой, то всего будет: 400 + 1200 + 400 = 2000, и мы отмечаем в графике, что за эту неделю обвинительные приговоры дали цифру две тысячи.

Кодекс

Суд не рассматривает дела

Ст. 1. Суд заявляет, что А взял свою жалобу обратно.

Ст. 2. Суд считает обвинение вздорным.

Ст. 3. Суд не знает, как было на самом деле, и потому отказывается от разбирательства.

Ст. 4. Суд выражает уверенность, что ничего подобного не повторится, и поэтому не рассматривает дела.

Примечание. На эту статью должно быть получено согласие обвиняемого.

Ст. 5. Суд отказывается от рассмотрения дела, предвидя, что эти проступки скоро сами по себе прекратятся.

Ст. 6. Суд откладывает рассмотрение дела на одну неделю.

Ст. 7. Суд принял к сведению сообщение о проступке.

Ст. 8…

Ст. 9…

Суд хвалит, благодарит, выражает сожаление

Ст. 10. Суд усматривает в поступке А не провинность, а пример гражданского мужества (энергию, справедливость, честность, благородный порыв, искренность, душевную доброту).

Ст. 12. Суд благодарит А, что сообщил ему о своем проступке.

Ст. 12. Суд извиняется, что обеспокоил вызовом в суд.

Ст. 13. Суд выражает сожаление о происшедшем, однако не обвиняет А.

Ст. 14…

Ст. 15…

Ст. 16…

Ст. 17…

Ст. 18…

Ст. 19…

Суд не видит вины

Ст. 20. Суд признает, что А выполнил свой долг, поступил так, как и следовало поступить.

Ст. 21. Суд считает, что А имел право так поступить (сказать).

Ст. 22. Суд считает, что А был прав.

Ст. 23. Суд считает, что А не оскорбил Б.

Ст. 24. Суд считает, что А сказал правду.

Ст. 25. Суд считает, что А не сделал ничего плохого.

Ст. 26…

Ст. 27…

Ст. 28…

Ст. 29…

Суд относит происшедшее за счет условий/случая, возлагает ответственность на многих/на одного

Ст. 30. Суд считает, что А не мог поступить по-другому.

Ст. 31. Суд относит происшедшее за счет условий/случая, не обвиняя А в том, что произошло.

Ст. 32. Было бы несправедливо осуждать одного, раз так поступали многие.

Ст. 33. Суд возлагает ответственность за то, что сделал А, на Б.

Ст. 34…

Ст. 35…

Ст. 36…

Ст. 37…

Ст. 38…

Ст. 39…

Суд просит простить

Ст. 40. Суд считает, что Б не должен сердиться на А.

Ст. 41. Суд просит простить обидчика.

Ст. 42…

Ст. 43…

Ст. 44…

Ст. 45…

Ст. 46…

Ст. 47…

Ст. 48…

Ст. 49…

Суд прощает, потому что не видит злого умысла

Ст. 50. Суд прощает А, который мог не знать или не понимать, что он делает, и выражает надежду, что это больше не повторится.

Ст. 51. Суд прощает А, который не вполне понимал, что он делает, и выражает надежду, что это больше не повторится.

Ст. 52. Суд прощает А, который не знал, что так получится (сделал это не нарочно, по неосторожности, по ошибке, по рассеянности).

Ст. 53. Суд прощает А, потому что А не имел намерения оскорбить Б (огорчать).

Ст. 54. Суд прощает А, потому что это была шутка (глупая шутка).

Ст. 55…

Ст. 56…

Ст. 57…

Ст. 58…

Ст. 59…

Суд прощает, принимая во внимание смягчающие вину обстоятельства

Ст. 60. Суд прощает А, потому что он сделал (сказал) это в гневе, он ведь вспыльчивый, он исправится.

Ст. 61. Суд прощает А, потому что он это сделал из упрямства, он исправится.

Ст. 62. Суд прощает А, потому что он это сделал из ложного самолюбия, он исправится.

Ст. 63. Суд прощает А, потому что он легко ссорится, он исправится.

Ст. 64. Суд прощает А, потому что он это сделал из страха, он будет храбрее.

Ст. 65. Суд прощает А, потому что он слабый.

Ст. 66. Суд прощает А, он поступил так потому, что к нему приставали.

Ст. 67. Суд прощает А, потому что он поступил так не подумав.

Ст. 68…

Ст. 69…

Суд прощает, потому что виновный уже достаточно наказан и раскаивается

Ст. 70. Суд прощает, потому что А уже понес наказание.

Ст. 71. Суд прощает, потому что А жалеет, что он так поступил.

Ст. 72…

Ст. 73…

Ст. 74…

Ст. 75…

Ст. 76…

Ст. 77…

Ст. 78…

Ст. 79…

Суд делает попытку простить

Ст. 80. Суд прощает А, потому что полагает, что на него можно воздействовать только лаской.

Ст. 81. Суд пробует вынести оправдательный приговор.

Ст. 82. Суд прощает, не теряя надежды, что А исправится.

Ст. 83…

Ст. 84…

Ст. 85…

Ст. 86…

Ст. 87…

Ст. 88…

Ст. 89…

Оправдания в порядке исключения

Ст. 90. Суд прощает, принимая во внимание, что А этого так страшно хотелось, что у него не было сил удержаться.

Ст. 91. Суд прощает, потому что А у нас недавно и не может понять порядка без наказания.

Ст. 92. Суд прощает, потому что А скоро от нас уйдет, и суд не хочет, чтобы он уходил обиженный.

Ст. 93. Суд прощает А, потому что считает, что все его портили чрезмерной доброжелательностью и поблажками. Суд предостерегает А, что перед законом все равны.

Ст. 94. Суд прощает А, принимая во внимание горячие просьбы товарища (брата, сестры).

Ст. 95. Суд прощает А, потому что один из судей этого упорно добивался.

Ст. 96. Суд прощает А, потому что А не хочет сказать того, что могло бы ему служить в оправдание.

Ст. 97…

Ст. 98…

Ст. 99…

Ст. 100. Суд, не прощая, устанавливает, что А сделал то, в чем его обвиняют.

Ст. 200. Суд считает, что А. поступил неправильно.

Ст. 300. Суд считает, что А поступил плохо.

Ст. 400. Суд считает, что А поступил очень плохо.

Ст. 500. Суд считает, что А поступил очень плохо. Приговор опубликовывается в газете.

Ст. 600. Суд считает, что А поступил очень плохо. Приговор опубликовывается в газете и вывешивается на доске объявлений.

Ст. 700. Суд считает, что А поступил очень плохо. Приговор опубликовывается в газете, вывешивается на доске объявлений и сообщается семье А.

Ст. 800. Суд лишает А сроком на одну неделю всяких прав и вызывает семью на беседу. Приговор опубликовывается в газете и вывешивается на доске.

Ст. 900. Суд ищет для А опекуна. Если в течение двух дней опекун не будет найден, А исключается. Приговор опубликовывается в газете.

Ст. 1000. Суд исключает А из интерната. Приговор опубликовывается в газете.

Дополнения к приговору

а) Суд благодарит за правдивое показание.

б) Суд выражает удивление, что А не сообщил об этом сам.

в) Суд просит, чтобы это больше не повторялось.

г) Суд обращается к совету с просьбой пресечь возможность повторения подобных дел.

д) Суд просит совет позволить ему не приводить приговора в исполнение.

е) Суд выражает опасение, что А вырастет плохим человеком.

ж) Суд выражает надежду, что А вырастет хорошим человеком.

Судебная газета № 1. О товарищеском суде

У взрослых есть суды. Эти суды взрослых нехорошие. Каждые несколько лет их понемногу переделывают. Суды для взрослых назначают разные наказания: штрафы, аресты, заключение, каторжные работы, даже приговаривают к смертной казни. Эти суды не всегда справедливые. Иногда они слишком мягкие, иногда слишком суровые, а иногда просто ошибаются: кто-нибудь говорит правду, что он не виноват, а ему не верят, а иногда и виноват, да вывернулся. И все время люди думают, как бы так сделать, чтобы суды были справедливые. А есть и такие люди, которые думают, как бы так сделать, чтобы совсем не нужно было судов, чтобы люди и без судов не делали ничего плохого.

В школах судит учитель; это он назначает в школах наказания, ставит в угол, выгоняет вон из класса, сажает в карцер, частенько кричит, а подчас и ударит. Бывают и такие наказания, когда оставляют без обеда, не позволяют видеться с семьей.

И здесь не всегда справедливо сердятся и справедливо наказывают.

И здесь думают, как бы так сделать, чтобы все изменить к лучшему. Такие попытки были и будут. Одна из таких попыток – наш товарищеский суд.

Товарищеский суд говорит, что человек не виноват или виноват, но суд его прощает; или суд не прощает – сердится и назначает статью сотую, то есть что только слегка сердится, или статьи двухсотую, трехсотую, четырехсотую.

Суд не злится, не кричит, не ругается, не оскорбляет; он спокойно говорит:

– Ты поступил неправильно, плохо, очень плохо.

Иногда суд пробует пристыдить; может быть, устыдившись, нарушитель будет больше следить за собой?

Наш суд судил уже пять раз. Собирается он раз в неделю и рассмотрел двести шестьдесят одно дело. И хотя трудно еще сказать, удалось ли это начинание, кое о чем уже говорить можно.

Первая неделя дала тридцать четыре дела. Все обвиняемые сами подали на себя в суд.

Трижды мы вывешивали лист бумаги.

На первом листе было вверху написано:

«Кто вчера опоздал, прошу записаться на суд».

Записалось тринадцать человек.

На втором листке несколько дней спустя было написано:

«Кто ходил в город без спросу, прошу подать на себя в суд».

Записалось шесть человек.

На третьем листке несколько дней спустя было написано:

«Кто вчера шумел в спальне, прошу подать на себя в суд».

Записалось пятнадцать человек.

Таким образом набрались те тридцать четыре дела, которые суд рассматривал на первом заседании.

Суд всех простил.

Во вступлении к кодексу товарищеского суда написано:

«Если кто-нибудь сделает что-нибудь плохое, лучше всего его простить».

И суд прощал.

Только девятнадцать раз суд сказал:

– Виновен.

Только десять раз суд сказал:

– Статья сотая.

Только шесть раз:

– Статья двухсотая.

Только два раза:

– Статья трехсотая.

Только раз:

– Статья четырехсотая.

Мы знаем: среди нас есть и такие ребята, которым не нравится, что суд слишком многое прощает.

В нашем кодексе есть статья первая.

Статья первая гласит:

«Жалоба взята обратно».

Это значит, что тот, кто подал в суд, простил.

Из всех статей больше всего в ходу эта первая статья.

В ста двадцати делах подавали не сами на себя, а один на другого.

И здесь в шестидесяти двух случаях тот, кто подавал в суд, потом простил сам.

Есть такие ребята, которые говорят:

«Разве это наказание, статья сотая или двухсотая?»

Для одних это наказание, для других нет.

Когда суд порицает, сердится, для них это тоже не наказание:

«Ну и что? Отругали меня, сердятся, а мне хоть бы хны!»

Да, есть такие, которые так говорят.

Бывает, кого-нибудь выгнали из класса, оставили без обеда или даже побили, а он все свое:

– Ну и что? Постоял в коридоре – просидел час в карцере – а вовсе мне не было больно.

Кто говорит, что статья сотая не наказание, пусть ответит, только искренне: хочет он быть под судом и получить статью сотую или двухсотую или не хочет?

Если статья сотая не такая уж большая неприятность, так ведь мы как раз этого и хотим, чтобы все хорошо себя вели, не желая даже небольшого наказания, небольшой неприятности.

Мы хотим даже, чтобы все хорошо себя вели просто так, а не из страха перед судом или перед тем, что на них рассердятся. В будущем, может быть, так и будет.

Статья сотая – это наказание, каждый это понимает. А кто говорит по-другому, тот не вник как следует или не хочет сказать правду.

Чем больше будет работать суд и чем больше мы станем отвыкать от злобных чувств, взбучек и наказаний, тем большее будет иметь значение не только сотая статья, но и те статьи, которые прощают.

Есть такие ребята, которые говорят:

«Из-за каждой глупости сейчас же в суд подавать».

И это не совсем так. Мы не всегда знаем, подал он на себя или на другого в шутку или всерьез.

Есть статья вторая, в которой говорится:

«Суд считает, что не стоит терять времени на рассмотрение такого дела».

На двести шестьдесят одно дело суд только четыре раза отказался от разбирательства. Только четыре раза! И даже тут мы не можем утверждать: да, это была шутка, глупая шутка.

Подчас от пустяка бывает очень больно. Люди разные. Один плачет о том, над чем другой смеется.

Судебное дело из-за прозвища – глупость или не глупость? Как будто и глупость, а сколько из-за таких глупостей пролито слез!

Мы имели сорок четыре дела о прозвищах. И были такие ребята, которые очень страдали из-за прозвищ – ведь трудно сказать, когда это невинная шутка, а когда приставание или даже еще хуже – преследование.

Разве это пустяк, когда кого-нибудь окатят в шутку водой или отнимут что-нибудь, и дразнят, и не хотят отдавать? В хорошем настроении я и сам посмеюсь, а если у меня горе, то шутка меня злит, причиняет боль– ведь имею я право сегодня не желать шутить или хотя бы не со всеми?

Только месяц, как у нас работает суд. Не все еще разобрались. Но мы уверены, что «так себе», пустяковых дел будет все меньше, что суд завоюет уважение.

Есть такие ребята, которые говорят:

– Будет там меня какой-то малыш судить!

Во-первых, судей пять и среди них всегда найдется кто-нибудь постарше. Во-вторых, не каждый маленький – глупый. В-третьих, чтобы судить, нужна честность, а честным может быть и маленький.

Старшему, может быть, и неприятно, что его судит маленький. Но ведь суд существует не для удовольствия.

Раздаются голоса: «Судить неприятно».

Верим: да, неприятно. Поэтому судей и выбирают жеребьевкой. Такой способ лучше голосования.

Если кто-нибудь часто и подолгу судит, он может легко испортиться и привыкнуть смотреть на чужие поступки так, словно сам без греха. Но и судья может многому научиться: он видит, как трудно быть справедливым и какое это важное дело – справедливость.

Только пять недель у нас суд. Немного еще можно сказать о суде, но, как нам кажется, суд уже многим ребятам принес пользу.

Если кому-нибудь скажешь: «Перестань, а то подам на тебя в суд» – и он перестает, значит, хотя суд о том даже и не знает, суд принес пользу, защитил.

Мы знаем, часто ребята смеются: «Я подам на тебя в суд». Кто так глуп, что не отличит шутки от правды?! А бывает, кто-нибудь, наоборот, со смехом говорит: «Подай на меня в суд».

Иногда это шутка, а иногда сказано со зла на суд, который серьезно, спокойно и честно вникнет в каждое слово, никогда и никому не откажет в помощи и, когда к нему обратятся, всегда находит время не спеша расспросить и выслушать обе стороны и не отделывается шуткой даже от самого, казалось бы, пустячного дела, за которым всегда скрывается чья-то печаль или гнев.

Да, суд неприятен тем, кого ребята зовут подлизами, тем, про которых говорят «в тихом омуте» (черти водятся), а также ловкачам, которые делают много дурного, да только осторожно. Подлиза знает, что его любят, и может многое себе позволить, кроме разве уже самого ужасного. Тихоня досадит подчас больше

того, кто орет и дерется. А ловкач и из некрасивой истории выпутается. Этим выгоднее без суда, вот они и хотят его осмеять и уничтожить. Но суд никогда не обижается, и он и дальше будет продолжать искать изменений и улучшений, служа тем временем детям как знает и как умеет.

Так уже на свете заведено, что у одного за месяц десяток судебных дел, а у другого одно за весь год. С этим ничего не поделаешь, да и делать ничего не нужно. Пусть каждый сам решает, как ему быть с судом.

Существовало большое опасение: справится ли суд, если окажется слишком много дел? Теперь это опасение отпало. Суд может за час, самое большее за два, рассмотреть все дела за целую неделю, хотя бы их было сто и даже больше. Известно ведь – лиха беда начало.

Вот если бы суд мог установить такой порядок, чтобы совсем не надо было сердиться и следить, а только раз в неделю засесть на часок и вымести все это накопившееся за неделю зло, как подметаешь по вечерам или по утрам комнату, – то-то было бы удобно и хорошо!

Рассмотрим теперь несколько дел за прошедшие недели: может быть, они убедят нас, что суд тем и полезен, что он спокоен, не бывает ни в плохом, ни в хорошем настроении, ни любит, ни не любит никого и всегда спокойно выслушивает объяснения.

Дело 21. В спальне шуметь нельзя. Но ребята ему разворошили постель, и он рассердился и закричал на них. Ст. 5.

Дело 42. Мальчишку ради шутки облили водой. Как быть? Тоже облить водой, ударить, выругать? А можно и простить. Наверное, он и простит, сам простит, только не теперь и не сразу. Простит, только пускай с ним больше так не поступают.

Дело 52. Девочка ходит на ходулях. Подходит мальчик: «Дай ходули». Девочка не дает. Мальчишка начинает драться, вырывает ходули, толкает, ударяет по лицу. Девочка плачет, вместо веселой забавы – слезы, горе. За что? Почему? Она подает на него в суд, а потом прощает. Ст. 1.

Дело 63. Все его дразнят. Сначала было очень неприятно. Потом привык. Ничего не поделаешь – не будешь же со всеми драться. Вдруг появляется суд – предвестник новых, лучших порядков. Мальчишка выбирает одного, самого надоедливого, который чаще других его дразнил, и подает на него в суд. Мы вызываем жалобщика через месяц: «Меньше теперь тебя дразнят?» – «Меньше». Парнишка благодарно улыбается суду, который его защитил.

Дело 67. Возвращаясь от родных, девочка опоздала. Почему?

Из родных у нее была одна тетка, больше никого. Прежде она к тетке не ходила, не любила ее. Почему – это не наше дело. Наконец пошла, помирилась, и они с двоюродной сестрой вышли погулять. Девочки уселись на траве и разговорились. Наша девочка забыла, что пора возвращаться в детдом. Суд простил.

Дело 82. Дежурная хотела остричь ему ногти, а он сказал, что они ему нужны, чтобы рыть землю (он работает у садовника). Вот кончится через четыре дня работа с землей – тогда пожалуйста. Прав он или не прав? Ст. 61.

Дело 96. Старый список дежурных по проветриванию постелей кончился, новый еще не составлен. Дежурная спрашивает: «Кто хочет проветривать»? Никто не хочет. Дежурная обращается к двум мальчикам: «Ну тогда вы проветривайте». Они не хотят – недавно проветривали. Ст. 1.

Дело 107. Девочка взяла в читальне книжку и унесла с собой во двор, где она чистила картошку. Потом про книжку забыла и оставила ее на скамейке. Подошел двухлетний ребенок и порвал книжку. Ст. 70.

Дело 120. Обруч от серсо улетел на соседний двор. Ребята пошли искать. Обруч поднял соседский маленький мальчик и не хотел отдавать. Вышла ссора. Нам пожаловались, что наши ребята плохо себя вели. Ст. 3.

Дело 127. Мальчик по ошибке надел чужой пиджак. Из-за таких ошибок чесотку можно схватить. Ст. 31.

Дело 144. Взял пояс и не отдает. Взял в шутку и не отдает в шутку. Убегает, хохочет. «Отдай сейчас же!» – «На!» – а сам убегает, дразнится. Верно, не такое уж большое дело. Но это и подобные ему дела учат нас, что не каждый любит шутить, да и те, кто любит, не всегда желают шутить и не со всеми.

Дело 153. Мальчик громко хлопнул дверью и сам себя записал. Что из того, что не каждый, кто хлопнет дверью, запишется на доске? И что из того, что кто-нибудь другой поступит действительно скверно и скроет это от остальных? Мелкие дела тем и любопытны, что в них сказывается чуткая совесть. Таких дел довольно много. Мы полагаем, будет и еще больше. Есть люди, которым неприятно поступить плохо и не понести за это наказание. Ст. 31.

Дело 160. На передний двор разрешается выходить только в определенные часы. Одна из старших девочек выходит на передний двор, когда нельзя. Дежурный, мальчик поменьше, запрещает. Девочке это не нравится, не желает она слушаться младшего. Что ему оставалось? Подает в суд. Не оторвет же ей суд голову! Суд простит, но выразит надежду, что это больше не повторится. А такое пожелание обязывает.

Дело 165. Дело о несправедливом подозрении. У нас было несколько таких дел. Часто боль от несправедливого подозрения сильнее, чем от удара. Девочка пересчитывает монетки. Подходит мальчик: «Покажи». Девочка говорит: «Не покажу». – «Не хочешь показывать – значит, украла». Мальчик ходил, искал грош, который потерял накануне. Девочка об этом не знала, но даже если бы и знала – как он узнает свой грошик и какое у него право оскорблять? Ст. 1.

Дело 167. У девочки рассыпались бусы. Она их подбирает и нанизывает на нитку. У нее неприятность. Она наклонилась, и тут ей за ворот суют вишневые косточки. «Перестань», – говорит она сердито. «А не перестану, что ты мне сделаешь?» – «Подам на тебя в суд». – «Ну и подавай». Наступает день суда: жалоба взята обратно. Ст. 1.

Мы уже упоминали, что таких дел было свыше пятидесяти. Может быть, мы и ошибаемся, но нам кажется, что такие процессы приучают одних уважать своих близких, а других – быть снисходительными.

Дело 172. Влез на дерево, чтобы показать товарищу, что умеет лазать, а записал себя, потому что знает, что нельзя. Ст. 90.

Дело 206. Вымыл свою мисочку в раздевалке, потому что не знал, что нельзя. А когда узнал – подал на себя в суд. Ст. 51.

Дело 218. Ребята его уговорили подать в суд. Он подал, а теперь видит, что сделал глупость: кто сердился, тот и подавал бы.

Дело 223. У четырех мальчиков шли занятия. После урока на столе обнаружились чернильные пятна. Суд выслушал, оказывается, один из мальчиков написал на столе «3б:3», а другой капнул чернилами. Если бы не суд, сердились бы на всех. Ст. 4.

Дело 237. Дурачились, пока один не ударил другого палкой. Рука сильно болела, он подал в суд, а перестала болеть – дал статью первую.

Дело 238. Может быть, кому-нибудь это дело покажется смешным. Оба мальчика сидели в уборной, и один невзначай, нечаянно обмочил другого, а тот уже сделал на него нарочно. Ст. 200.

Дело 252. Вечно с ним у дежурной по этажу масса хлопот. То его надо искать, то он что-нибудь забудет, то плохо уберет помещение. Дежурная несколько раз грозилась подать в суд. Не помогло. Наконец потеряла терпение и подала в суд. И простила: может быть, исправится?

Дело 254. Дежурные вечером подметают двор. Одному из них надо еще прибрать в уборной, обоим перед сном вымыть ноги. А тут ради шутки ребята заперли ворота и не хотят

отворить. Ст. 100.

Дело 258. Всегда она опаздывает! Дежурная говорит, что уже пора уходить из умывалки, а она злится, не слушается, перечит: «А раз мне хочется», – говорит. – «Ты мне это назло!»

И тут через несколько дней последует прощение. Пока же вместо ссоры дело передается в суд.

Дело 260. Мальчик шумел утром до звонка. Подал на себя в суд. Суд прощает, но просит, чтобы это больше не повторялось. Ст. 32.

Судебная газета № 9

«А я не боюсь»

Часто слышатся голоса: «Суд не помогает. Никто суда не боится».

Одни ребята не хотят подавать в суд, скрывают. Другие ребята дают статью первую: все равно, мол, суд ничего не сделает. Наконец, третьи говорят: «Ну и подавай, очень я твоего суда боюсь».

И все больше и больше вполне подсудных дел стало не доводиться до сведения суда. И вот наконец, когда Г. выгнали с дежурства, ни сам он, ни другие из тех, кто знал про это, не сочли нужным подать в суд. И не только Г., а даже старшие девочки, а потом и мальчики перестали подавать на себя в суд.

Тем более любопытно, что ведь были же ребята, которые до последней минуты подавали на себя в суд. Это доказывает, что всюду находятся честные люди, которые поступают не «как все», а как велит разум и совесть.

Суд не помогает.

Всегда легче сказать, что что-нибудь никуда не годится, чем подумать и исправить. Любители болтать языками всегда найдутся, вот только голову, которая захотела бы подумать, трудно сыскать. Кто-нибудь один сказал: «Суд не помогает», а остальные, как бараны, хором повторяют: «Суд не помогает».

А больше всех кричали те, кому суд не выгоден, потому что стеснял их и был даже опасен. Ведь суд давал ребятам право жаловаться и решать, справедлива жалоба или нет.

– Такой-то получит статью четвертую или пятьдесят четвертую.

Для одного хватит и статьи первой, и четвертой, и пятьдесят четвертой, а на другого не действует и статья восьмисотая.

Задача суда – навести порядок, но суд не может и не собирается творить чудеса.

А ведь это было бы чудо, если лентяй, получив статью сотую, сразу стал бы примерным учеником или забияка, крикун,

скандалист – спокойным, милым ребенком. Как в школе: никто от двойки или кола не превращается в тот же миг из невежды в первого ученика.

Но суд дает каждому право сказать:

«С завтрашнего дня я буду за собой следить. Я решил больше так не делать. Я буду осторожнее».

А если кто-нибудь ему станет в этом мешать, то он может подать на него в суд.

Например:

Какой-нибудь драчун решил больше не драться. Наверное, его будут нарочно злить, ведь есть такие ребята, которые не любят, когда кто-нибудь старается исправиться; тогда он подаст на тех, кто его задирает, в суд. Что из того, что и на него подадут за «несправедливую жалобу»? Суд знает, что ему об этом думать.

Суд не творит чудес, но не творят их ни просьбы, ни угрозы, ни гнев, ни палка. Ведь и там, где есть телесные наказания, некоторые ребята говорят:

«Ну и что? Мне совсем не было больно».

И не исправляются, а, наоборот, портятся, огрубляются.

– Не помогает. Что мне делать? Так все время и подавать в суд?

Разве это так трудно?

Сначала Х. все задирали, он подавал в суд, над ним смеялись, его дразнили, а он подавал и подавал. Наконец Х. перестали задирать, и Х. перестал подавать в суд.

Я уверен, что, если на плохого дежурного в течение двух недель подавать по три раза на дню в суд, он в конце концов исправится. Только дежурные по этажу слишком ленивы, чтобы подавать в суд, ведь проще злиться, ссориться, воздевать к небу руки, что, мол, сладу с ним нет. Ведь подавая в суд, дежурные по этажу рискуют – суд **может не признать за ними правоты**. Известно, что дежурные по этажу считают себя непогрешимыми и часто вместо того, чтобы спокойно сделать замечание, поднимают крик: не хватает терпения подождать несколько дней.

Слишком много у ребят злости, и суд служит им орудием мести. Чтобы утолить эту злость, надо было бы ответчика, по крайней мере, повесить. Статья четвертая или сотая никого не удовлетворяла.

Когда мы проводили беседу о злости, один мальчик написал:

«Когда я злюсь, я так и убил бы».

Суд никого не убивал, вот ребята и были им недовольны.

Были и другие жалобы:

«Суд выслушивает только одну сторону, а другую уже и не слушает».

Если маленький подавал на старшего, старший не приходил, хотя его и вызывали. С этим ничего нельзя было поделать.

И вообще старшие дети не заходили в классную комнату, когда там шел суд, хотя их и приглашали.

То, что ребята презирали суд, лучше всего доказывало, что они его совершенно не поняли. Хуже: не понимая, презирали и высмеивали.

Участие в работе суда одни рассматривали как игру, другие – как неприятную обязанность, от которой старались всячески отделаться.

– Я нарочно сам подаю в суд, а то выберут в судьи.

Вот они, неправда или гадкий обман!

Вместо того чтобы учить говорить правду, суд учил лгать; вместо того чтобы приучать к искренности, приучал к притворству; вместо того чтобы воспитывать мужество, поощрял трусость; вместо того чтобы заставлять думать, растил лентяев.

Неизвестных нарушителей становилось все больше и больше – никто не признавался. Почему? Если они не боялись суда, почему они тогда скрывались? Лазать по чужим ящикам лазают, а сказать «это я сделал» храбрости не хватает? Взять чужую ручку могут, не боятся, а что взяли, ни за что не скажут?

Хуже было: ребята злились на тех, кто говорил, что у них что-либо пропало.

Дело дошло до того, что, когда что-либо пропадало, владелец боялся в этом признаться, знал, что найти не найдут, а неприятности наживешь.

Поэтому одни, вместо того чтобы подумать, кто мог это сделать, подают на неизвестного, а другие – порядочные – совсем не подают, боятся.

А статья первая? Подал в суд и забыл, из-за чего подавал. Человек, который умеет думать, говорит себе:

– Если я даже не помню, из-за чего я подавал, я должен дать статью первую. К чему у суда время отнимать, к чему утруждать?

Жалобщики не приходят на суд и не дают статью первую. Почему? Потому что они не понимают, что все равно так надо делать, даже если никто и не велел, и не следил, и не грозил.

А показания подсудимых?

Часто просто стыд брал слушать и записывать. А ведь так легко сказать:

– Я поступил неправильно.

Только три таких ответа, только три на тысячу девятьсот пятьдесят дел!

Казалось бы, благодаря суду взрослые начнут испытывать к детям уважение: нет, наоборот, даже у кого и было, его теряли.

И еще хуже: судьи договаривались или вовсе не осуждать, или давать легкие наказания. Так удобнее! Наконец дошло до того, что один судья ударил другого судью за то, что тот судил по совести.

Больше нельзя было терпеть: суд не только не приносил пользы, наоборот, причинял вред; суд не только не способствовал порядку, наоборот, вносил беспорядок; суд не только никого не исправлял, наоборот, портил наиболее стоящих ребят. Такой суд не должен был больше существовать ни одного дня.

Пропало полгода работы. Если кому-нибудь из вас в будущем придется всерьез работать, он увидит, как это бывает больно и грустно.

К сожалению, ребята суда не боятся, а раз не боятся, то и не уважают, а раз не уважают, то и лгут, но уже не суду, а самим себе. Они не хотят ни подумать и дать себе правильную оценку, ни заставить себя исправиться.

Я знаю, суд необходим, и лет через пять – десять суд будет в каждой школе и детдоме. Но для Дома Сирот суд вреден, потому что ребята из Дома Сирот не хотят быть свободными, а хотят быть рабами.

Г. Я выбираю только некоторые из его дел.

Двадцать дел о прозвищах: девять раз он получил ст. 1 – девять раз его прощали, не помогло; два раза ст. 60, два раза ст. 4, потом ст. 63 и 82, три раза ст. 100, один раз ст. 200, один раз ст. 300.

Одиннадцать дел о приставании, поддразнивании, высмеивании: два раза ст. 1, четыре раза ст. 54, два раза ст. 82, раз ст. 41, 100 и 200.

Одно дело – мешал другим работать, ст. 300.

Двенадцать дел о драках: три раза ст. 1, два раза ст. 54, по одному разу ст. 32, 60, 80, 81, два раза ст. 100, один раз ст. 200.

Десять дел о дежурствах: два раза ст. 1, один раз ст. 4, 32, 82, два раза по ст. 100, по одному разу ст. 400, 500, 700.

Три раза о плохом поведении на уроках: ст. 80, 82 и 200.

Три раза о пачканьи головы: ст. 1, 54, 200.

Не мыл рук: ст. 100.

Разбил чернильницу: ст. 81.

Разбил мисочку: ст. 31.

Отдал еду: ст. 4.

Нечестно играл: ст. 100.

Оговаривал: ст. 60 и 200.

Опаздывал: ст. 70, 82.

Лез куда не следует: ст. 100.

Неисправим, однако не нашлось храбреца, который

осмелился бы ему дать статью восьмисотую и тем самым лишить его права пользоваться судом.

Судебная газета № 19. Судебный совет

Полгода у нас был суд без совета. Сначала надо было испытать суд, а потом уже расширять и усовершенствовать.

Одного суда на всю спальню было мало. Имея по сто дел в неделю, суд за недостатком времени относился небрежно ко многим серьезным вопросам.

Судебный совет работает у нас уже десять недель, за это время он рассмотрел семьдесят дел, то есть по семи дел в неделю.

В судебный совет передаются следующие дела:

1. Все дела об опозданиях при возвращении от родных.

2. Дела, где помимо определения соответствующей статьи приходится издать новый обязательный для всех закон.

3. Дела о денежных возмещениях: разбитое стекло, поломка.

4. Дела, по которым следует статья выше статьи пятисотой.

5. Когда у кого-нибудь за одну неделю набирается столько дел, что их надо разобрать все вместе.

6. Наиболее трудные дела, где для определения, кто прав, кто виноват, приходится долго и тщательно расспрашивать обе стороны.

Секретарь суда говорит:

– Передадим это дело в совет.

Чаще всего судьи соглашаются. В нескольких случаях судьи дали заключение, что могут вынести приговор сами.

Бывает, те, чьи дела разбираются, сами просят, чтобы разбирал совет. Секретарь соглашается на это, но не всегда.

Все это покамест еще недостаточно отрегулировано, но над этим думают.

Дело первое

У Г., совсем маленького мальчика, уже очень много было судебных дел. Не помогли никакие приговоры, Г. явно смеялся над судом и распоясывался неимоверно, являясь ярким доказательством того, что один суд, и только суд, отнюдь не помогает. Оставалось два пути: или прийти к заключению, что суд ничего не стоит, и распустить его, или изъять Г. из-под действия суда.

Вновь привлеченный к суду, Г. грубо оскорбил суд и за оскорбление суда был передан в совет.

Г. показал на совете, что суд его злит, что постоянное подавание в суд его просто выводит из себя, что ему вечно угрожают и, что ни сделай и ни скажи, он тотчас слышит:

«А вот я подам на тебя в суд».

Наконец выведенный из терпения Г. нагрубил А. и суду:

«Не хочу суда, пусть уж лучше меня дерут за уши и бьют по рукам».

Вполне понятно: Г. предпочитает безнаказанно ходить на голове и один раз из ста получить по рукам, чем исправиться и выполнять все предписания.

Судьи в совете поделились на два лагеря. Одни хотели Г. еще раз простить. Другие требовали статью девятисотую. В конце концов Г. дали статью восьмисотую: Г. на одну неделю изъяли из-под действия суда, и за эту неделю он получил то, что хотел:

1. В субботу он остался без чулок, потому что опоздал к раздаче.

2. В воскресенье его побили по рукам, потому что не хотел участвовать в уборке.

3. Во вторник его выдрали за уши за скандал во время чистки картофеля.

Зато, как изъятый из-под действия суда, он не имел ни одного процесса.

Кроме этого дела у Г. было еще одно: Г. при гостях громко и упорно называл одну уже большую девочку нехорошим словом. Так как Г. уже получил статью восьмисотую, то суд счел возможным дать статью шестидесятую.

Дело второе

Недисциплинированный, драчун, лентяй. Всегда прав, на любое замечание обижается. Плохой дежурный, недобросовестный работник.

Из-за него суп вышел жидкий, не хватало двадцати фунтов картофеля. Ст. 90.

(Г. уже работает.

Уже была жалоба, что ленив.)

Дело третье

Девочка старшего возраста.

Взяла без разрешения личные ножницы воспитательницы и куда-то их задевала. За четыре недели она ни разу не попыталась оправдаться, даже не поискала ножниц. Ст. 400.

Совет на первом заседании рассмотрел еще три дела.

1. Дежурный И. не хотел убрать мусор. Ст. 55.

2. Ребята пекли картошку в котельной. Ст. 41.

3. Опаздывает на дежурство. Ст. 30.

Вторая неделя

На второй неделе совет имел только одно дело.

Мальчик за обедом и за ужином читает книжки, на сделанные ему замечания не отвечает.

Спрошенный судебным советом, хочет ли он быть

исключенным, то есть чтобы совет позволил ему читать за едой, отвечает, что категорически этого не хочет. Ст. 4.

Третья неделя

В связи с процессами о беспорядке в личных ящиках секретарь вносит проект:

1. Совершенно ликвидировать ключи, поскольку они не обеспечивают тайны содержимого ящиков,

или:

2. Назначить ответственных дежурных, которые сидели бы с утра до вечера за отдельным столиком у шкафа,

или:

3. Запереть шкаф на ключ и открывать его несколько раз в день на час,

или:

4. Выследить обнаглевшего вредителя.

Совет проект отверг. Неизвестный получил статью третью (неизвестно, как это происходило), так как:

1. Многие ребята сами позволяют лазать в свои ящики во время своего отсутствия.

2. Ребята держат книги сообща и часто вынимают их без ведома владельца.

3. Иногда ребята попадают в чужие ящики по ошибке.

Если бы не судебный совет, то, может быть, шкаф и в самом деле заперли бы и вышло бы большое неудобство.

У одного Б. восемь дел.

Восемь дел за одну неделю!

Стоит девочка. Б. начинает приставать, драться: «Я подам на тебя в суд…» – «Ну и подавай». Б. продолжает приставать и драться. Ст. 63.

Девочка держит письмо. Б. вырывает у нее письмо, носится с ним по залу, грозит порвать. Ст. 63.

Обидит мальчик. Б. начинает его тормошить, дергать, толкать. Ст. 63.

Около девочки стоит корзинка. Б. надевает девочке на голову корзинку. Ст. 63.

Один мальчик утром играл с Б., а вечером не хочет. Б. ходит за ним по пятам, пристает, не дает ни минуты покоя. «Я ничего не мог с ним поделать». Ст. 63.

Б. подходит к девочке:

– Хочешь, побью?

– Уйди.

Б. не отстает, колотит ее, сталкивает со стула. Ст. 63.

Б. подходит к девочке:

– У тебя была чесотка.

Ходит за ней и повторяет, что у нее была чесотка. Ст. 63.

И еще на него подали в суд за то, что он плохо себя ведет на работе. «Из-за работы торгуется, на каждое замечание у него сто ответов, во все сует нос, не слушается». Ст. 93.

Б. выбрался из своих дел так благополучно потому, что за него вступились жалобщики.

«Б. неплохой, только он надоеда и приставала и у него нет никакого самолюбия. Ему скажешь “уйди” или “отвяжись”, а он и не подумает, хохочет и дальше лезет. Вообще-то он не глупый, иногда с ним даже приятно бывает побеседовать. Б. говорит, что ему тоскливо, ведь у него нет никого, кто бы к нему по-настоящему хорошо относился, кто бы ему хотел помочь стать другим. В ларьке, где он работает, ему слишком много прощают, вот он и распустился, но теперь уж он исправится».

Дело двух малышей о плохом поведении за столом. Ст. 81.

Дело двух ребят среднего школьного возраста о самовольном уходе с занятий. Ст. 41–50.

Дело о неправильной характеристике, которую дала дежурному ответственная по этажу. Совет вынес заключение: реабилитировать дежурного.

Четвертая неделя

Четвертая неделя принесла нам только три процесса, из них один о затерявшемся то ли в прачечной, то ли в швейной носовом платке.

Сожженные сапоги

Два мальчика сожгли в котельной две пары башмаков на деревянном ходу и пару сапог. Велела их сжечь экономка.

– Неправильно это. Их можно было еще починить.

– Да ну, они никуда не годились.

– Даже самые плохие сапоги чинят.

Ст. 33: ребята выполнили данное им поручение – значит, не виноваты.

Швейная мастерская

В воскресенье ребята заходят в швейную мастерскую пришить пуговицы и т. д. Один взял штопку, а ее брать нельзя, а другой хотел починить карман, хотя у него был один целый, чего вполне достаточно.

Ему говорят: «Уходи», а он: «Глянь-ка, она еще мне запрещает, распоряжаться тут будет! Вот возьму и зашью – что ты мне сделаешь?»

– Она меня хотела выгнать, как собаку. Вон, у других по два кармана, и ничего, а на моем была только малюсенькая дырочка.

В результате первый получил статью четырехсотую, второй – статью двухсотую. Совет постановил, что отныне починка будет

производиться не в швейной, а в рекреационном зале. Старшая дежурная по швейной мастерской должна записывать все в тетрадку, как это делают ответственные по этажам. Следует проверить, не лучше ли действительно шить штопкой, чем гнилыми нитками.

Пятая неделя

Пять процессов.

Нашелся и второй мальчуган, который ненавидит суд.

У Г. пять дел.

Г. шумит в спальне. Не хочет раздеваться, подходит к чужим кроватям, громко разговаривает; сделаешь ему замечание, а он хоть бы что. В умывалке поет, насвистывает; ему говорят «перестань», а он в ответ: «Подай на меня в суд».

Когда Г. дежурит, он делает только то, что хочется, обижается и совсем не убирает или убирает кое-как, – словом, поступает как ему в голову взбредет. И врет: недавно сказал, что вымел под полками, а это неправда.

Вызванный в суд дать показания, не идет: «Когда захочу, тогда и пойду».

Лежит в постели больной мальчик.

– Чего лежишь? Что с тобой?

Не получив ответа, поколотил.

А вот как Г. объясняет свое поведение:

– Терпеть не могу суда, просто ненавижу суд, не хочу иметь с судом никакого дела. Не желаю объяснять свое поведение ни устно, ни письменно, я сам знаю, что часто бываю не прав. А что меня больше всего злит, так это то, что все меня пугают судом. Ну и пусть подают, а пугать нечего. Ст. 700.

Попасть под суд не такое уж большое удовольствие – это правда. Но суд ввели не ради удовольствия. Задача суда – стоять на страже закона и порядка. Цель суда – сделать так, чтобы воспитатель не был вынужден приводить детей к послушанию грубо, палкой, окриком, словно пастух или конюх, а спокойно и умно обсуждал все с детьми (которые часто лучше воспитателя знают, кто и в какой степени не прав), оценивал и советовал. Задача суда – заменить драку работой мысли, взрывы злости – педагогическим влиянием.

Опять в судебном совете.

Когда Б. дежурил по кухне, он был ленив, непослушен и халатен. К своему новому дежурству он относился точно так же. Там Б. не чистил картошку, тут он не подметает лестницу. Ему и горя нет, что все будут есть жидкий суп, и горя нет, что задерживает мытье лестницы, ведь невыметенную лестницу мыть нельзя.

– Не пойду, не хочу.

Три раза к нему обращались, и все напрасно.

– Ведь если на него в суд подавать, так пришлось бы каждый день это делать. Совок он не приносит, сор или выбрасывает в окно, или заметает под печку. А принесет совок, так уж на место не отнесет. И щетку на место не поставит, и тряпку не положит. А сделаешь замечание – нет, он прав.

«Он добрый, только вспыльчивый. Обидится – и понес. Потом-то он одумается, только все ему надо разжевать и в рот положить. Неаккуратный». Ст. 82.

(Это те будущие работники, которые портят репутацию Дома Сирот.

Все труднее подыскать место нашим парнишкам.

Как известно, на работе уже на Б. жалуются. Б. недавно пошел работать.)

Драка

Кухня. Входит М. и говорит:

– Слушай, я встретил твою сестру, она велела тебе кланяться.

– А ну тебя!

– Хороша! Даже не хочешь знать, что тебе сестра кланяется.

– Я уже это слышала.

Все смеются.

М. обращается к другой девочке, Д.:

– Повстречай я твою сестру, ты тоже так скажешь?

Смех.

Д. хватает гирю и бросает ее в одну из девочек. Д., когда злится, часто затевает драку. Ст. 200.

Когда раньше про кого-нибудь говорили «плут», не знали, что это такое. Теперь, когда разрешено играть на конфеты и на деньги, все больше и больше поступает дел о нечестной игре. То, что раньше делалось украдкой, теперь делается открыто и находится под надзором суда. К чему запрещать всем, когда плутуют только трое или четверо? И чем поможет запрещение, если нельзя проверить, играют ребята в домино или шашки просто так или на конфеты? И не все ли равно, что проиграть: краски, ириски, которые стоят денег, или сами деньги? Умные ребята расходуют деньги с пользой для себя, они играют редко, приучаются к осторожности; легкомысленные же и дурачки по-глупому расходуют и по-глупому проигрывают. Может, кто-нибудь, после того как проиграет плуту марку, станет осторожнее и, когда вырастет, не проиграет всего имущества или чужих денег – ведь и так бывает.

Первый процесс о нечестной игре закончился тем, что одному малышу запретили играть в течение целого месяца, но это было

слишком долго и по его просьбе срок сократили до двух недель.

Неизвестно, как это было. Эти дела всегда очень трудно решать.

Шестая неделя

Отрегулированы два важных вопроса: ношение белья на чердак и раздача настольных игр. Сделаны первые шаги по упорядочению молитв.

Неотзывчивость

Вечно у меня с ним неприятности, когда надо белье нести. Мальчишки не хотят носить белье, а и несут, так неохотно. Один устал, у другого времени нет, третий говорит, что придет попозже. Жаль только, получилось так, что я подала в суд на того, кто носит чаще, чем другие. Это вышло потому, что к тем, кто всегда отказывается, я уж совсем не подхожу. Меня рассердило, что он сказал, что устал, а я знала, что он не устал, он уже полчаса как из школы пришел.

Что мне объяснять? Все равно скажут, что виноват, всегда ведь девчонкам верят. А не люблю я ходить с бельем на чердак потому, что ты читаешь или играешь, а тебя отрывают, и потом она так кривляется, что зло берет. Я берусь организовать мальчишек белье носить, мы сами станем это делать. Только пусть она не думает, что я это делаю из-за того, что она на меня подала в суд. Ст. 5.

– Ребята играли в домино. Я им говорю: «Идемте выколачивать безрукавки», а они ответили, что уже выколачивали, а он сказал, что хоть и не выколачивал, а все равно устал. Через десять минут он пришел, да уже было поздно.

– Да, устал, потому что ходил с письмом на Маршалковскую, дом № 99, а потом я играл в домино и хотел окончить партию. А теперь я уже буду выколачивать, чтобы меня не звали лентяем. Ст. 4.

Настольные игры

Я подал на них в суд, потому что сладу с ними нет. Берут настольные игры и не возвращают, оставляют на столе, теряют фишки и шашки. А у меня из-за этого неприятности.

– Хочешь что-либо взять – всегда кто-нибудь да перебьет. Я пошел только прибрать в классе, ну и дал ему на время поиграть. Я ведь не знал, что он потеряет.

– Только я взял лото – зовут мыться. И я спрятал к себе в ящик, потому что не было кому отдать. Ст. 40 и 50.

Кружок полезных развлечений выработал по просьбе судебного совета следующие правила:

1. Играть в лото и домино на конфеты, открытки и деньги разрешается только по субботам и пятницам с 16 часов 30 минут.

2. Проигравший 30 грошей может выйти из игры.

3. Разрешается проигрывать самое большее 50 грошей.

4. Задолжавшие обязаны расплачиваться в течение одной недели.

5. Меченые косточки домино должны уничтожаться.

6. Тот, кто берет лото, обязан следить за порядком:

а) чтобы под столом не валялись бумажки,

б) чтобы лото вовремя возвращали,

в) уговариваться наперед, как играть,

г) взявший лото несет ответственность за потерянные фишки.

Примечание. Шашки выдаются после 6 ч вечера.

Брать настольные игры за 15 минут до конца не разрешается. Игры следует возвращать за 5 минут до еды.

Молитва

Он всегда за столом дурачится, а во время молитвы корчит такие рожи, что все животики надрывают. Он хороший и веселый, но во время молитвы надо вести себя приличней.

Секретарь предложил совету принять закон об удалении из зала на время молитвы тех, кто не умеет себя вести как следует, сроком на одну неделю.

Совет постановил отложить этот вопрос до того времени, когда начнет читать молитву новый мальчик. Обвиняемый получил ст. 4.

Судья перед судом

На него пал жребий, и он должен был судить. А он не явился – не захотел.

Почему?

1. Ребята бывают недовольны: наказывают, мол, слишком строго и несправедливо.

2. Потому что он вообще не любит суд и не хочет иметь с ним никакого дела.

3. Секретарь предлагает статью пятидесятую и изъятие из-под жеребьевки сроком от одного до трех месяцев.

Не понимает!

Этот мальчик не понимает, что участие в работе суда не удовольствие, а общественный долг (который может быть и неприятным).

Не понимает, что суд может существовать только в том случае, если будут судьи.

Не понимает, что «я не люблю» и «я не хочу» еще не значит «я не буду». Каждому человеку часто приходится делать то, чего он не хочет и чего он не любит.

Если суд ничего не значил бы, к нему бы не обращались, а если к нему обращаются, значит, он приносит пользу, а раз так, то обязанность каждого облегчать суду работу, а не усложнять ее.

Говорят, что судят слишком сурово, что судят несправедливо, – так ведь можно обратиться в суд вторично, подавать на кассацию. На три тысячи прошедших перед судом дел было только четыре кассации. Кто не просто треплется, а кому действительно важна справедливость, тот может по истечении четырех недель отдать свое дело на повторное рассмотрение. Неумные и относящиеся ко всему халатно ребята этого не делают, предпочитая злиться.

Первый пробный год

Значение суда и пользу кодекса я оценил в течение первого года. Всего было три тысячи дел. Наименьшее количество дел за неделю – пятьдесят, наибольшее – сто тридцать.

За этот год было выпущено двадцать пять тетрадей «Судебной газеты». Тетрадь № 1, приведенная здесь полностью, вышла после первого месяца работы суда.

Тетрадь № 9 вышла шестью месяцами позже, когда суд был временно распущен на четыре недели. После этого перерыва был основан судебный совет, о деятельности которого говорится в девятнадцатом номере «Судебной газеты».

Мне кажется, самое правильное – рассказать все как было.

Сразу же в первые недели я убедился, что много мелких, надоедливых для детей дел, мешающих им и нарушающих порядок, не доходит и не может дойти до сведения воспитателя. Воспитатель, который утверждает, что он знает все, заведомо лжет. Я убедился, что воспитатель не является экспертом по вопросам ребячьей жизни, что власть воспитателя превышает его компетентность, что среди детей существует целая иерархия, где каждый старший имеет право помыкать ребенком моложе его на 2 года (или хотя бы только не считаться с ним), что самоуправство точно дозировано в зависимости от возраста воспитанников. А на страже этого беззакония стоит воспитатель. Sic volo, sic jubeo[36].

Что из того, что воспитатель не колотит или хотя бы не шлепнет мальчишку, который, обнаглев в результате полной безнаказанности, ударяет по лицу девочку моложе или слабее себя и отбирает у нее ходули?

В интернате было в обычае, что тринадцатилетние одалживали у малышей перья или промокашку, а когда малыш просил вернуть, ему вежливо отвечали: «Отвяжись».

Таких мелких дел набиралось много десятков. Надо было учиться, усиленно учиться понимать их значение.

Много вопросов по-прежнему решалось помимо суда.

Убеждение: «Лучше поговорить, чем по любому пустяку судиться» – так укоренилось, что бороться с ним было невозможно. Это снижало авторитет суда. Если дети старшего возраста не признают суд и ряд важнейших дел в него не поступает, значит, суд является чем-то средним между игрой и рассмотрением дел, с которыми не знаешь, что делать, «лишь бы с рук сбыть». Вместо «оставь меня в покое» появилась новая формула «подай на него в суд».

Обвинение в том, что суд не помогает, потому что суда не

боятся и с судом не считаются, звучало неустанно и уничтожающе. Следует подчеркнуть, что все это происходило в интернате, где официально никаких наказаний не существовало.

Говоря о наказаниях, мы всегда имеем в виду розги, карцер, оставление без обеда и т. д., игнорируя тот факт, что крик, гнев, «взбучка», угроза, перемена отношения к ребенку с дружелюбного на враждебное являются чувствительным наказанием.

Сутяжничество малышей оказалось для суда просто фатальным. Подавали по любому поводу. Добрая половина дел – это мелкие распри небольшой кучки самых младших воспитанников. Смеясь над тем, что маленький X или маленькая Y постоянные клиенты суда, мы укрепляли несерьезное отношение к суду. «Подай на меня в суд» стало стереотипным ответом на справедливую жалобу. Надвигалась кажущаяся необходимость «любым путем ограничить количество процессов».

Но как?

Сказать, что со всякой глупостью нельзя лезть в суд? Категорически заявляю: так говорить нельзя. И странное дело: сначала судьи были склонны относиться к судебным процессам малышей с презрением, даже когда речь шла о том, что кого-то ударили, обругали, кому-то не дали работать. Вскоре, однако, судьи признали правильность того, что критерием важности процесса является испытанное жалобщиком огорчение, сознание нанесенной ему обиды.

Почему дело о разбитом окне важное, а уничтожение личной собственности ребенка «глупость»? И разве плутовство за игрой в каштаны не достойная наказания бесчестность только потому, что это каштаны, а не деньги?

Игра в каштаны давала большое количество дел, являясь источником бесконечных споров. Как поступает в таких случаях воспитатель? Запрещает играть! Запрещая, он, во-первых, совершает насилие над детьми, а во-вторых, лишает себя возможности изучить детей в моменты сильного возбуждения, когда легче всего проявляются черты характера, имеющие огромное значение в жизни человека, такие как легкомыслие, жадность, горячность, нечестность и т. п. Запретить играть было бы, по-моему, одинаково несправедливо и по отношению к воспитателю, и к детям. Игра в каштаны была для малышей первой школой законности. Вначале происходили просто невероятные вещи: мальчик проиграл сто каштанов и цинично заявляет, что не отдаст. «Почему?» – «Не хочу».

Ребята объединяются, каштаны у них общие, а потом ссорятся и: «Я тебе не дам каштанов». От некоторых показаний я просто приходил в остолбенение. Среди бела дня при многочисленных

свидетелях мальчик отнимает у девочки каштаны и еще нагло смеется: «А мне так хочется. Ну и что ты мне сделаешь?» Единственное спасение в таких случаях для ребенка – это обратиться к старшему товарищу, который окажет ему помощь – только в какой форме? Даст обидчику тумака, оттаскает, повалит на пол. Нравы сингалезцев в благоустроенном интернате в столице цивилизованного государства. А ведь недавно я не только мирился с подобным положением вещей, но, поддаваясь детскому обаянию, не придавал всему этому серьезного значения; маленький веселый хулигашка был мне ближе недотепы-девчонки. То, что этот симпатичный хулигашка тиранит определенную группу ребят (одновременно заигрывая со мной), что вырастает маленький хищник, убежденный в своем праве на беззаконие, мной не замечалось, не доходило до моего педагогического сознания.

Часто одно судебное дело больше говорило мне о ребенке, чем двухмесячное с ним общение. Порой одно судебное дело больше говорило мне о среде, чем разрозненные наблюдения в течение ряда месяцев.

В качестве секретаря суда я познавал азбуку, совершенствовался и наконец становился экспертом по ребячьим делам.

Кучка надоедливого мусора – сморщенных, поцарапанных каштанов – ожила. Были там каштаны и ерундовские, и в которые ужасно удобно игралось, каштаны дорогие как память и особенно счастливые: «Я этим каштаном всегда выигрываю. – Я заранее предупредил, что на этот каштан не играю».

Я спрашиваю, у какого воспитателя найдется время входить во все эти вопросы и желание посмотреть на них с точки зрения справедливости, законности, а не со снисходительной улыбкой?

Благодаря этим мелким судебным делам я был вынужден обдумать все сложнейшие проблемы общежития ребячьей группы. Передо мной вырисовывался асоциальный, антисоциальный тип, личность, не желавшая поступиться своими привычками и склонностями, с небывалой силой требовавшая ответа на вопрос: что делать?

«Я суд ненавижу: пусть уж лучше меня бьют по рукам и дерут за уши, все лучше, только не суд. – Я суд ненавижу, терпеть его не могу. – Сам не хочу ни на кого подавать, и на меня пускай не подают».

Таких ребят было несколько. Суд захватил их врасплох, как неожиданный и грозный враг – враг-регистратор, враг-дневной свет, враг-гласность.

Парень не желает объяснять, ему и дела нет, что он не прав,

он и не думает себя принудить. Удастся или не удастся, он находит вкус в этом азарте; случай – вот что его волнует, и он живет от приключения к приключению, руководствуясь минутным настроением. Вспышки чувств – его стихия.

Если когда-нибудь найдется счастливый человек, у которого будет возможность научно разработать вопрос о воспитательном значении судов, я горячо рекомендую ему как объект наблюдений именно этих детей.

Знаменательно, что эта немногочисленная кучка и свергла суд. Когда я распустил суд, я не сомневался, что делаю это на какие-нибудь несколько недель, только чтобы ввести некоторые изменения и дополнения. И все-таки я воспринимал перерыв в работе суда как значительное поражение. Я понял, с каким трудом придется суду прокладывать себе дорогу в других воспитательных учреждениях, с другими людьми во главе.

Я знаю, что все лучшие воспитатели стремятся сбросить со своих плеч эту необходимость постоянно ворчать, вышучивать и ругать, поскольку они не желают, по примеру немецких школ, невозмутимо и с достоинством лупцевать специально предусмотренным инструментом по установленному уставом месту. Но я знаю также, что суд должен обмануть их надежды на то, что можно легко, основательно и, самое главное, быстро справиться со всеми этими сотнями мелких проступков, вин, упущений, отклонений, трений, которые наблюдаются в жизни ребячьей толпы, преобразуемой в правовое общество… Суд не заменит воспитателя, даже не выручит временно, а, расширив сферу его деятельности, усложнит ему работу, углубит ее и приведет в систему.

Можно выдавать детям тетради, карандаши и перья в разное время и отмечать это только в памяти – тогда выйдет беспорядок. А можно выдавать в определенные часы и дни, записывая дату выдачи, – тогда будет порядок и даже некоторая справедливость. Сохранились, может быть, и такие интернаты, где не установлены часы приема пищи, и дети едят когда им заблагорассудится, причем шустрые больше и чаще тихих и смирных. Можно назначать и приводить в исполнение наказания, отчитывать, делать нахлобучки и выговоры и без суда. Это непорядок, но не слишком отклоняющийся от того, что общепринято. Воспитатель как-то справляется, ну и ребята как-то справляются.

Поразительно, как на суде обнаруживается и мстит за себя любая не решенная воспитателем проблема, любое халтурное распоряжение или запрещение, любой недосмотр. Вечерние волнения в спальне, шум в спальне – целый ряд мелких надоедливых вопросов весь год с математической точностью бил

тревогу, говоря, что вопрос о необходимом количестве сна для детей не решен и требует урегулирования. Суд оказался здесь действительно беспомощен, тут необходимо было или явное насилие, то есть палка, или решение этого труднейшего вопроса, исходя из психофизических потребностей ребенка.

Каждый невыполнимый, а значит, педагогически халтурный приказ неутомимо «стучится, дабы ему отворили», домогаясь уступок и отклонений от системы. Каждый ребенок, которого не удается подвести под общий закон, должен так же законно стать исключением.

И здесь необходима сведущая творческая и беззаветная мысль воспитателя. Неумелый учитель не справляется с классом. Появляется суд – и вот ученики прилежно учатся, хорошо себя ведут. Да ведь это было бы чудом, и притом чрезвычайно милостивым по отношению к воспитателю, но убийственным для детей.

Прежде чем решиться распустить суд, я пережил много тяжелых минут. Ребята, правда, не все, а только некоторая немногочисленная, но очень беспокойная группа, использовали суд в своих интересах. Когда им было выгодно, они уважали суд, а когда суд стеснял, потешались над ним. Беспорядок вкрадывался сначала в мелочах, но что будет, если чувство безнаказанности укоренится? Не со всеми делами можно ждать целую неделю. «Не буду чистить картошку, не буду делать уборку». Ну и отдали под суд, что не чистит картошку. А что было делать? А бывало и хуже. «Раз меня отдали под суд, значит, делать уборку уже не нужно, я не буду убирать, ведь вы уже на меня подали в суд».

А приговоры были легкие. Ни один состав судей не отважился дать выше четырехсотой статьи. Бдительная оппозиция всегда поддерживала это сопротивление применению высших статей. Основная разница между судом присяжных и товарищеским судом в том, что судьи и обвиняемые в товарищеском суде знакомы между собой и тысячью нитей связаны друг с другом. Дать тут большую статью – значит идти на неприятность. Все мы знаем, как иногда неприятны и хлопотны суды чести. А главное, зачем давать против воли большую статью и подвергать себя нареканиям, раз все равно это ничему не поможет?

Мнения о суде разделились. Наряду с небольшим числом прямых врагов и сторонников суда существовало значительное большинство, которое считало, что, хотя суд и приносит пользу, он нуждается в реорганизации.

«Вообще нам суд нужен, но от такого суда, как у нас, мало

пользы». «Для одних ребят он хорош, а другим не помогает». «Со временем наш суд будет очень даже полезен». «Вот если бы наш суд был другой, он был бы нам очень нужен».

Эти несколько анкетных ответов хорошо иллюстрируют отношение ребят к новому институту.

Рассматривая суд как попытку, которая может провалиться, я первым делом старался собрать возможно больше фактического материала. Не располагая временем, я давал только общий набросок процесса. Любопытно было все: статистика и казуистика, рядовые дела и дела необычные, отношения между обвиняющими, обвиняемыми и судьями. У меня складывалось убеждение, что в будущем секретарем суда должен быть руководитель-воспитатель, а не воспитатель и администратор в одном лице.

Суд нужен, необходим, его ничем не удастся заменить.

Суд должен иметь колоссальное воспитательное значение. К сожалению, мы еще до суда не доросли. Мы еще не доросли или у нас еще не доросли.

Суд не вошел величаво в нашу жизнь как важный законодательный акт, а проскользнул пугливо и смиренно. Однако, распуская суд, я ясно чувствовал, что совершаю государственный переворот, и, возможно, я и обманываюсь, так восприняли это и дети. «И что теперь будет?»

Некоторые ребята «спокойно вздохнули», избавившись от зоркого контролера. Некоторые, желая доказать, что суд был не нужен, вели себя лучше. Определенная группа допытывалась, откроется ли суд опять и когда. Кроме того, изрядная группа ребят мало интересовалась как судом, так и вообще всеми вопросами общежития.

Среди теоретических обвинений, предъявляемых суду со стороны, чаще всего повторялось одно:

«Суд приучает детей к сутяжничеству».

Для меня, а наверное, и для каждого воспитателя, нет «детей» вообще, а есть отдельные дети, настолько разные, настолько диаметрально противоположные, настолько своеобразно и по-разному реагирующие на окружающее, что это огульное обвинение должно вызывать снисходительную улыбку. За весь год не было ни одного факта, который позволял бы утверждать, что суд приучает детей к сутяжничеству, наоборот, многие факты, как мне кажется, говорят о том, что суд учит детей, что сутяжничать невыгодно, вредно и бессмысленно. Под влиянием и на фоне суда совершалась, по-моему, колоссальная работа осознания условий и законов общежития. Кто не относится с пренебрежением к ребячьему обществу, кто понимает, что это «мир», а не «мирок»,

того цифра три тысячи пятьдесят дел должна убедить, что судьи не могут вдаваться в подробности. Иначе потребовалось бы несколько толстенных томов. Я хочу подчеркнуть лишь одно: у нас из ребят не вылечился от сутяжничества только один. Многие же вылечились и, вероятно, надолго.

После перерыва в судопроизводство внесены три важных дополнения:

1. Недовольные решением суда имеют право по истечении месяца подавать на кассацию.

2. Некоторые дела изымаются из-под ведения суда и передаются судебному совету.

3. Дети имеют право подавать в суд на воспитателей и вообще на взрослых.

Я не могу позволить себе вдаваться в подробности.

За полгода я подал на себя в суд пять раз. В первый раз, когда я выдрал мальчишку за уши, во второй, когда выставил одного мальчугана из спальни, в третий, когда поставил в угол, в четвертый, когда я оскорбил судью, в пятый, когда несправедливо заподозрил девочку в краже. По первым трем делам я получил двадцать первую статью, за четвертое – семьдесят первую статью, за последнее – седьмую статью.

Каждый раз я подавал пространное показание в письменном виде.

Я категорически утверждаю, что эти несколько судебных дел были краеугольным камнем моего перевоспитания как нового, «конституционного» воспитателя, который не обижает детей не потому, что хорошо к ним относится, а потому, что существует институт, который защищает детей от произвола, своевластия и деспотизма воспитателей.

Сейм дома сирот

Дежурства в Доме Сирот имеют семилетнюю давность и получили боевое крещение уже во многих интернатах. Кухня, прачечная, инструменты, забота о здании и надзор за младшими детьми отданы в ведение воспитанников, из десятилетних дежурных преображающихся в четырнадцати-, пятнадцатилетних воспитателей. Продолжает издаваться газета, два года работает без перебоев суд. «Мы достаточно зрелы, чтобы попытаться осуществить самоуправление». Так возник сейм, о котором покамест нельзя сказать ничего определенного. Сейм насчитывает двадцать депутатов. Пятеро ребят составляют избирательный округ; тот, у кого четыре голоса, становится депутатом. Голосуют все, депутатом же может быть только тот, у кого нет ни одной судимости. За нечестными ребятами (воровство, мошенничество) признается право на реабилитацию. Сейм утверждает изданные судебным советом законы или отклоняет их. Сейм устанавливает юбилейные дни и присуждает памятные открытки. Если суд правомочен принимать решения об исключении воспитанников, то сейм обязан добиваться, чтобы от него зависело принятие новых ребят и удаление старших и даже воспитателей. Рекомендуется осторожность, границы компетенции сейма надо расширять постепенно, ограничения и предупреждения, пусть и многочисленные, должны быть ясные и недвусмысленные. В противном случае лучше не организовывать выборов, не инсценировать игры в самоуправление, не вводить в заблуждение себя и детей. Такая игра неэтична и вредна.

Календарь

Привожу некоторые параграфы проекта.

§ 6. По предложению депутата или по случаю присуждения памятной открытки сейм устанавливает праздничные дни (нерелигиозного характера).

§ 9. 22 декабря. Девиз: «Не стоит вставать», потому что короткий день. Кто хочет, может не вставать, а спать. Кто хочет, может не стелить постели. Детали разработает и представит законодательная комиссия сейма.

§ 10. 22 июня. Девиз: «Не стоит ложиться спать». Кто хочет, может бодрствовать всю ночь. В случае хорошей погоды ночной поход через город.

§ 12. День первого снега. Девиз: «День санного пути». Днем первого снега будет считаться тот день, когда выпал снег при температуре ниже 1 C°. Игра в снежки, экскурсия, катание на санях (кататься ребят выбирают голосованием).

§ 18. День умерших. За утренней молитвой поминают умерших воспитателей.

§ 19. День триста шестьдесят пятого обеда. Экономка за свою работу получает конфеты. Дежурные по кухне тоже. Девиз: «Именины кухни».

Примечание. Предлагайте, как организовать чествование прачечной.

§ 22. День грязнули. Девиз: «Умываться не разрешается». Тот, кто хочет в этот день умыться, вносит определенную плату, которая будет установлена сеймом.

§ [24] День часов. Непунктуальный сапожник после данного им обещания исправиться исправился и целый год приносил работу в назначенный день и час. Сейм присудил ему открытку пунктуальности. Чтобы отметить это событие, в этот день ребятам разрешается оставаться в городе на час дольше обычного.

§ 27. День неряхи. Тот, кто, как покажет голосование, меньше всех следит за своей одеждой, получает что-нибудь из одежды, чтобы не выглядеть в праздничные дни неряхой.

§ 28. День котла. Когда испортился лифт из кухни в столовую, один из старших мальчиков проявил неотзывчивость, отказавшись помочь нести котел. Отныне в этот день завтрак приносят, хотя бы лифт и работал, два мальчика, из самых старших, избираемых жеребьевкой.

§ 32. День поощрения. Тот, кто получил за год наибольшее количество обвинительных приговоров, получает оправдательные приговоры за всю неделю. Если он пожелает, он может выступить

в качестве судьи. День поощрения вводится, чтобы отметить тот случай, когда один из величайших сорвиголов за всю неделю ни разу не попал под суд.

§ 40. Сейм решает, в течение скольких зим значиться данному дню в календаре.

Памятные открытки

Во временном, еще не утвержденном сеймом статуте о памятных открытках имеются в числе прочих следующие параграфы:

§ 3. Надпись на оборотной стороне открытки гласит: «Постановлением сейма от… (число)… (имя и фамилия) присуждается памятная открытка за…»

День присуждения открытки может быть признан праздником и включен в календарь.

§ 4. Соискатель открытки обязан подать заявление на непомятом листке бумаги, где он собственноручно четким, разборчивым почерком перечисляет поступки и факты, которые он хочет помнить. Поступки могут быть как хорошие, так и плохие, как полезные, так и вредные, достойные как похвалы, так и порицания. Открытка может быть приятным или неприятным воспоминанием, поощрением или предупреждением.

§ 5. Если сейм захочет сильнее подчеркнуть памятный факт, он включает его в календарь побед и поражений, похвальных усилий и халатности, доказательства сильной или слабой воли.

§ 7. Содержание картинки на открытке должно соответствовать тому, за что ее дали:

1. За немедленное вставание по утреннему звонку выдается: в зимнем сезоне – зимний пейзаж, за вставание в весеннее время – весенний и т. д.

2. За очистку двух с половиной тысяч фунтов картошки – открытку с цветами.

3. За драки, ссоры, несоблюдение законов и постановлений – открытку с тигром.

4. За заботу о маленьких и новичках – открытку с соответствующим изображением и т. п.

§ 10. Тот, кто добросовестно выполнял в течение более чем одного года одно и то же дежурство, имеет право на открытку с видом Варшавы.

Сейм считает Дом Сирот частью Варшавы и желает оставить памятку, особенно дорогую для тех, кто, может быть, в будущем покинет родной город.

§ 12. Кроме памятных открыток сейм может выдавать и юбилейные. Например, тот, кто всегда рано встает и, значит, у кого есть памятные открытки за все четыре сезона, получает открытку «сильной воли» и т. д.

§ 14. Постепенно должны быть введены «открытки здоровья» (кто ни разу не болел, быстро растет, занимается спортом),

памятные открытки за участие в спектаклях, играх, за работу в газете и в суде.

§ 17. Последняя открытка – это прощальная открытка с незабудками. На ней ставят подписи все ребята и персонал.

Эта открытка не награда, а память, воспоминание. Одни дети потеряют ее где-нибудь на дороге жизни, другие сохранят надолго.

notes

Примечания

1

Цикл «Как любить ребенка» состоит из четырех самостоятельных частей: «Ребенок в семье», «Интернат», «Летние колонии» и «Дом Сирот». Первая часть впервые была опубликована в Варшаве в 1919 г. Полностью весь цикл вышел в 1920 г. под заглавием «Как любить детей». В 1929 г. при втором издании Корчак вернулся к названию «Как любить ребенка».

Вторая часть цикла «Интернат» была издана в СССР в 1922 г. с предисловием Н.К. Крупской.

2

Эпиграф взят из поэмы великого польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого (1809–1849) «Ангелли».

3

Цитата из новеллы польского писателя Стефана Жеромского (1864–1925) «Забвение».

4

Stomatilis catarrhalis (simplex) (*лат.*) – катаральное воспаление слизистой оболочки рта; soor (*лат.*) – афты; stom. aphtosa (*лат.*) – афтозное воспаление рта; gingivitis (*лат.*) – воспаление десен; angina (*лат.*) – ангина.

5

Каменьский Станислав (1860–1913) – польский врач-педиатр, специалист в области детской физиологии и гигиены.

6

Брудзиньский Юзеф Поликарп (1874–1917) – польский врач-педиатр и нейролог.

7

Post hoc, (ergo) propter hoc (*лат.*) – после этого, а значит, из-за этого.

8

«Magna charta libertatum» – Великая Хартия Вольностей (1215) – закон, который вынужден был принять английский король Иоанн Безземельный. Хартия предоставляла привилегии аристократии, рыцарству, городам и верхушке свободного крестьянства.

9

Цитата из повести французской писательницы Сидони-Габриэль Колетт (1873–1954) «Клодина в Париже».

10

Харцерство – Союз польских харцеров – организация детей и молодежи, созданная в 1909–1911 гг. по образцу скаутских организаций.

11

Цитата из рассказа польского писателя С. Виткевича (1854–1915) «Ендрек Чайка».

12

Экзематик – больной экземой.

13

Из повести французского писателя Октава Мирбо «Аббат Жюль».

14

Бжозовский Станислав (1878–1911) – польский философ, теоретик культуры. Его «Легенда Молодой Польши» (1909) сыграла большую роль в развитии польской общественной мысли.

15

Перевожу дословно – в русском языке аналогичный оборот в детской речи не отмечен. – *Примеч. пер.*

16

Фрейд Зигмунд (1856–1939) – австрийский врач и психиатр, создатель теории психоанализа.

17

Цитата из «Ямы» А. Куприна.

18

Еллента Цезарь (1861–1931) – польский писатель и литературный критик.

19

Слова из популярной в конце XIX в. песенки на стихи Кароля Балиньского (1817–1864). Фарис – арабский наездник, в переносном смысле – удалец.

20

Руссо Жан-Жак (1712–1778) – французский писатель и философ, создатель концепции естественного и свободного воспитания. Его роман-трактат «Эмиль, или О воспитании» (1762) начинается словами: «Все выходит совершенным из рук Творца, все вырождается в руках человека».

21

Приют Прево – сиротский дом во Франции, основанный в 1853 г. филантропом Иосифом Габриэлем Прево (1793–1875) и реорганизованный в 1880 г. педагогом и деятелем рабочего движения Полем Робеном (1837–1912). Робен сломал старую систему религиозного и авторитарного воспитания и ввел светское воспитание, нацеленное на гармоническое развитие физических и духовных сил ребенка. См.: Кайданов О.В. Сиротский дом Прево и его создатель Поль Робен. М., 1912; Шильникова М.Е. Из опыта работы Поля Робена в интернате Прево // Советская педагогика. 1956. № 12.

22

Гваякол – лекарство, употреблявшееся как противотуберкулезное средство.

23

Песталоцци Иоганн Генрих (1746–1827) – великий швейцарский педагог. Корчак цитирует отрывок из произведения Песталоцци «Письмо к другу о пребывании в Станце». См.: Песталоцци И.Г. Избр. пед. соч.: В 2 т. М., 1981. Т.2. С. 62.

24

Ex cathedra (лат.) – с кафедры, то есть особенно авторитетно, непререкаемо.

25

Повесть «Слава» вышла в Варшаве в 1913 г. (В 1914 г. была издана на русском языке в Москве.)

26

Войт – глава гмины, низшей сельской административной единицы в Польше.

27

Локк Джон (1632–1704) – английский философ, теоретик воспитания. Корчак ссылается на следующее высказывание Локка: «…хитрость, это обезьянье подобие мудрости, как нельзя более далека от последней и так же уродлива, как уродлива сама обезьяна». См.: Локк Д. Пед. соч. М., 1939. С. 169

28

Мицкевич Адам (1798–1855) – великий польский поэт.

29

Собеский Ян (1629–1696) – польский король, полководец.

30

Я. Корчак, по-видимому, имеет в виду книгу С.Т. Шацкого (1878–1934) «Дети – работники будущего» (1908), в которой описывается опыт работы клуба «Сетльмент», организованного для детей рабочей окраины.

31

Praxis pauperum (лат.) – врачебная практика среди бедных; praxis aurea (лат.) – практика, приносящая доход.

32

Педикулез – вшивость.

33

Фабр Жан Анри (1823–1915) – знаменитый французский энтомолог.

34

Здание Дома Сирот на Крахмальной, 92 (ныне по ул. Якторовской), Варшава, сохранилось с небольшими изменениями.

35

Панна Стефания – Стефания Вильчиньская (1886–1942) – сподвижница Корчака, его помощник по Дому Сирот. Погибла вместе с Корчаком и детьми 5 августа 1942 г.

36

Sic volo, sic jubeo (лат.) – так хочу, так велю.